газета основана 30 марта 1929 года

22 ноября 2013 года

Воронежский Университет

От первого лица

НАМ БЕЗ ПЯТИ ВЕК

Университету девяносто пять лет.

С биологической точки зрения – редкий возраст долгожития.

Возраст воспоминаний, возраст элегического путешествия в прошлое.

С точки зрения социальной – это возраст не останавливаемого обновления жизни.

Возраст смены поколений.

Девятнадцать студенческих поколений сменилось в университете с ноября 1918 года.

Девятнадцать поколений, преобразовавших сонный губернский город в крупный интеллектуальный центр.

Университетский город – понятие нравственное. С момента своей организации в Воронеже наш университет живет под знаком трех «Д» - достоинство, демократизм, добросердечие. Эти три «Д» помогли нам выстоять в прошлом, которое не было безоблачным; дают нам силы в настоящем, наполненном жаждой научного и нравственного самоутверждения и вселяют в нас надежду на будущее.

Пока живет университет – будет жить город. Эта формула рождена не футурологическими амбициями нашего университетского сообщества – эта реальная оценка того, что дал университет Воронежу и региону.

Советскому Союзу и России.

Университет дал своей Родине не только изобретения, открытия, книги, фильмы – он оделил ее пространство людьми мыслящими, людьми отважными, людьми стойкими. Тысячи наших питомцев – учителей, ученых, инженеров, журналистов, медиков, естествоиспытателей, прошедших через университетские аудитории и лаборатории послужили и продолжают служить однажды избранному делу.

Девяносто пять лет – возраст ответственный. Это возраст накопленного опыта и прекрасного осознания своих возможностей, возраст уверенности в своих силах и небоязни грядущих лет.

Мы – оптимисты.

Мы уверенно идем вперед по пути, проложенному нашими предшественниками.

Живой университет – залог правильности этого движения.

Д.Ендовицкий,
ректор университета

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТ

«– А у Вас, молодой человек, есть высшее образование?
– Нет.
– Ну, вот Вы и будете первым студентом этого университета.»

В середине июня 1918 г. в Воронеж приехали профессор Штернберг, профессор Регель и еще один профессор, фамилию которого я не помню. Вечером в день прибытия члены комиссии были приняты в губисполкоме его председателем Н. Н. Кардашевым и зав. губоно П. Д. Смирновым.

А на следующий день комиссия явилась ко мне как члену губисполкома и комиссару гимназии военного ведомства. (Надо сказать, что к этому времени Воронежский кадетский корпус был преобразован в гимназию военного ведомства, которая, по мысли правительства, должна была готовить средний командный состав для Красной Армии.)

Профессор Штернберг расположил к себе сразу. Обаятельный интеллигентный человек лет сорока-сорока пяти, он поразил меня широтой кругозора и глубиной суждений. Предъявив мандат и изложив цель своего визита, он сообщил, что руководство губисполкома в принципе согласно, чтобы Юрьевский университет обосновался в Воронеже.

— Правда, есть два обстоятельства, которые меня беспокоят, — сказал профессор. — Во-первых, Воронеж — прифронтовой город, а, во-вторых, возникают трудности с размещением университета. Нам рекомендовали связаться с Вами. Вот мы и прибили к Вам.

И, видимо, желая убедить меня в том, что университет надо размещать именно в Воронеже, Павел Карлович стал объяснять значимость университета для города.

— Поймите, молодой человек, открытие университета в Воронеже сразу придаст городу авторитет. Он станет большим научным центром, резко выделившись неуниверситетских губернских центров!

Выслушав страстную речь профессора, я сказал:

— Профессор. Вы напрасно доказываете мне преимущество Воронежа, если он станет университетским городом. Я хотя и молод, но значение этого факта хорошо понимаю. И мы, воронежцы, счастливы, что правительство выбрало наш город для создания университета. Двух мнений быть не может: университет должен и может быть размещен у нас, и мы сделаем все для того, чтобы приезжающим было у нас хорошо.

— А что будет с гимназией? — спросил Павел Карлович.

— Здесь есть свои трудности, — заметил я. — Мы уже объявили набор учащихся на 1918/19 учебный год. Так что придется перестраиваться. Гимназию мы в Воронеже ликвидируем. Думаю, что военное ведомство нас в этом поддержит.

— А у Вас, молодой человек, есть высшее образование? — спросил Штернберг

— Нет.

— Ну, вот Вы и будете первым студентом этого университета. Обязательно! А Вам, Василий Эдуардович, я поручаю непременно оформить Ивана Алексеевича студентом на факультет общественных наук.

— Обязательно, — пообещал Регель.

Так и случилось.

Профессорский состав ВГУ в 20-е годы

УНИВЕРСИТЕТ В ВОРОНЕЖЕ ПРЕЖДЕВРЕМЕНЕН?

***

Рассуждения об организации университета химерические, лишенные каких-либо реальных оснований. При почти поголовной народной безграмотности надо хлопотать не об университете, а о народных школах. В такое ли время пускать праздные мысли об учреждении университета в местности, где он бесполезен, когда трудно поддерживать в достойном их виде даже существующие давно университеты, когда почти невозможно при нашей крайней научной бедности, основания университетов, действительно необходимых.

М.Ф.Де-Пуле «Воронежский листок» 1865 г., 25 февраля

***

Лучшего, чем Воронеж, культурным традициям и притом достаточно крупного города в центральной великорусской черноземной полосе найти нельзя, и едва ли какой другой, хотя бы и более крупный центр юго-востока может идти с ним в этом отношении в сравнении.

Из «Записок П.П.Семенова-Тяншанского», 1906 г.

***

При разрешении вопроса, где должен быть оставлен Юрьевский университет, предпочтения должно быть отдано Воронежу, так как только в таком случае распределение университетов будет сделано более равномерно.

Из решения комиссии, возглавляемой Н.А.Александровым 1915 г.

Хроника текущих событий

На заседании 5 апреля 1918 года Совет Юрьевского университета постановил командировать профессора Яковенко «в место нахождения центральной власти: а) для доклада о положении университета; б) для получения от нее сведений материального существования; в) для сообщения высшей власти постановления Совета университета касательно места его дальнейшей временной деятельности, если окажется невозможным университету оставаться в Юрьеве».

К.К.Сент-Илер.
К истории Воронежского университета
Труды ВГУ, 1925,
Т.I – С.377-378

***

18 мая 1918 года на заседании государственной комиссии по просвещению принято решение о переводе Юрьевского университета в Воронеж, «для чего использовать имущество и свободный персонал эвакуированных университетов. С этой целью войти с представлением в Совет Народных комиссаров о переезде юрьевских профессоров со студентами и архивом университета в Воронеж. Ассигновать на постройку зданий под университет 500 000 руб.»

***

12 июля 1918 года первый эшелон, состоящий из 2 классных и 19 товарных, отправился по маршруту Юрьев-Псков-Торошино-Гатчна-Тосно-Москва-Воронеж. К месту назначения эшелон прибывает 25 июля ночью. Второй эшелон вышел из Юрьева 31 августа 1918 года и прибывает в Воронеж 7 сентября утром.

Из воспоминаний
профессора
К.К.Сент-Илера

***

Телеграмма проф. В.Э.Гегеля в Наркомпрос от 2.10.1918 года

Совет заседания тринадцатого избрал меня ректором Воронежского университета тчк. Ввиду крайне сложной работы организации университета прошу оставить в силе также комитет устройства университета под моим председательством <...>

Председатель комитета
Э.Регель

***

Перевод в Воронеж Юрьевского университета был заметным событием в жизни города <...>

В Воронеже появилось много новых людей: профессоров, преподавателей, студентов. Студенты-юрьевцы – сильно отличались от тех юношей и девушек, которые поступили в университет уже в Воронеже.

Юрьевцы демонстрировали аристократические манеры и верность старым традициям... Ходили в студенческих тужурках и фуражка с голубым околышем, носили усики. Расшаркивались перед профессорами и прикладывались к ручкам их супруг. Вечерами студенты гуляли в Семейном саду (ныне сад Дома Офицеров) и, тогда аллеи цвели голубыми околышами и петлицами тужурок.

Из воспоминаний
А.А.Русановой

Хроника текущих событий

1918 год

Воронежский государственный университет сегодня, 12 ноября, открывает свою научную деятельность. В 6 часов вечера (по новому времени) начинается чтение лекций. На юридическом факультете в главном здании университета (бывший кадетский корпус) сегодня, в 6 часов вечера, открывает курс своих лекций профессор Невзоров.
На историко-филологическом, физико-математическом факультетах чтения лекций открываются также в этот день. На медицинском факультете амбулаторный прием больных по глазным болезням начинается сегодня же, а также чтение лекций по отдельным предметам. Приветствуем воронежцев с государственным университетом, а рассадник высшей науки — с началом занятий. В добрый час!

Известия Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 12 ноября.

Как поступить в университет

В университете имеются 3 основных факультета: медицинский, педагогический и физико-математический. Число мест для вновь поступающих определено так: для медицинского — 250, для педагогического — 450, для физико-математического — 300. Прием в текущем году будет производиться на основе строгого классового отбора, главным образом ло командировкам губкома РКП (б) и РКСМ и пубпрофсовета, и только 10% всех мест будет предоставлено для поступающих по личному заявлению...
Испытания будут проводиться в объеме программы рабочих факультетов по следующим предметам: русскому языку, физике, математике и обществоведению.

А. Чубуков
Воронежская коммуна
5 июля.

Приёмная комиссия ВГУ просит отметить, что все экзаменующиеся должны приносить с собой бумагу, ручки, перья и чернила. Означенное вызвано отсутствие средств.

Воронежская коммуна
15 авг.

На медфаке подано заявлений 629. Вакансий имеется — 250. На физмате ... подано 370 заявлений. Вакансий — 300. На педфаке подано заявлений 212, вакансий — 450. <...>
Таким образом, подали прошение в текущем учебном году 1211 человек.

Воронежская коммуна
21 авг.

1923 год

В 1923 г. впервые в учебных заведениях нашей страны были введены вступительные экзамены. О том, как они проходили в университете, доцент физмата Н. П. Самбикин шутливо рассказал в своем знаменитом «Избиении младенцев». Но мы, многочисленные абитуриенты, разумеется, этих впоследствии известных всему ВГУ стихов не знали. Мы с утра до вечера просиживали на экзаменах. Надо оказать, конкурс был в том году большой, и экзамены нередко продолжались допоздна. Я, например, сдавал обществоведение в двенадцатом часу ночи. Но такие помехи никого из нас не смущали: мы готовы были преодолеть любые трудности, чтобы попасть в университет. И, увидев свою фамилию в числе принятых, я очень обрадовался.

Из воспоминаний Ф. Г.Пономарева

Столовая для студентов

Исполбюро профсоюза ВГУ при Доме пролетарского студенчества открывает столовую. Пользоваться обедами имеют право все студенты и члены профсоюза.
Обеды будут двоих сортов: один обед будет состоять из мясных щей и каши, а второй – из мясных щей, жаркого и фунта хлеба. Первый обед в месяц будет стоить в месяц 3 руб. золотом, второй 4 руб. 50 коп.

Воронежская коммуна
1823г., 22 авг.

1924 год

Из протокола № 3 собрания ячейки РКП(б) ВГУ от 1.11 1924 г.
Слушали:
1. Доклад т. Чубукова о работе правле¬ния ВГУ.
2. О финансах университета.
Для содержания университета требуется по смете 23—24 года 1 184 124 руб. <...>
Всего же отпущено в год 1/4 сметной суммы 261 412 руб. <...>
Личный состав университета равен 547 человек. Научных работников 200 человек (36%), служащих 347 (64%) <...> Количество профессоров 31 человек, совместительств — 47, занятых кафедр — 45, свободных – 31 кафедра. Всего нужно 76 профессоров, Приглашено – 10. Прибыло – 6. Всего студентов в ВГУ 2810 человек.

1925 год

Стипендии нам положили червонец. Его хватало на неделю, потому после занятий мы ходили на Воронеж - из реки разгружать уголь. За разгрузку получали 10 руб. Работа была тяжёлой, правда мы стали нравиться девушкам – глаза наши поблёскивали от антрецита, а ресницы приобрели жгучий чёрный цвет

Из воспоминаний В.Ф. Пименова

1928 год

Очень редко встречаются собственные кухонные принадлежности, как, например, сковородки и кастрюли. Очень редко также встречаются и другие хозяйственные принадлежности как, например, тазы, молотки, ножницы <...> Пальто часто заменяет тёплое одеяло <...>
Часы наручные и карманные из 221 человека имеют всего 63 человека.
Собственных книг имеется сравнительно немного – учебников – 398, других книг – 785.

Канонников А. Имущество студентов. Материальное положение студентов Воронежского Университета. Воронеж, 1928 г., с 44-48

1929 год

На педфаке впервые в Воронеже в 1922 г. была создана группа атеистов. Возглавил ее Александр Васильевич Княжев, сотрудник ректората. Тогда же члены группы были направлены в клубы и учреждения в качестве руководителей антирелигиозных кружков. Я руководил с 1922 по 1927 г. антирелигиозным кружком клуба им. К. Маркса. В 1928 г. меня избрали членом президиума областного совета воинствующих безбожников. В 1929 г. был делегатом II Всесоюзного съезда безбожников в Москве.

Из воспоминаний П. А. Григорова (Из фондов музея истории ВГУ)

Здание Юрьевского (Дерптского) университета. 1802 год.

Здание бывшего Михайловского кадетского корпуса. Главный корпус ВГУ с 1918 по 1928 гг.

Корпус ВГУ в период восстановления - 1945-1958гг.

Здание главного корпуса ВГУ. Наши дни.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРОФЕССОР

Н. Н. Бурденко прибыл в Воронеж в июле 1918 года со специальным поездом, который был послан правительством в Юрьев за профессорами и преподавателями университета. К этому времени был подготовлен кадетский корпус с флигелем и освобождены особняки на Садовой улице (ныне ул. К. Маркса) под квартиры профессоров и преподавателей. Николай Нилович принял кафедру оперативкой хирургии и жил в больнице Красного Креста (ныне ул. 9 Января). Здание больницы частично сохранилось и теперь. И Воронеже Бурденко познакомился с моим отцом — доктором медицины, старшим врачом губзембольницы, председателем Пироговского общества врачей Воронежа, существовавшего с 1910 г., Андреем Григорьевичем Русановым. Давно работавший в Воронеже, он пользовался большим уважением и много способствовал размещению кафедр университета и устройству профессуры. Николай Нилович приехал без семьи и часто бывал в нашем доме.

Кроме кафедры оперативной хирургии Николай Нилович заведовал клиникой общей хирургии и затем факультетской хирургии, преподавал в существовавшей при губзембольницс фельдшерско-акушерской школе и на курсах военно-полевой хирургии, организованных им. В 1920 г. он отправился на польский фронт. А в 1921 г. был назначен в Москву на кафедру оперативной хирургии мединститута, куда уехал в 1923 г.

Николай Нилович был невысокий, но широкий в груди, большеголовый; он не казался маленьким даже рядом с высокими людьми. Одевался просто, даже небрежно. Студенты IV курса, на котором он преподавал, его боялись, но лекции посещали охотно, так как они были очень содержательные и дельные.

Массивная фигура Бурденко поражала крепостью, устойчивостью и надежностью. Крупные черты лица, рыжеватые волосы, большой лоб, пронизывающий взгляд. Твердый, непокалебимый, смекалистый.

Вот история, характеризующая Бурденко, рассказанная самим Николаем Ниловичем моему отцу. Произошло это во время захвата Воронежа белыми. Все понимали, что белые будут искать раненых красноармейцев в больницах. Там, где раненых было немного, их попрятали в женские палаты, надев косынки, женские рубашки. Однако в клинике у Бурденко раненых красноармейцев было много. И тогда Николай Нилович надел свой мундир полковника царской армии с Георгиевским крестом. Офицера и группу солдат он встретил на пороге клиники. Не очень-то обходительный и любезный, Бурденко тут держался и вовсе недоступно. Офицера фигура полковника с Георгием на груди привела в замешательство. Извинившись и козырнув, он поспешно ретировался.

Из воспоминаний А. А. Русановой

***

Поскольку квалифицированных педагогов в университете на первых порах не хватало, Николаю Ниловичу пришлось временно преподавать еще нервные болезни, судебную медицину, гигиену, кожные и венерические болезни. «Универсальный профессор», — говорили о Бурденко студенты.

Для своей клиники Николай Нилович выбрал усадьбу и лечебницу Николаевской Общины Красного Креста», главное здание которой сохранилось до сих пор (на углу улиц 9 Января и Ф. Энгельса),

В главном каменном трехэтажном здании усадьбы Общины, в хирургическом отделении лечебницы на 60 коек расположилась клиника. Здесь была готовая обстановка хирургического отделения с хорошей операционной, хирургическим инструментарием, а также мебелью, кроватями и бельем. Профессор жил в деревянном флигеле-пристройке при больнице; в одном из флигелей помещался склад клинического имущества и жил персонал; еще один флигель вскоре был занят больными. Имелись своя кухня, баня, прачечная, сарай, конюшни.

Первая лекция читалась глубокой осенью 1918 г. в неотапливаемом помещении амбулатории, где спешно была поставлена железная печка-буржуйка. Расхаживая вокруг нее и согревая руки, Николай Нилович излагал жадно слушавшим его студентам основы хирургии. В дальнейшем аудитория кафедры была организована в церкви Общины.

1920 г. Обвалился потолок в главном здании лечебницы Общины и клиника была вынуждена передислоцироваться в деревянный флигель, так называемый «серый домик», где можно было разместить лишь 25 коек. Усилиями Николая Ниловича кафедре было отдано помещение бывшей больницы для воспитанников кадетского корпуса. Это здание, каменное, в 3 этажа, которое до войны располагалось напротив теперешнего главного здания ВГМА, именовалось затем 4-й городской больницей. Здесь был основан филиал на 50 коек, который назывался «ортопедическим» или «травматическим», им заведовал В.И. Бобров. Здесь же с самого начала была устроена и аудитория на 120 мест, где читались лекции.

Примерно в это же время Н.Н. Бурденко переменил своё местожительство — переехал в квартиру на ул. Нёловской (теперь ул. Пятницкого), в доме № 69, на втором этаже. Дом этот, двухэтажный, из красного кирпича, сохранился и до сего времени. Он стоит сразу после здания 37-й школы. Здесь Николай Нилович прожил до своего отъезда в Москву в 1923 г.

Из книги Н.В.Бобровой «История кафедры факультетской хирургии» (воспоминания профессора Н.В.Бобровой) Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета 2008 – с.9-11

***

Материальное обеспечение профессоров ВГУ 1919/20 г.

Ф. И. О. Бурденко Николай Нилович, 42 года.
Должность — профессор университета.
Семейное положение — женат.
Жалованье — 8000 руб., 96 000 руб. в год.
Расходы:
а) на пищу — 6000 руб.;
б)на одежду и обувь — 3000 руб.;
в)на бытовые услуги — 1000 руб.;
г)на удовлетворение умств. и эстетич. потребностей — 2000 руб.
Квартира — казенная, одна комната 3х8 аршин.
Отопление — печью, вода — ведрами.
Температура зимой 1919 г. — 4 градуса.
Расход дров — 60 пудов.
Освещение — электрическое.
П. Туалет — нет.
Условия питания — паек врачебный.
Продукты приобретались — всяческими способами.
Рабочие часы в день — 15 часов.
Отпуск — не было.

Из фондов музея истории ВГУ

***

Профессор Н Н. Бурденко — для рабочих

В связи с предстоящим отъездом из Воронежа профессора Н. Н. Бурденко нельзя обойти молчанием тот факт, что, являясь выдающейся научной величиной, профессор Бурденко был вместе с тем крупным медицинско-общественным работником, пришедшим своими научными познаниями и энергией на помощь рабочему классу.

В 1918 году, когда почти все профессора определенно отрицательно относились к рабочим организациям, мы видим профессора Бурденко активным работником союза больничных касс Воронежской губ. и Воронежской общегородской больничной кассы.

Будучи официально главным консультантом указанных рабочих организаций, проф. Бурденко фактически был руководителем дела оказания медицинской помощи мирным трудящимся массам. И если это дело было поставлено в то время на должную высоту, то большая заслуга в этом принадлежит проф. Бурденко.

Обремененный работой по университету, принимая близкое участие в практической работе страховых органов, проф. Бурденко все-таки находил возможным сотрудничать в издававшемся тогда журнале «Бюллетень социального страхования», регулярно освещая на страницах последнего вопросы медицинской помощи застрахованным.

Воронежская коммуна. 1923 год. 4 марта.

> «КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ПЕДАГОГОВ В УНИВЕРСИТЕТЕ НЕ ХВАТАЛО. И БУРДЕНКО, КРОМЕ ХИРУРГИИ, ПРИШЛОСЬ ПРЕПОДАВАТЬ ЕЩЕ И НЕРВНЫЕ БОЛЕЗНИ, СУДЕБНУЮ МЕДИЦИНУ, КОЖНЫЕ И ВЕНЕРИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ, ГИГИЕНУ. «НАШ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРОФЕССОР», – ШУТИЛИ СТУДЕНТЫ».
>
> МИРСКИЙ М «ВО ИМЯ ЖИЗНИ»

ПРОТОРЕННЫХ ДОРОГ САМБИКИН НЕ ЛЮБИЛ

В течение двух лет (до приезда в Воронеж профессора Сушкевича) ассистент Самбикин один вел преподавание всех математических дисциплин, читая курс аналитических функции и пр. Николая Петровича Самбикина всю жизнь отличали подлинный, глубокий интерес к науке и редкостная работоспособность, исключительная систематичность. Свободно владея иностранными языками, Николай Петрович изучал и работы зарубежных математиков. На его письменном столе лежали новые издания кого-нибудь из классиков-математиков.

Проторенных дорог Самбикин не любил. Я помню, как много времени он потратил, пытаясь найти доказательство к теореме Ферма. Занимался Николай Петрович и неэвклидовой геометрией Добачевского и сделал на эту тему доклад в математическом обществе ВГУ.

Свой курс «Интегрирование обыкновенных дифференциальных уравнений» Николай Петрович отпечатал на стеклографе в количестве 180 экземпляров собственноручно. Помогли ему в этом студенты А. Тищенко и П. А. Черенков. Это была длительная и очень утомительная работа: каждый вечер Николай Петрович вместе со студентами уходил в университет и весьма несовершенным способом печатал учебное пособие, столь необходимое при изучении одного из разделов математики. Впоследствии им пользовалось не одно поколение студентов ВГУ.

Николай Петрович был прекрасным педагогом. Стремительно входил в аудиторию, весело здоровался со студентами иногда шутил — и сразу возникал необходимый настрой. Слушать лекции Самбикина было легко. Этому способствовала четкая система доказательст, безукоризненные записи на доске, владение материалом и эмоциональностью изложения.

И последний штрих: Николай Петрович очень любил театр. Уже будучи доцентом ВГУ, заместителем декана, членом правления университета, он не мог отказаться от удовольствия участвовать в инсценированных рассказов Чехова в день открытия университетского клуба (КУБУ) в 1924 г.

Что касается стихотворных экспромтов, принадлежавших Самбикину, то они мгновенно разлетались по университету.

Из воспоминаний М. В. Самбикиной (Из фондов музея истории ВГУ)

Ну, Ильич, ты нам удружил!
Какой злой дух в тебя вселился?
Так дружно, долго с нами жил
И вдруг
Москвой теперь пленился.
Недаром ректор, наш отец,
Сказал однажды: «Эх, Воронеж,
Ведь ты Бурденку проворонишь...».
И ... проворонил наконец.
Чего тебе недоставало?
Любви, почета было мало?
Так нет. Завиден твой удел:
Ты нас пленить давно сумел.
Вокруг тебя сияет слава,
От всех: «Спасибо!», «Исполать!»,
Восторг, хвала тебе — и, право,
Чего еще тебе желать?.
Но ты летишь в иные страны,
К другим стремишься небесам, —
И, мастерски лечивши раны.
Теперь нанес ты ранфу сам.
Нам и обидно, нам и больно,
И плачет, и скорбит невольно
Осиротевший факультет:
«Бурденко был, Бурденки нет».

Н. П. Самбикин
(Из фондов музея истории ВГУ)

Домик, где жил Николай Самбикин, стоит на улице Никитинской и сегодня

НАШ НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ

Елена Черенкова об отце

Павел Алексеевич родился в 1904 г. в семье крестьянина среднего достатка Алексея Егоровича Черенкова в селе Новая Чигла Бобровского уезда Воронежской губернии. Алексей Егорович крестьянствовал, плотничал по найму, торговал в бакалейной лавке, зимой ездил в извоз. Мать Павла Алексеевича Мария Павловна умерла через два года после его рождения, оставив троих малолеток, и Алексей Егорович снова женился. В семье росло шестеро его детей, из них пятеро – дочери: Варвара, Мария, Клавдия, Надежда, Татьяна. Прослужив в армии в 1914-1917 гг., Алексей Егорович получил чин поручика. Затем вернулся в село.

В 1918-1919 гг. Новая Чигла оказалась в пекле гражданской войны: село восемнадцать раз переходило из рук в руки белых, зеленых, красных. По окончании войны, в 1920 г. из Боброва в Новую Чиглу перевели гимназию, и она открылась здесь как школа второй ступени. Одноклассница Анна Разумовская-Голова вспоминала, что отец в те годы ходил в косоворотке, сидел на задней парте (как все мальчики), часто улыбался, с удовольствием помогал ученикам по математике. Учился хорошо. Учитель Сергей Григорьевич Графский обещал ему большое будущее. В эти молодые годы Павел Алексеевич книги предпочитал танцам. По словам сестры Варвары Алексеевны, из троих старших детей Варя и Маруся по вечерам уходили на танцы, а Паша всегда оставался дома, читал. Вообще его часто можно было видеть с книгой. Последние два года учебы отец подрабатывал счетоводом. Закончил школу он в 1924 г.

В том же году Павел Алексеевич поступил в Воронежский университет на физико-техническое отделение педагогического факультета. Это событие, как говорил он сам, было для него, конечно, самым ярким воспоминанием тех лет и прорывом первой оболочки во внешний мир из той прежней жизни, о которой ему писала одноклассница Лена: «На днях была в Боброве... Была в театре два раза. Там везде заметна жизнь, движение, а у нас здесь точно болото поглотило свою жертву и кончено... Иногда бывает такое состояние, что готова бежать отсюда куда глаза глядят... Хоть бы уехать в какой-нибудь маленький город».

В материальном отношении учиться было очень трудно, как вспоминал Павел Алексеевич. Подрабатывал частными уроками, разгрузкой вагонов, на летних и зимних каникулах - счетоводом на новочигольской мельнице, на практике по теплотехнике. Интересным событием того времени было участие в переписи населения в декабре 1926 г. В студенческие годы отец с группой однокурсников питались, объединившись в небольшую коммуну. Павел Алексеевич был в ней кассиром как самый аккуратный, четкий и хозяйственный человек.

Надо сказать, что в те годы Воронежский университет был одним из сильнейших вузов страны. Он образовался в 1918 г. на основе преподавательского состава и материальной базы (архивов, библиотеки, коллекций) старинного Юрьевского (Дерпт, Тарту) университета, разделившегося после вступления немецкой армии в этот город в марте восемнадцатого года. В нем преподавали профессора с мировым именем, такие как филолог М.Н. Крашенинников, биологи К.К. Сент-Илер, Б.М. Козо-Полянский, медик Н.Н. Бурденко. К числу ярких личностей относился и преподаватель математики Николай Петрович Самбикин, общение с которым в студенческие годы на моего отца произвело особенно глубокое впечатление. Самбикин один в университете вёл все математические дисциплины, свободно владел иностранными языками, был весел и шутлив, играл в студенческих театрах, писал стихи, в том числе написал не одну шутливую поэму о жизни Воронежского университета. Студенты переписывали произведения Самбикина от руки, и таким образом поэмы имели широкое хождение. Была известна студентам и «Речь старого профессора математики, обращенная к молодым математикам, окончившим университет», написанная Николаем Петровичем в прозе. Это - шутливое напутствие профессора, где оттенки будущих возможных жизненных ситуаций и поворотов судьбы описаны в математических терминах. Лекции Самбикина были настолько увлекательны, что послушать их приходили студенты других отделении и факультетов.

После окончания университета в октябре 1928 г. отец был направлен в Козлов (Мичуринск) преподавать математику и физику в школе. Деревенская жизнь была существенно труднее городской, поэтому Павел Алексеевич забрал из Новой Чиглы к себе в город самую младшую пятнадцатилетнюю сестру Татьяну. Татьяна Алексеевна проживала с братом несколько лет, сначала - в Козлове, затем - в Ленинграде. В дальнейшем она смогла получить городскую профессию, проработала библиотекарем всю жизнь. В конце зимы 1930 г. в Козлов приехала работать в школе выпускница отделения русского языка и литературы педфака Воронежского университета Мария Алексеевна Путинцева. В первый же день приезда поиски пристанища (по записке однокурсников) привели ее в комнату, которую снимали учителя-выпускники ВГУ, в том числе Павел Алексеевич. Эта встреча сделала Марию Алексеевну и Павла Алексеевича спутниками на всю жизнь.

Мама была дочерью Алексея Михайловича Путинцева - профессора-филолога Воронежского университета, основателя литературного музея И.С. Никитина в Воронеже, и Марии Михайловны Путинцевой (Борейша), преподававшей в университете иностранные языки.

Однажды Павел Алексеевич прочитал в козловской газете объявление о наборе в аспирантуру Академии наук в Ленинграде (Петербурге). Он написал в Академию, получил приглашение на экзамены

> «В студенческие годы отец с группой однокурсников питались, объединившись в небольшую коммуну. Павел Алексеевич был в ней кассиром как самый аккуратный, четкий и хозяйственный человек.»

В 1933 г. Павел Алексеевич был переведен на основное отделение аспирантуры и закончил ее защитой в мае 1935 г. диссертации на тему «Люминесценция растворов ураниловых солей под действием гамма-лучей».

В опытах Павла Алексеевича 1932-1934 гг. основной научной целью было изучение люминесценции. С.И. Вавилов в отчете за 1934 год о работе Физического института написал: «П.А. Черенковым в 1934 г. было закончено предварительное исследование свечения чистых жидкостей под Действием гамма-радиации. Было выяснено влияние на ин¬тенсивность этого свечения примесей разного рода тушителей. Проведена серия опытов по выяснению поляризации. Теоретическое истолкование явления как свечения при торможении комптоновских электронов дано академиком С.И. Вавиловым». Однако расчеты и дальнейшие опыты показали, что, хотя излучение действительно связано с электронами, оно не является тормозным излучением.

Вавилов попросил Илью Михайловича Франка и Игоря Евгеньевича Тамма (позднее оба - академики) поинтересоваться наблюдавшимся свечением. К 1937 г. они разработали и опубликовали теоретическую работу, согласно которой причиной излучения служит движение электрона со сверхсветовой скоростью в среде. Дальнейшие опыты Павла Алексеевича подтвердили эту теорию, и свечение получило название "черенковского излучения".

В феврале 1940 г. по этой теме Павел Алексеевич защитил докторскую диссертацию. В 1946 г. С.И. Вавилов, И.Е. Тамм, И.М. Франк и П.А. Черенков за проделанную работу получили Сталинскую премию, позже переименованную в Государственную. В 1958 г. Тамму, Франку и Черенкову была присуждена Нобелевская премия «за открытие и объяснение эффекта Черенкова».

Присуждение Нобелевской премии только трем здравствующим ученым объясняется завещанием Альфреда Нобеля: его премии должны служить помощью ученым, продолжающим работать. К этому времени С.И. Вавилова не было в живых.

Воспоминания Е.П.Черенковой, дочери ученого, «Павел Алексеевич Черенков:Человек и открытие» И. «Наука» 1999 г.

***

1930-й год Пашу приняли в аспирантуру, он получил место в аспирантском общежитии на Петрозаводской улице. Как часто бывает в жизни, успех, удача идут рядом с бедой. В семье Маруси был арестован ее отец, Алексей Михайлович Путинцев, профессор, литературовед, краевед, читавший на литературном отделении Воронежского университета курс истории русской литературы. Начались нескончаемые хождения по мукам, которые так хорошо известны многим нашим современникам, имевшим дело с учреждениями НКВД: следствие, ожидание приговора, решение судьбы "преступника". Дело воронежских краеведов, по которому привлекался А.М. Путинцев, тянулось долго. (Когда, по прошествии нескольких лет, его дочь пыталась узнать у него обстоятельства хода процесса тех лет, отец отказывался отвечать. «Я это пережил», — говорил он.) Паша начал хлопотать об отдельной комнате, понимая, что по окончании процесса надо постараться скорее вывезти жену и ее мать из Воронежа. Оставаться в этом городе было невозможно после того, что произошло.

Новый 1931-й год мы встречали небольшой компанией, но Марусе еще не удалось вырваться из Воронежа — процесс краеведов в то время не был завершен. Паша был один. Помню, что он поставил около своего прибора вторую рюмку, налил в нее вина — это была рюмка для его Маруси, о которой он думал в ту новогоднюю ночь. Сохранилась чудесная, хотя и не совершенная фотография, сделанная одним из гостей: мы все такие веселые, молодые, полные надежд! И очень хорошо на фотографии вышел Павел Алексеевич.

Впереди было много забот. Времена были трудные, непредсказуемые... Кто мог предвидеть, как поведет себя администрация общежития, когда пойдет разговор о членах семьи аспиранта Черенкова? Было о чем задуматься уже тогда, в начале 30-х годов. Но думаю, что Паше везло на порядочных людей, и, если эти вопросы кто-то и поднимал или ими интересовался, им ходу не давали. В Физическом институте под руководством С.И. Вавилова "климат", надо полагать, был особо благополучный. О своих заботах Паша ни¬когда не говорил.

Следствие по делу А.М. Путинцева закончилось. По приговору он был направлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. Измученного тюремным заключением, тяжелыми допросами его отправили в лагерь. Материальное положение семьи П.А. и М.А. Черенковых было нелегкое. Аспирантская стипендия. Жена ждала ребенка. Ее мать, Мария Михайловна Путинцева, как жена репрессированного, не имела никаких средств.

Друзья делились хлебным пайком. Мария Михайловна сушила сухари и посылала посылки мужу в Свирьлаг, а после его возвращения из лагеря уехала с ним в Смоленск. Бедные старики, оторванные от любимой дочери, жили в тяжелых материальных и бытовых условиях. Алексей Михайлович скончался в Тамбове в 1937 г.

Но жизнь шла. Черенковы переехали в Москву: по решению правительства Академию наук и многие научные институты перевели в "столицу нашей родины".

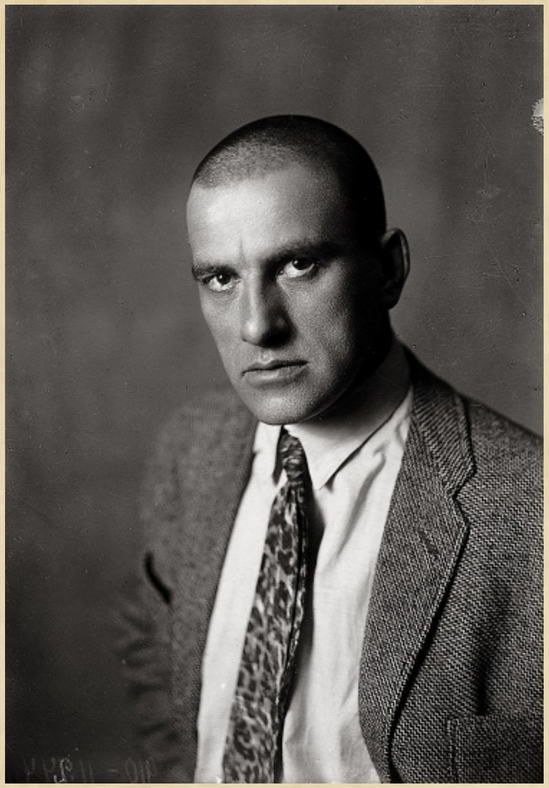
Я часто бывала в Москве переписывалась с Марией Алексеевной, знала обо всех событиях их жизни.

В 1938 г. мою семью постигло страшное несчастье: арестовали моего отца и мужа, объявили их "врагами народа". Известно, что общение с родственниками репрессированных рассматривалось как явление сугубо отрицательное. Сколько старинных связей было разорвано! К моему большому счастью, наши отношения с Павлом Алексеевичем и всей его семьей сохранились и никогда не нарушались. Мне приходилось часто бывать в Москве, подавать бесконечные и бесполезные, прошения. Я всегда останавливалась у Черенковых на Второй Тверской-Ямской. Они жили тогда сначала в двух, а потом в трех маленьких комнатах. В семье двое детей, старая бабушка - всего пять человек, считая супругов Черенковых. В этой квартире они прожили до 1962 г.

Даже в эти тяжелые времена принимали меня всегда по-родственному, ласково. А ведь повторяю, времена были страшные, и близость с "врагом народа" могла скомпрометировать любого.

Из воспоминаний Веры Константиновны Зажурило, литературоведа – пушкиниста

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ И НИНА ЛОГОФЕТ

«О трамвае»

Городов разбежались тыщи:
Начни — потеряешь счет,
А уж такого не сыщешь:
Где вместо Ленина — Петр.
Славится битой птицей
И ободранным университетом,
И есть в нем дефективные лица
И три приличных поэта.
Город как город,
Говоря проще,
Одно горе:
От края до края
Одни извозчики
И нет трамвая!
Одни извозчики!
Шпана в окраинах.
Одни извозчики И нет трамвая!
Одни извозчики!
Одни извозчики...
О-о! Брести, обнимая тумбы,
В неверии и спотыкаясь..
Я отдам века и Колумбов
За размеренные трамваи!
Однажды утром
Взвивались и снова никли
Знамен красногривый лёт,
Глазами холодной мастики
Смотрел изумленный Пётр:
Лежит панель —
Бежит по ней — Лежит панель —
Бежит по ней — Лежит панель —
Бежит по ней — По ней, по ней,
По ней, по ней,
По ней...
Видал в свое время: тьма
Немыслимых кольмаг,
Всяких поней и коней
Но это- О-о! Посудите сами!
Гляньте!
Гляньте!
Гляньте!
Глянь-ка!
Сядешь, как на диване.
Для всякого Вани,
Для всякого Вани,
Для каждой Таньки.
О чем хлопочешь?
Кати, куда хочешь!

Нина Логофет
Воронеж. Новый Леф. 1927. № 2

Небольшой каменный домик под номером 7 на улице Вайцеховского (бывший Вигелевский переулок) в 1920–е годы был местом жительства известного в Воронеже врача Михаила Юльевича Раппопорта. Он был еще и ценителем искусств, большим любителем поэзии, а потому у него часто собирались местные литераторы. Кроме того, братом жены Раппопорта был поэт Иван Дмитриевич Беляев (переехавший в Воронеж из Эстонии в начале 1926 года) – страстный поклонник поэзии Маяковского. Беляев был известен в литературных кругах своими сборниками стихов и прозы «Голод» и «Прокаженный перст» и книгой «Банкротство нашей литературной критики». Во многом благодаря ему состоялся тот исторический вечер в квартире М.Ю. Раппопорта.

.

Осенью 1926 года в Воронеж приехал Маяковский...

Воронеж 1926 года... Сады, сады, буйно разросшиеся за домами, тихие улочки, сбегающие к реке, классические пожарные каланчи, уцелевшие с дореволюционных времен, громадные синие пенсне над аптечной вывеской, столетние каштаны проспекта Революции... Ряд одноэтажных развалюшек на месте «Утюжка», башенные часы ювелира Михайлова — «Михайловские», — возле которых испокон веков назначались любовные свидания, наконец, горластые галки, орущие под золотыми луковицами многочисленных церквей, голубятни и великолепные извозчичьи биржи у вокзала и театра, это вековечное дребезжанье пролеток по булыжнику мостовой... И сама мостовая, сквозь серые камни которой пробивается настоящая, зеленая, как салат, трава.

Вот примерный портрет Воронежа первых послереволюционных лет, тех лет, когда горожане еще говорили по старой привычке: «возле губернаторского дома», «за Митрофановским монастырем», «напротив второй гимназии», «на заводе Рихард-Лоле», а улицы были все больше Воскресенские, Введенские, Хомотинские, Кручиновские, Попово-рыночные. <...>

...Самим ярким и звонким событием года был... пуск трамвая.

Рассыпая голубые искры и весело треща звонками, но тихим, поросшим деревенской травкой улицам промчался первый трамвай. Толпы горожан стояли по обочинам тротуаров, с восхищением глядя на сверкающие солнечными бликами новые красивые вагоны «электрической конки» ...

Трамвай пошел! Это было здорово! Это была эра нового города! Об этом стоило писать стихи.

И такие, очень хорошие стихи написала юная поэтесса Нина Логофет — маленькая, смуглая, черноволосая девушка, ходившая в рыжей кожаной куртке и лихо заломленной клетчатой кепке с невероятно длинным козырьком.

Вот эта самая Нина Логофет, проявив замечательную настойчивость, в конце концов разыскала Маяковского, побывала у него в гостинице и, радостная и гордая успехом, размахивая какой-то книжечкой, прибежала в одну из комнат редакции «Воронежская коммуна»... и объявила нам, что все улажено и что после выступления в театре Владимир Владимирович приедет к нам и будет слушать наши стихи.

Книжечка же, которой размахивала Нина Логофет, была изданным отдельно стихотворением Маяковского «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского». С памятной подписью Владимир Владимирович подарил эту книжку счастливой поэтессе, и все мы, по правде сказать, немножко ей завидовали. <...>

И вот мы трясемся «на рысистой». Жалобно дребезжат вихляющие колеса обшарпанной пролетки по булыжной мостовой Большой Дворянской улицы. Тишина кругом, сонные дома. Галки орут в Петровском сквере. Дождик.

Мы едем мимо краеведческого музея. Тогда он еще стоял незагороженный каменной громадой управления Юго-Восточной дороги и всем своим структурным великолепием смотрел на улицу.

— Сплошной восемнадцатый век! — мрачно сказал Маяковский. — Вот разве только трамвай... Ты чего, — вдруг обратился он ко мне, — стихи пишешь?

И когда я оказал, что стихи, и для газеты, Маяковский похвалил:

— Здорово! Это хорошо, что для газеты! — и стал расспрашивать — кто и какие мы.

А мы, правда сказать, были очень пестрые. Душой нашего кружка был... Павел Леонидович Загоровский. До его приезда в Воронеж мы все жили сами по себе, одиночками. Да и было-то нас всего пять-шесть человек: М. Казарцев (прозаик), Гилевич, И. Говердовский (поэты), В. Пузанов (прозаик, и поэт), М. Выставкин (поэт) и я. Я назвал тех, кто представлял ядро кружка в 1923—1924 годах. Позднее появились Н. Логофет, М. Аметистов, И. Юр (Романов).

Сначала мы собирались на квартире П. Л. Загоровского, по четвергам, читали свое и спорили отчаянно, обсуждая прочитанное <...>

В 1925 году нам стало тесно в маленьком кабинетике Загоровского, и мы договорились с клубом работников просвещения проводить свои «четверги» там. <>

По предложению тогдашнего редактора «Воронежской коммуны» М. И. Лызлова мы стали называться «Чернозем».

Не помню теперь уже, почему получилось так, что на встрече с Маяковским нас оказалось только пятеро: Загоровский, Логофет, Говердовский, я и какой-то совершенно случайный — не воронежский — поэт.

На столе громоздились груды бутербродов. Огромный медный самовар рище пыхтел паровозом. Маяковский сидел среди нас, как великан, и, молча, очень серьезно пил чай. Всех нас, только что слушавших в театре раскаты его могучего голоса, поразил этот тихий, молчаливый и даже как будто застенчивый Маяковский. Видно было, что ему хочет утомил его, он отдыхал в молчании. Мы не мешали ему.

Наконец, Маяковский (он сидел за столом) откинулся на спинку стула, оглядел нас и просто сказал:

— Ну что же, почитаем, товарищи?

Это, помню, был очень страшный момент: Я отрусил и почувствовал, как у меня перехватило дыхание. В нерешительность, кажется, были и другие. Смелее всех оказалась маленькая Нина Логофет. Совершенно бесстрашно она вынула из кармана жакета свои листки и голосом, правда, несколько дрожащим от волнения, начала читать стихи о трамвае.

С первых же строк Маяковский насторожился. В стихе, который я, к сожалению, не могу привести на память, говорилось о том, каким был старый «дотрамвайный» Воронеж с его прочно устоявшимся мещанско-купеческим бытом, с его сонной, медленной жизнью.

Одни извозчики — и нет трамваев! — заканчивалась первая строфа. Строчка об извозчиках и трамваях шла рефреном к тем строфам, где описывалась воронежская старина. Далее говорилось о трамвае, как яркой примете нового, советского Воронежа. Стихи были здорово написаны, и Маяковский вполне оценил их. Когда Логофет кончила чтение, он сказал:

— Очень хорошо!

И, глядя поверх нас, с удовольствием повторил:

— Одни извозчики — и нет трамваев...

Он попросил у Логофет листки со стихом и обещал напечатать его в «Новом Лефе». Логофет сияла. Еще бы!

Маяковский в Воронеже// Подъем. Вл. Кораблинов 1959. № 2

НАСТАВНИКИ И ВЫПУСКНИКИ

Бурденко Николай Нилович (1976-1946) – академик АНСССР и АМНСССР, Герой Социалистического труда, главный хирург Красной Армии, генерал-полковник, Лауреат Государственной премии СССР, профессор Воронежского университета в 1918-1923 г.г.

***

Черенков Павел Алексеевич – (1904-1990), физик, академик АНСССР, Герой Социалистического труда, Лауреат Нобелевской премии, Лауреат Государственных премий СССР (1946, 1952, 1977). Выпускник ВГУ 1928 года.

***

Журков Серафим Николаевич (1905-1997), физик, академик РАН, Герой Социалистического труда. Выпускник ВГУ 1929 года.

***

Струков Анатолий Иванович (1901-1988) – патологоанатом, профессор, академик АМНСССР, заслуженный деятель науки РСФСР, Герой Социалистического труда, Лауреат Ленинской премии, выпускник медицинского факультета ВГУ (1925 г.).

***

Шмальгаузен Иван Иванович (1884-1963) – биолог, академик АН СССР и академик АН УССР, профессор ВГУ с 1918-1921 г.г.

***

Цвет Михаил Семёнович (1872-1919) - физиолог, педагог, профессор. С 1918 г. – профессор ВГУ. Открыл явление хроматографии.

***

Крашенинников Михаил Никитич (1865-1932) – профессор кафедры классической филологии и древней истории ВГУ (1918-1926), общего языкознания (1926-1929). Необоснованно репрессирован по «делу краеведов», приговорён к 5 годам ИТЛ. Скончался в лагере в Семипалатинске.

***

Михаил Борисович Храпченко (1094-1986) - академик АНСССР, Лауреат Ленинской государственной премии, Герой Социалистического труда.
В 1929-1931 г.г. - зав. литературнолингвистическим отделением педфака ВГУ.

***

Владимир Федорович Пименов (1905-1995) заслуженный деятель искусства РСФСР, редактор журнала «Театр», ректор Литературного института имени А. М. Горького. Окончил отделение русского языка и литературы пед. факультета ВГУ. В 1929 г. преподавал в ВГУ.

***

Загоровский Павел Леонидович (1892-1952) – психолог, педагог, профессор, преподаватель педагогического факультета ВГУ (1923-1931), профессор ВГПИ с 1931 г. Возглавлял литературную группу «Чернозём».

***

Самбикин Николай Петрович (1882-1928). С 1918 г. доцент кафедры чистой математики ВГУ. Автор стихотворных импровизаций, зам. председателя воронежского математического общества.

Хроника текущих событий

1930

В связи с решением июльского (1928) и ноябрьского (1929) Пленумов ЦК ВКП (б) о подготовке технических кадров университет выделил из своего состава ряд самостоятельных специальных вузов: с 1 января 1930 г. – Воронежский медицинский ин-т, с 1 августа 1931 г. – Воронежский планово-экономический ин-т (в настоящее время реорганизованный в Институт народнохозяйственного учета), с 1 сентября 1931 г. – Воронежский педагогический ин-т.

1934

К тридцать четвертому году завершилось оформление физико-математического факультета с тремя специальностями – математика, аэродинамика, экспериментальная и техническая физика. К этому времени относится и организация аэродинамической лаборатории, которую возглавил доцент Алексей Васильевич Столяров. Создана эта лаборатория была при кафедре аэродинамики, руководимой доцентом Александром Сергеевичем Москалевым.

Гордостью лаборатории была аэродинамическая труба. Немало работ, связанных со становлением и развитием отечественной авиации, осуществили сотрудники факультета А. В. Столяров, В. П. Мирошников.ю З. П. Случановский, Г. П. Мелешко, Е. Т. Зенин. Зенин был модельщиком – им создавались точные масштабные копии исследуемых летательных аппаратов. И уход за аэродинамической трубой лежал на Ефиме Тихоновиче.

Здесь, в лаборатории, прошли испытания и москалевская «Стрела», и «ИЛ-2», ставший грозой фашистов в годы войны.

Из воспоминаний В. А. Знаменского

1935

Физмат обогащается

Во время поездки в Ленинграде мною велись переговоры с профессором М. А. Левитской о ее переезде на работу в Воронежский университет. Левитская работает в оптическом институте в области инфракрасных лучей. Среди физиков Ленинграде она считается очень авторитетным специалистом в этой области. Ее работы известны не только в Союзе, но и заграницей. Переговоры обещают окончится благоприятно. Переехать профессор Левитская обещает летом.

Проф. А. Шпачинский
За научные кадры. 1935. 8 марта

1936

Новый набор в ВГУ

В результате приемных испытаний из 460 подавших заявления принято на первый курс университета 300 человек. <...>

По факультетам вновь принятые распределяются так:

Физико-математический	97 чел.
Химический	96 чел.
Биологический	47 чел.
Геолого-географический	60 чел.

Обращает на себя внимание возрастной состав поступивших. В отличие от прошлых лет студенчество нынешнего года состоит из более молодых людей. Половина вновь принятых – в возрасте до 20 лет и только 50 человек имеют 23 года и старше.

В числе принятых 35 процентов девушек, 56 членов ВЛКСМ и 2 члена ВКП(б).

За научные кадры. 1936. 7 сентября

1939

К организации при ВГУ заочного сектора

По решению правительства при университетах создаются заочные секторы, которые будут работать по учебному плану и программам педвузов.

Задача заочных секторов – в ближайшие годы, дать образование в объеме педвузов всем учителям, работающим в средних и неполных средних школах, но не имеющим высшего образования. <...>

Нашему университету предложено в текущем году принять 800 заочников на три факультета: физико-математический, биологический и географический. <...>

Я. Долгов,
пом. ректора ВГУ по заочному сектору

1940

Первый выпуск геологов

Университет дает стране свой первый выпуск геологов – 28 специалистов, обладающих высокими теоретическими познаниями, значительным стажем производственной работы, вполне подготовленных к будущей ответственной деятельности на научном и производственном поприще. <...>

Прошедшие государственные экзамены показали, что студенты Гиндин, Дьяков, Котов, Курьянов, Озеров, Придоткос, Сидоренко обладают очень серьезными знаниями и значительной эрудицией.

За научные кадры. 1940. 18 февр.

Организация исторического факультета в ВГУ

Комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР разрешил Наркомпросу РСФСР открыть пять новых факультетов: философский при Ленинградском университете (на базе философского отделения исторического факультета), филологический при Свердловском государственном университете им А. М. Горького, географический при Ростовском государственном университете, исторические – при Воронежском государственном университете и Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева. Все факультеты будут открыты с 1 сентября 1940.

(ТАСС)

План проведения зимних каникул на 1941 год
(выдержки)

2 февраля. В о с к р е с е н ь е.
Концерт артистов драмы и музкомедии. Днем лыжная вылазка.
3 февраля. П о н е д е л ь н и к.
Лекция Пучковского «Проблема продления жизни и борьба со старостью». Кино.
Вечер викторины: загадки, шарады.
4 февраля. В т о р н и к.
Вечер художественной самодеятельности. Бальные танцы. Лыжная вылазка.
5 февраля. С р е д а.
Разбор осенних тактических учений. Встреча с подшефной частью. Концерт красноармейской самодеятельности.
6 февраля. Ч е т в е р г.
Вечер игр, развлечений с танцами. Лыжная вылазка. Шахматно-шашечный турнир (Шевченко).

За научные кадры. 1941. 28 января

1941 год

Университет существует 22 года, и за это время он подготовил более 5000 специалистов, работающих на различных участках социалистического строительства.

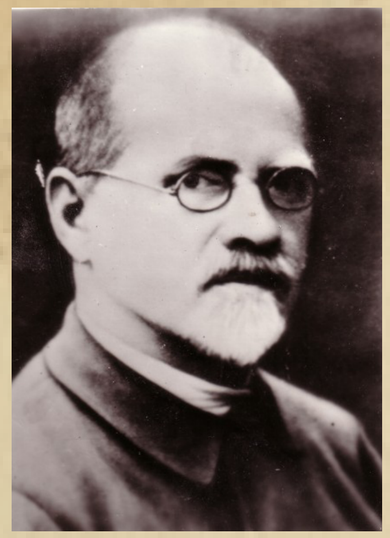
В настоящее время в университете (дневное отделение) обучается 2000 студентов-ботаников, зоологов, географов, геологов, историков, математиков, физиков, механиков, гидрологов, метеорологов, астрономов и химиков.

На заочном отделении обучается около 1800 человек.

Учебную и научную работу в ВГУ ведут 30 профессоров, из них 20 докторов наук, 51 доцент, 22 старших преподавателя и 122 ассистента и преподавателя, из которых 58 кандидатов наук. Всего в университете работает 225 научных работников. В университете имеется 39 кафедр, объединяющих 39 лабораторий и 42 учебных кабинета.

Там же. 21 мая

На июль 1941 года намечалась большая экскурсия студентов-отличников по историческим местам, а также знакомство с музеями и архивами Москва и Ленинграда. Ректор университета отпустил на экскурсию 5 тысяч рублей.

Константин Карлович СЕНТ-ИЛЕР

штрихи к портрету

Среди тех профессоров, кто прибыл из Юрьева в Воронеж в июле-сентябре 1918 года был Константин Карлович Сент-Илер. Показательно, что Константин Карлович, один из инициаторов переезда юрьевцев в Воронеж, вошел в состав правления вновь созданного университета.

Нетрудно представить, сколько трудно давались правлению университета попытки добиться понимания со стороны местных органов. Однако, даже в эти трудные времена университет смог выстоять.

«Он был потомком средневекового естествоиспытателя Жоффруа де Сент-Илера. Это, однако, не мешало ему... самостоятельно топить печь.»

Одна из проблем – взаимоотношение со студентами, которые, как замечал Константин Карлович, сразу же поспешили предъявлять свои права: «Обязанностей же у студентов не было никаких».

***

В тридцать первом году я закончил университет. Выпуск наш был досрочный – курс взял обязательство сдать все экзамены на полгода раньше: не в июне, а к 1 января. Я получил направление на работу в Йошкар-Олу, в техникум, но выехать туда не успел: был объявлен прием в аспирантуру, и Константин Карлович Сент-Илер предложил мне поступать туда. К этому времени я всерьез увлекся научной работой. Был старостой научного кружка при кафедре зоологии, выступал с докладами. Даже специализацию себе выбрал – экспериментальная зоология.

Уже став аспирантом, я четырежды ездил с Константином Карловичем на Кавказ. Но, конечно, самой памятной была первая поездка – в тридцать первом году. Отправилось нас человек двадцать – двадцать пять. Жили в местной школе, которая любезно предоставила в наше распоряжение пару классов. С утра на огромной плоскодонной лодке, именуемой местными жителями «дора», выезжали в губу. Лодка была вместительной – вбирала в себя практически всех членов экспедиции.

Задача наша была непростой – собрать материал как для практических занятий, так и для исследований. С помощью «цеппелина» и дночерпательных приборов собирали планктон, бентос (население грунта – моллюски, черви, рачки и пр.). Затем наша добыча обрабатывалась – сортировали ее, промывали, фиксировали в формалине. Константин Карлович, работавший в те годы над монографией, посвященной фауне Белого моря, непременно выезжал с нами. Материал им был собран богатейший. К сожалению, во время Великой Отечественной войны все это погибло.

Из воспоминаний К.В. Скуфьина

***

Кафедру зоологии возглавлял профессор Константин Карлович Сент-Илер. Он был потомком средневекового естествоиспытателя Жоффруа де Сент-илера, о чем часто говорил на лекциях. Это, однако, не мешало ему, как и многим профессорам, жившим при кафедрах во флигелях кадетского корпуса, самостоятельно топить печь.

Валя Ошкадеров, студент не их аккуратных, на лекции профессора не ходил и в лицо Константина Карловича не знал. А уж о великом предке профессора и подавно не слыхал ничего. Сдать зоологию он решил экспромтом. В обществе двух девочек – Кати Минаевой и Маруси Сериковой – Валентин пришел на кафедру и увидел старичка в синем халате, топившего печь. Похлопав его по плечу, Ошкадеров спросил:

– Дедок, а где тут профессор Сантылин принимает экзамены?

Старичок вздрогнул, словно его ударили шпагой:

– Сент-Илер? Попрошу подождать.

И вышел в свой кабинет

Через несколько минут дверь распахнулась, и Валя увидел белую манишку и галстук-бабочку. Он замер, удивленный преображением «дедка», и в ту же минуту понял, что провалился. Девочки, не желая участвовать в дальнейшем, потихоньку выбрались на лестницу. А Вале не осталось ничего другого, как войти в кабинет. Он вошел – и вышел через несколько минут, получив «неуд». Сент-Илер был милостив и спросил у него о глистах. Но Валя не мог вспомнить ни одного порядочного глиста.

Из воспоминаний А.А. Русановой

***

Интересны были лекции Н.А. Сахарова по физике, К.К. Сент-Илера по зоологии. Константин Карлович Сент-Илер очень внимательно относился к студентам, и если видел, что студент интересуется его предметом, давал читать дополнительную литературу. Мне довелось, будучи студенткой, помочь Константину Карловичу организовать зоологический музей и проводить там потом экскурсии. Константин Карлович консультировал меня, давал соответствующую литературу и советы.

Увлекательные занятия по ботанике и зоологии проводили Владислава ивановна Лащевская и Вера Ивановна Бухалова. По аналитической химии требовательно работал с нами Н.И. Виноградов. Четко были организованы все лабораторные и лекционные занятия. Вуз научил нас самостоятельно работать.

Из воспоминаний
А.С. Молотковой-Золотухиной
(Из фондов музея истории ВГУ)

УЧИТЕЛЬ

Об Антоне Владимировиче ДУМАНСКОМ

Антон Владимирович Думанский, заведующий кафедрой коллоидной химии, становится первым деканом химического факультета, который возник в 1933 году на базе соответствующего отделения.

Антон Владимирович в 1903 году получил диплом киевского политехнического института. На защите дипломной присутствовал Дмитрий Иванович Менделеев, который предрек молодому ученому большое будущее.

В 1913 году Антон Владимирович стал работать в только что открывшемся Воронежском сельскохозяйственном институте в качестве заведующего кафедрой неорганической химии.

В 1932 году профессор Думанский был удостоен Большой Менделеевской премии. В 1933 году он был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР. В том же году Антон Владимирович Думанский возглавил химфак университета.

Из книги «Химический факультет Воронежского государственного университета»
Воронеж, 2008

***

В Воронеж я переехал из Ростова-на-Дону, где с 1930 г. училася в пединституте. Переезд мой был связан с интересом к коллоидной химии. Я знал, что в Воронеже существует школа химиков-коллоидников, которую возглавляет профессор Антон Владимирович Думанский. И вот я, нетерпеливый, двадцатилетний, стою на пороге квартиры известного ученого. Жил Антон Владимирович на территории нынешнего СХИ — там размещались коллоидные лаборатории химико-технологического института, возглавляемые им.

Стучу в дверь. Появляется человек с запорожскими усами.

– Мне бы увидеть профессора Думанского?

– Я к вашим услугам, молодой человек.

Сбивчиво объясняю цель своего визита. Думанский внимательно меня слушает.

– В общем, я очень хочу быть вашим учеником, — заканчиваю я свой монолог.

– Видите ли, наверное, следует познакомиться с нашими лабораториями, — говорит профессор.

И мы идем по лабораториям. Гид — сам Антон Владимирович. Пожалуй, это было самым сильным аргументом в пользу уже принятого мною решения — еще бы, известный ученый лично ведет мальчишку-студента по институту. После экскурсии Антон Владимирович долго беседует со мной и предлагает тему научной работы. Мне - третьекурснику! Я мчался домой, как на крыльях, — жребий брошен.

Химфак начала 30-х гг. занимал весь первый этаж главного корпуса. Метровые стены, сводчатые потолки и неистребимый запах придавали нашим кабинетам и аудиториям определенный колорит. Но надо сказать, что по тем временам оснащение у нас было неплохое. Это позволяло хорошо организовать практикумы. Особенно богат был физико-химический практикум. И, конечно, сильный преподавательский коллектив — Александр Дмитриевич Богоявленский, Александр Павлович Палкин, Николай Викторович Култашев, Антон Владимирович Думанский. Все они хорошо дополняли друг друга. Энциклопедически образованный Богоявленский, тонкий исследователь Палкин (из знаменитой курнаковской школы), обстоятельный Култашев.

И - Думанский. Удивительный человек. Пожалуй, главная черта – влюбленность в свое дело. Когда речь заходила о коллоидной химии, увлеченно говорил о ней.

Работал Антон Владимирович самоотверженно. Себя не щадил. Помню эпизод. На первом этаже института, в одной из лабораторий, проводились исследования по полимеризации. Вечером научный сотрудник, занимавшийся этим, положил ампулу с полимеризуемым веществом в специальную корзину и наказал старухе-сторожихе:

-Бабушка Ефановна, вы следите за корзиной. Если загорится, то огнетушителем сбивайте огонь.

Сидит бабушка, дрожит. Появляется Антон Владимирович. Узнает, в чем дело. Ни слова не говоря, берет корзину с ампулами и выносит в сад. Ночью ампулы в корзине взорвались.

«ДУМАНСКИЙ. УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК. ПОЖАЛУЙ, ГЛАВНАЯ ЧЕРТА — ВЛЮБЛЕННОСТЬ В СВОЕ ДЕЛО.»

Но главное, разумеется, в другом. Ученый с европейской известностью, Думанский многое сделал для развития коллоидной химии в нашей стране. Он был инициатором проведения в 1934 г. Первой Всесоюзной коллоидной конференции в Воронеже. Собственно, само проведение конференции в нашем городе было признанием заслуг Антона Владимировича в этой области.

Мы, студенты-химики, сидели на открытии конференции завороженные: «живой» Ребиндер, «живой» Жуков, «живые» Песков и Дерягин. Имена сходили со страниц учебников и монографий, облекаясь в плоть обыкновенных людей. Уровень воронежской конференции был необычайно высок. Ведь в Воронеже и в ВГУ собрался в те дни весь цвет коллоидной химии.

Из воспоминаний Р.Э. Неймана

Этот зал видел многое. Когда-то здесь хозяевами были стриженые кадеты —«оплот веры и престола».

Сегодня зал впервые за все столетнее существование открыл свои двери всесоюзному ученому съезду величайшей важности. Сюда со всех концов страны собрались представители молодой науки — коллоидной химии.

Конференция ученых собралась в Воронеже, «научном центре коллоидной химии», как сказал в конце своего доклада проф. Ребиндер; в городе мещан, купцов и монастырей — до революции, в городе передовой индустрии, вузов, центре огромной индустриально-колхозной области — теперь.

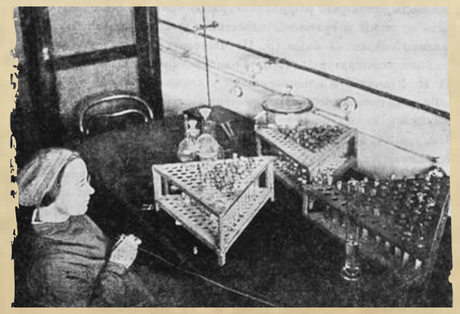
Седовласый энтузиаст молодой, бурно растущей коллоидной химии профессор Антон Владимирович Думанский говорит об этом с большим волнением и подъемом. Он оглядывает огромный зал и продолжает:

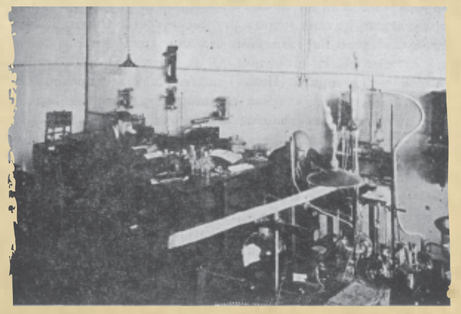
— Вон сколько нас здесь, коллоидников! А до революции было всего 3—4 человека во всей стране. < ...>

Передние ряды заняты гостями — делегатами конференции. Их, действительно, много — больше ста человек. Но что самое примечательное — они почти все без исключения молоды, как сама наука, получившая расцвет только в нашей молодой стране. А позади делегатов — ученые других отраслей науки, работники промышленности и т.д., море студентов-химиков. Они рыщут глазами по рядам делегатов, вытягивают шеи, чтобы разглядеть их получше, и шепчут друг другу на ухо известные всему научному миру страны имена. Почти у всех на коленях тетрадки... На конференции будет, что записать...

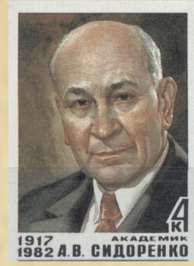
А. Б. Коммуна.
1934. 26 нояб.

Лаборатории научного института коллоидной химии, в котором работал Антон Владимирович Думанский

СТУДЕНТ, ФРОНТОВИК, АКАДЕМИК

Александр Васильевич Сидоренко в 1932 году поступил на университетский рабфак. Затем были годы учебы в университете. Выпускник геолого-географического факультета, получивший диплом с отличием, Александр Сидоренко стал аспирантом на кафедре минералогии и петрографии у Сергея Платоновича Попова. Научные интересы молодого ученого – изучение фосфоритов в керченских и таманских железных рудах.

А потом была война. В сорок первом Александр Васильевич ушел на фронт. Был командиром батареи. В боях при обороне Сталинграда старший лейтенант Сидоренко был тяжело ранен. В сорок третьем Сидоренко был демобилизован и по приглашению профессора Георгия Петровича Горшкова, знавшего своего бывшего студента еще по университету, оказался в Туркмении, в горах Западного Копетдага.

Научные открытия геолога Сидоренко открыли путь к его административной карьере. За свои исследования Александр Васильевич Сидоренко был не только удостоен звания академика, но и стал вице-президентом академии наук, стал Председателем Кольского филиала АН СССР. В 1962 году академик Сидоренко стал Министром геологии и охраны недр СССР.

Вот так вспоминают об Александре Васильевиче его товарищи по факультету.

***

Когда я в 1936 году, поступил в университет, Саша Сидоренко был уже на 3 курсе отчисывшегося в 1934 году геолого-географического факультета.

На этом курсе было четыре неразлучных друга; Сидоренко, Окуридин, Усиков и Кулагин. Рослые, подтянутые, увлеченные наукой, они уже вели самостоятельные исследования геологического строения и полезных ископаемых ЦЧО в рамках кафедральной тематики, часто выступали на научных студенческих конференциях. Эта четверка была ядром факультета и пользовалась уважением всех студентов-геологов. С хорошей завистью посматривали мы на них.

По окончании факультета в 1939 г. Александр Сидоренко был оставлен в университете аспирантом кафедры минералогии петрографии.

Из воспоминаний Н. А. Плаксенко

***

Как случилось, что Александр Васильевич Сидоренко, большой энтузиаст геологии, мечтавший ринуться в гущу полной романтики геологической работы, согласился на такую, казалось бы, скучную и однообразную работу ассистента кафедры минералогии университета? Дело в том, что кафедру возглавлял в то время выдающийся минералог сооченик великого Б. И. Вернадского, крупнейший знаток минералогии Крыма профессор Сергей Платонович Попов. Человек удивительно чистый и безгранично преданный науке, он разглядел среди своих многочисленных слушателей талантливого студента, весьма преуспевающего но только в «книжной», но и в полевой минералогии.

Дружба, завязавшаяся между учителем и учеником, сохранилась на долгие годы, а любовь к минералогии, навеянная лекциями С. П. Попова наложила неизгладимый отпечаток последующую научную деятельность Сидоренко.

Первые работы Александра Сидоренко, тогда еще студента, неслучайно были посвящены минералогии арагонита из Алушты и продуктам выветривания анапаита на Таманском полуострове.

Из воспоминаний В.В.Ляховича

Привет университету!

Крепкой дружбой
вузовские годы
Нас объединили
и спаяли...
Мы в пустыни с гор
приводим воды,
Открываем руды
в Заполярье.
Кто на западе,
кто на востоке,
Кто на севере,
а кто на юге...
Пусть огромны
версты, долги сроки –
Мы в разлуке помним
друг о друге.

<...>

Нет, не только
полновесность знанья,
Тяжесть драгоценней-
шего груза –
Радость подвига,
огонь дерзанья
Получили все мы
в стенах вуза.

К.М. Гусев,
выпускник ВГУ 1939 г.,
сотрудник газеты
«Правда»

ПРАВДА

Ко всем членам ВЛКСМ и студенчеству ВГУ

Объявляем поход соревнования За социалистический режим времени студента

... Объявляя себя ударниками этого похода, мы берем следующие обязательства:

1. По линии учебной добиться не менее 75% оценок по дисциплинам, входящим в учебный план этого года, на «отлично» и «хорошо».
В целях этого обязуемся:
а) вести хорошо конспекты лекций по всем предметам;
б) прорабатывать сверх программного минимума 50% литературы по каждому предмету;
в) образцово организовывать свой труд, дисциплину и режим, показывать пример большевистской работы. <...>
2. Каждый из нас будет строго соблюдать следующий регламент времени рабочего дня с точным указанием характера работы:
1. Занятия в вузе – 300 минут.
2. Самостоятельная учебная работа на дому – 180 минут.
3. Культурный отдых и питание – 6 часов.
4. Выполнение общественной работы – 1 час.
5. Сон – 8 часов.

Члены ВЛКСМ Гордеина, Щербак, Завгородний, Нейман, Толмачев, Жиленко, Голощенов.

Красный университет. 1933. 29 окт.

КРЫЛЬЯ ВЫРОСЛИ В ВГУ

В 30-е годы Воронежский университет в тесной связи с Воронежским авиационным заводом (ВАЗ) и Воронежским авиационным техникумом (ВАТ) дал крылья новым воздушным машинам. Всю эту многогранную работу тогда возглавлял бывший студент физико-математического факультета нашего вуза, в те годы зам. директора Воронежского авиационного техникума по учебной части и зав. кафедрой аэродинамики ВГУ (по совместительству) авиаконструктор Александр Сергеевич Москалев.

В 1932—1935 годах воспитанник физико-математического факультета ВГУ создает самолет «САМ-5» (САМ— самолет Александра Москалева) с очень высокими по тому времени летно-техническими данными.

ЦК Осоавиахима поручил рассмотреть реальность проекта «САМ-5» будущему генеральному конструктору космических кораблей Сергею Павловичу Королеву. После положительного заключения С. П. Королева были выделены средства на постройку самолета.

Аэродинамики ВГУ непрерывно помогали конструктору не только в процессе проектирования, но и в доводке этого первоклассного самолета.

А конструктор начинает работу над новой моделью. Созданный им «САМ-5-2 бис» был одним из наиболее плодовитых на рекорды советских самолетов предвоенных лет.

В сентябре 1937 г. летчики А. Н. Гусаров и В. Л. Глебов совершили на этой превосходной машине выдающийся перелет. За 19 часов 59 минут они пролетели без посадки по маршруту Москва — Красноярск 3513 километров, установив международный рекорд дальности для самолетов 4-й весовой категории.

Алексей Васильевич Столяров, в те годы возглавлявший лабораторию аэродинамики ВГУ, впоследствии рассказывал:

— Новый самолет Москалева конструировался и строился в техникуме. Мы же проводили исследования, связанные с аэродинамическим проектированием этой весьма удачной машины. Снятые летно-технические характеристики получались настолько высокими, что приемочная комиссия, усомнившись в результате, решила перепроверить эти данные в Центральном аэродинамическом институте (ЦАГИ). Результаты превзошли все наши ожидания. Характеристики самолета, полученные в ВГУ и ЦАГИ, полностью совпали. В этом большая заслуга преподавателей ВГУ — А. В. Столярова, П. А. Никитина, А. Н. Борисенко, А. П. Ресинберга, Н. Н. Гвоздкова, сотрудников П. В. Митрошина, П. Н. Жидкова, Г. П. Мелешко и студентов Г. М. Вишина, А. М. Синюка, В. Т. Резика и др.

Позже усилиями главного конструктора самолета и исследователей нашего вуза была создана принципиально новая машина «САМ-10».

Поиски легких и быстрых крыльев продолжались... В аэродинамической лаборатории ВГУ (она размещалась тогда в здании главного корпуса) велись уникальные эксперименты — разрабатывалась компоновка «летающее крыло», шли опыты с так называемыми стреловидными крыльями. Мы с полным основанием утверждаем, что подобного рода эксперименты тогда проводились впервые в мировой авиационной практике.

В аэродинамической лаборатории ВГУ были получены чрезвычайно ценные результаты.

Не без основания можно считать «пионерскими» исследования А. С. Москалева и специалистов вуза при создании стреловидных (саблевидных) соосных винтов для нового самолета конструктора «САМ-4-Сумма».

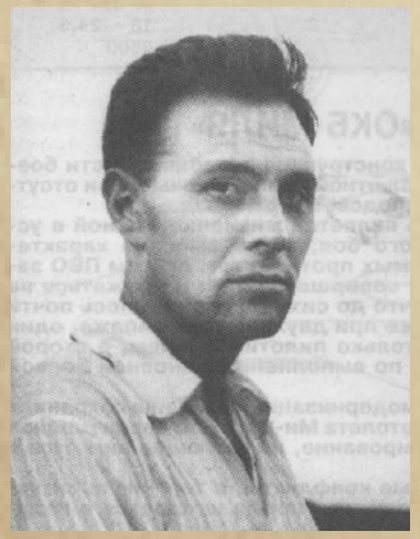
Впервые в мире в июне 1937 года в лаборатории ВГУ были получены взлетно-посадочные характеристики самолета с треугольным крылом! Продувочная модель «Стрелы» (в масштабе 1:10) была изготовлена руками Синюкова Владимира Михайловича.

Необыкновенный самолет был построен за 75 суток! 6 августа 1937 года... «Стрела», управляемая А. Н. Гусаровым, совершила свой первый короткий полет.

В проведении летных испытаний принимал участие профессор ВГУ, будущий академик Николай Евграфович Кочин.

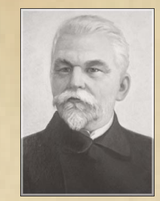
Более четверти века ученые высчитывали, моделировали и, наконец, создали форму крыла, которая оказалась очень похожей на форму оконных проемов средневековых готических соборов. Эту форму крыла назвали «готической», хотя место рождения этой формы — Советский Союз, место «прописки» — г. Воронеж, год рождения — 1933 ...

В.Душутин
Воронежский университет.
1977. 23 ноября

Александр Сергеевич Москалев закончил физико-математический факультет Ленинградского Государственного университета по специальности «математика-аэромеханика», возвратился в свой родной город и занял должность заместителя начальника конструкторского бюро на строящемся в то время Воронежском авиазаводе. Основной задачей КБ было внедрение в серийное производство самолетов ТБ-3 и ТБ-4. В 1932-1933 г.г. Москалев возглавил группу энтузиастов — молодых инженеров-конструкторов (Л. Б. Полукаров, Е. И. Серебрянский, Б. А. Дьяков, П. А. Шубин и другие), которые разработали и построили по заказу ОСОВИАХИМА один из первых цельнометаллических легкомоторных многоместных самолетов САМ-5, представляющих собой свободнонесущий моноплан с высоко расположенным крылом. Эта машина стала родоначальником целого семейства «САМов» — пятиместных пассажирских самолетов с двигателем М-11 мощностью 100 л.с.

НАСТАВНИКИ И ВЫПУСКНИКИ

***

Тарасенко Василий Ефимович, доктор геолого-минерологических наук, профессор.

***

Пучковский Сергей Ефимович, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

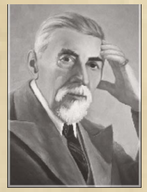
***

Сидоренко Александр Васильевич, вице-президент АН СССР, выпускник геологического факультета 1939 года.

***

Гусев Константин Михайлович, поэт, переводчик, публицист, с 1951 года сотрудник газеты «Правда».

***

Попов Сергей Платонович, доктор геолого-минерологических наук, профессор.

***

Петров Анатолий Александрович, доктор химических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, член-корреспондент АН СССР, выпускник ВГУ (1936 г.).

***

Козо-Полянский Борис Михайлович, член-корреспондент АН СССР, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой ботаники.

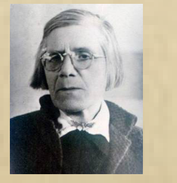
***

Нейман Ростислав Эрнестович, профессор, доктор химических наук, выпускник ВГУ (1936 г.).

***

Скуфьин Константин Васильевич, доктор биологических наук, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных, профессор, выпускник ВГУ (1931 г.)

***

Левитская Мария Афанасьевна, доктор физико-математических наук, профессор, заведующая кафедрой электромагнитных колебаний.

РАСТРЕЛЬНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

С конца двадцатых годов ректорат последовательно возглавляли Георгий Трифонович Чуич (1891-1941), Павел Флегонтович Сапожников (1897-1938), Иван Петрович Подволоцкий (1900-1938), Анатолий Яковлевич Норин (1899-1938), Алексей Львович Щепотьев (1891-1938). Все они были необоснованно репрессированы.

***

Очень энергичным и добросовестным работником был ректор ВГУ Павел Флегонтович Сапожников. Мне, как секретарю парткома ВГУ, неоднократно приходилось с ним встречаться на различных совещаниях, хотя понятно, что дистанция между ректором и студентом велика.

Павел Флегонтович состоял в партии большевиков с 1918 г., был членом ЦИК Союза ССР, членов обкома ВКП(б). Как член обкома он состоял на партучете не в университете, а в одной из заводских организаций. Но партийные собрания и заседания бюро парткоммитета он посещал регулярно и активно участвовал в их работе.

Выпускник Института красной профессуры, Сапожников читал в университете курс философии.

***

В 1932 г. Ректором университета стал Иван Петрович Подволоцкий, работавший до этого заведующим отделом пропаганды Воронежского обкома ВКП (б). За плечами у Подволоцкого комсомольская работа в Казахстане и в Москве, Институт красной профессуры. Блестящий лектор, Подволоцкий, как никто, мог поднять дух коллектива научных работников и студентов университета. Ивана Петровича уважали и любили, на его выступления обирался весь культурный Воронеж.

Ректором И.П. Подволоцкий был энергичным и решительным. При нём состоялся массовый набор в аспирантуру (сразу 100 человек) по различным наукам естественного профиля. А в 1934 году И.П. Подволоцкий провёл большую работу, связанную с празднованием пятнадцатилетия университета. На юбилейные торжества прибыл предсовнаркома РСФСР Д.Е. Сулимов. В связи с юбилеем правительство выделило значительные средства на развитие и укрепление научной базы университета.

***

Нельзя не вспомнить ректора ВГУ 1934-1936 гг. Анатолия Яковлевича Норина. То был очень важный период в развитии университета. Шел процесс его становления как крупнейшего вуза Черноземья. Из главного корпуса были выведены областная библиотека, музей изобразительных искусств и оставшаяся часть рабфака. Привели в порядок подвальный этаж, где разместили столовую, буфет и гардероб. В эти годы создали ботсад и Жировскую биостанцию. Шло пополнение преподавательского состава квалифицированными кадрами. Сразу изменился к лучшему ритм жизни университета.

Вскоре было начато строительство нового учебного корпуса по ул. Фридриха Энгельса, который протянулся на квартал. В главном здании в 1936 г. был открыт с большим вкусом оформленный клуб научных работников, просуществовавший до осени 1941 г. Во всем этом была и несомненная заслуга нашего ректора, хотя период его руководства университетом был очень краток.

Из воспоминаний
С. В. Аброськина

***

Из статьи И. Подволоцкого Пятнадцать лет Воронежскому государственному университету

<...> Мы добились того, что по основным дисциплинам имеем по учебнику на каждого студента или по одному учебнику на 2-х студентов. К началу будущее года мы добьёмся, чтобы по всем предметам иметь по учебнику на каждого студента. <...>

За последний год университет провёл большую работу по улучшению материально-бытовых условий студентов. Ещё два года тому назад университет не имел своей столовой, в общежитиях не все студенты были обеспечены даже матрацами. Теперь университет имеет оборудованную столовую, обеспечивающую студентов завтраками, обедами и ужинами. <...> Все живущие в общежитиях снабжены кроватями, матрацами, одеялами, постельным бельём. Бельё меняется четыре раза в месяц. <...>

Одним из новых элементов в университетской научной работе являются введённые в практику в этом году созывы научных сессий. Проведено три сессии: химическая, биологическая и сессия, посвящённая проблемам КМА. Прочитано на них 27 научных докладов. Всего за первый семинар прочитано в университете 76 научных докладов.

Университет проводит значительную работу по научной пропаганде, преимущественно среди рабочих. В текущем году кафедрами университета было прочитано 103 научно-популярных лекции и доклада. <...>

***

Необходимо отметить тесные контакты ректора ВГУ А. Я. Норина со студентами. Так, например, интересно проходили вечера в ректорском кабинете – за чашкой чая (с печеньем или пирожными, в то время не всем доступными). На эти вечера приглашались обычно лучшие студенты, активисты университета. Велась непринужденная беседа, звучала музыка. (В кабинете стояло фортепьяно, играли студенты.) Ректор напоминал о том, что молодое поколение должно быть всесторонне развитым. Кстати, заботясь об этом, профком университета покупал билеты в театр, абонементы в филармонию, и студенты получали их бесплатно.

Отличная учеба, активная общественная работа поощрялись ректором. Каждый семестр передовики учебы награждались денежными премиями. Правда, деньги нам на руки не выдавали. Их переводили в книжный киоск университета, и премированный студент имел право выбрать там интересующую его литературу на указанную в приказе сумму. Таким образом, за годы учебы у хорошо успевающего студента набиралась небольшая библиотека.

Из воспоминаний
В. А. Митягиной
(Из фондов музея истории ВГУ)

***

В 1934 году ректором университета назначили А.Я. Норина - профессора-географа, хорошего организатора, коммуниста. При Норине был организован геолого-географический факультет, построены здания для этого и математического факультетов. В 1937 г. А.Я. Норин был репрессирован.

После Норина ректором назначили Щепотьева. Я его встречал раньше - до Воронежского университета он работал ректором Томского университета, потом инспектором Наркомата просвещения. Позже Щепотьев тоже был репрессирован.

Из тех, кто так или иначе связал свою судьбу с университетом, репрессировано было, по моим сведениям, 25 человек.

Из воспоминаний Н.П. Езепенко

Кафедра ботаники в 1932 году

Среди студентов первого набора на почвенном отделении биолого-почвенного факультета ВГУ.

Хроника текущих событий

1941 г.

22 июня 1941 года состоялся общеуниверситетский митинг, на котором выступили ректор университета Н. П. Латышев, профессора Б. М. Козо-Полянский и Н. В. Ефимов, участник войны с белофиннами студент Шевырев.
- Мы знаем, за что мы будем бороться, - заявил Шевырев. – Никакой паники и смятения не будет в наших рядах.

***

Как только узнали, что открыли курсы комбайнеров, сразу же решили в кратчайший срок овладеть искусством вождения комбайна. Студентки не боятся трудностей. Они наравне с мужчинами могут выполнить любую работу. Через несколько недель мы изучим комбайны и поведем степные корабли по широкому простору колхозных полей. Призываем всех студенток и студентов университета последовать нашему примеру.

Ольга Кольцова, Фаина Герцикова,
студентки I курса геол. факультета

***

Поздней осенью 1941 года началась подготовка к эвакуации университета: разбирали наиболее ценные приборы, упаковывали книги в библиотеке. Часть преподавателей была эвакуирована на Восток. Пятый курс был выпущен зимой досрочно. Четвёртый перевели на пятый и выпустили летом 1942 года.

***

25 ноября 1941 года скончался старейший сотрудник университета Константин Карлович Сент-Илер.

1942 г.

Первый семестр 1942/43 учебного года был закончен со следующими показателями:
а) учебный план выполнен на 103%; б) успеваемость студентов составляла 96%. Из них 75% было отличных и хороших оценок; в) организовано семь студенческих научно-образовательных кружков; г) на всех факультетах проведены научные сессии, посвященные текущим военным и политическим событиям и помощи местному производству. В результате кафедрами химфака налажено местное производство спичек, кафедрами биофака оказана помощь местным организациям в использовании в пищевых целях отходов крови на бойне и др.; д) проведена зимняя сессия студентов-заочников; е) на трудовых работах по приспособлению помещения к учебным занятиям отработано студентами 382 дня.

***

4 июля 1942 года ушли по Чернавскому мосту подводы, груженные документами и оборудованием. Начался заключительный этап эвакуации ВГУ. Маршрут эвакуации – село Пески – Борисоглебск – Вольск-Елабуга.

***

В Елабугу разными дорогами 5 сентября прибыли 8 профессоров (И. Н. Журавлев, А. П. Палкин, С. В Иванов, Н. Х. Флеров. Н. П. Чеботарев, Д. И. Дамперов, Д. Ф. Петров, А. М. Сигрианский), 17 доцентов, 11 ассистентов, 7 сотрудников университета и только 56 студентов.

Из отчета о работе В ГУ за I–й семестр 1942/43 учебного года ГАВО, ф. 33, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1.

Спецгруппа сотрудников университета в составе 11 человек оставалась в городе до 5 июля, отправляла часть сотрудников ВГУ с последним санитарным поездом.
6 июля покинули город последние три сотрудника университета.

***

Университет прибыл без оборудования, практически без студентов, и для нас было ясно, что, если не принять срочных мер, начнется утечка педагогических кадров и студентов и ВГУ прекратит свое существование. Стоят вопрос о жизни и смерти университета.

Все преподаватели и актив студентов разъехались по школам для набора студентов на I курс. Одновременно сделали все, чтобы обеспечить университет мебелью, учебными пособиями, реактивами.
Напряженный труд коллектива увенчался успехом. На 1 курс был принят 121 студент, прибыли студенты и на старшие курсы. Таким образом число студентов с 56 человек возросло до 192. Можно было начинать занятия с 1 октября.

Из воспоминаний Н. И. Глистенко

***

Работали на лесозаготовках. Я была бригадиром. Валили корабельные сосны. Опытные лесорубы рассказали нам, как надо залить деревья: как подпиливать, куда отходить, когда сосна падает. В бригаде моей было пять девчонок — Аня Копьева, Маруся Аникина и др.

Из воспоминаний К. Т. Котляренко

1943 г.

25 марта 1943 года комиссия, составленная из числа сотрудников университета, посетившая Воронеж после его освобождения, составила акт «О разрушении Воронежского государственного университета». Полностью разрушен главный корпус Университета и частично вывезено в Германию всё оборудование кафедр и кабинетов. Полностью разграблены книжные фонды библиотеки (полмиллиона книг) и коллекция геологического музея.
Взорван новый корпус университета, а также студенческие общежития.
Уничтожен весь архив университета.

***

В Воронеж прибыла делегация работников Воронежского государственного университета для руководства работами по восстановлению ВГУ. Сейчас идёт подготовка к оборудованию учебных корпусов, общежитий, столовой и т.п.
На днях начинается новый набор студентов на 1 курс факультетов биологического, геологического, географического, историко-филологического, физики и химии. Будет принято 250 человек.
Студенты 1 курса будут учиться в Воронеже.

Коммуна, 1943, 9 мая

***

7 ноября 1943 года из Елабуги в Липецк возвращается Воронежский университет. Здесь начинается учеба старших курсов. Студенческий коллектив ВГУ составлял 484 человека.

***

Весной 1944 года на биофаке, химфаке и физмате открыта аспирантура.

***

1944/45 учебный год университет начал как единое целое. Число студентов на 15 октября 1944 года составило 839 человек.

***

Из приказа № 116 ректора ВГУ от 17 августа 1944 года
В соответствии с решением Воронежского горсовета об обязательной для всех трудящихся города Воронежа ежемесячной отработке 10 часов на восстановительных работах приказываю:
1. Установить для университета еженедельные дни вторник и пятницу с 16 до 20 ч. 30 мин. для 10-часовой отработки сотрудниками и студентами ВГУ на восстановительных работах.

Ректор ВГУ Глистенко

***

После реэвакуации университета в Липецк и Воронеж в него возвратились многие из прежних профессоров: Б. М. Козо-Полянский, И. И. Барабаш-Никифоров, М. А. Левитская, К. И. Миротворцев и др. Студенческий коллектив уже на 15 ноября составлял 484 человека.

Тыл
Первый год войны

В связи с формированием Воронежского добровольческого коммунистического полка, комиссаром которого стал ректор ВГУ Николай Петрович Латышев, ректором университета был назначен я, проректором по учебной и научной работе — Иосиф Адамович Руцкий. а секретарем партбюро избрали Федора Гавриловича Пономарева.
Уже в первые недели войны начали готовить отряды МПВО и организовали военную учебу бойцов народного ополчения; выделили здание под госпиталь, обеспечили его инвентарем, собрали библиотечку, наладили в госпитале культурно-массовую работу, помогали его сотрудникам разгружать эшелоны с ранеными; создали курсы медсестер; местком ВГУ возглавил работу по пошиву теплых вещей для бойцов действующей армии и организовал сбор подарков. Химики наладили производство белого стрептоцида, витамина С, изготовление запалов для гранат, светящихся красок, кремней для запалов, бертолетовой соли, индикаторных бумажек химразведчика. Работы было много — организовать охрану зданий университета, провести затемнение, очистить чердаки от воспламеняющихся материалов; развернуть строительство бомбоубежища, оно было окончено в короткие сроки — оборудовано газовыми фильтрами, имело душевые, постельные принадлежности, газонепроницаемые двери, библиотечки, запас питьевой воды.

Из воспоминаний Н.И. Глистенко

***

Накануне 1 сентября в университете вывесили листок: «1 сентября занятия начнутся в 7 утра». Ровно в 7 часов 1 сентября к нам в аудиторию вошел декан геологического факультета Евгений Константинович Лазаренко — энергичный, бравый, живой, и сообщил, что сегодня в 10 часов аннинским поездом мы едем в Панино на сельхозработы. Я был назначен ответственным. Мы приехали в село Большие Ясырки на Битюге и пробыли там около месяца. Работали на току: очищали пшеницу, грузили: соревновались, кто больше поднимет. Я, например, входил в число тех, кто поднимал мешок весом ровно в центнер. Главное было — поднять его на плечи, а нести - не тяжело.
Вернулись в Воронеж в конце сентября, когда в городе было объявлено военное положение; довоенной тишины и покоя в нем уже не было.
Нас сразу же перевели на казарменное положение. Кровати поставили здесь же, в здании геологического факультета. В нашу задачу входило патрулирование Масловки и Придачи, в ночном прочесывании лесного массива в районе СХИ.
К этому времени значительно изменился состав студентов. Мужчины в большинстве своем ушли в армию. Оставшиеся студенты выехали на уборку урожая, строили оборонительные укрепления. Учебные занятия в университете начались только в ноябре. А еще 28 октября из Воронежа был отправлен эшелон на восток страны. Этим эшелоном, в частности, были эвакуированы члены-корреспонденты АН СССР Б. М. Козо-Полянский и А. В. Думанский, а также зав. кафедрой теоретической физики проф. М. Ф. Ширяков, зав. кафедрой тепло-физики проф. В. И. Блинов и др.
Большой потерей для ВГУ была смерть одного из старейших его работников — профессора Константина Карловича Сент-Илера 25 ноября 1941 г.

Из воспоминаний С. В. Аброськина

***

Хорошо помню затемненный Воронеж, угольную темноту университетских дворов, чердаки старого корпуса с полукруглыми окнами и песком в ящиках. Во время налетов по сигналу «Воздушная тревога» мне нужно было бежать в университет по проспекту Революции и по Университетской мимо Первомайского сада. Прожекторы крестили небо, стреляли зенитки, иногда близко визжали осколки зенитных снарядов.
Запомнилась одна бомбежка. Мы стояли у чердачного окна и следили за небом, за крышей. В перекрестье прожекторов метались в белом свете самолеты. Они казались серебристыми и маленьким. В небе висели осветительные ракеты, сброшенные немцами. В их мертвенном свете город, наверное, был виден сверху, как на ладони. Грохотали взрывы, приближаясь к нам; вспыхивали пожары; яростно стреляли скорострельные зенитные пушки. Тяжелая бомба упала совсем рядом с университетом — во двор дирекции Ю.-В. ж. д. Раздался страшный грохот. Здание университета — огромный, мощный старый корпус - содрогнулось и охнуло. Застонало, как человек. Я па всю жизнь помню этот, точно предсмертный, стон. А потом на нашу крышу посыпалось множество зажигалок. Их сбрасывали щипцами, засыпали песком, тушили.

Из воспоминаний Т.А. Русановой

***

В начале декабря 1941 г. после разгрома немцев под Москвой университет возобновил занятия, практически прерванные после того, как фашисты прорвались к Ельцу. У нас на II курсе биофака занималось человек пятнадцать. Как и раньше, занятия шли по строгому расписанию. Курс органической химии читал Семен Витальевич Завгородний, лекции по физике — Иван Прохорович Козлобаев. Со второго семестра курс физиологии человека и животных стал вести Иван Николаевич Журавлев.
Тогда же, зимой, мы начали заниматься на курсах комбайнеров. Занятия проходили в СХИ, где в машинном зале стояли комбайны «Коммунар» и «Сталинец». Мы разбирали карбюраторы, протирали клапаны, изучали систему зажигания. На курсы комбайнеров нередко приходилось ходить пешком, так как трамваи из-за заносов часто не ходили. Надо сказать, что зима сорок второго выдалась холодная, снежная. Но мы никогда не жаловались. Стойко переживали все невзгоды.
Еще одна забота тех дней — разгрузка санитарных поездов. Поскольку госпиталь находился в одном из бывших университетских общежитий, нас, проживавших в соседнем корпусе, регулярно вызывали на вокзал. Почему-то чаще всего эшелоны приходили поздно вечером или ночью. Вспоминаю тихую прохладную ночь, Луна, замерзшая лужица. На путях — санитарный поезд. Мы с косилками курсируем между эшелоном и вокзалом, перенося раненых.

Из воспоминаний А.В. Аброськиной

***

14 июня 1942 г. Вчера день начался, как обычно, а кончился... Фашистские стервятники прокрались незаметно к городу и сбросили несколько бомб прямо в центре: одну — в сад ДКА, другую — в сад «Пионер», где было детское гулянье... Искалеченных, изрешеченных детей увезли в санитарных машинах в госпиталь.

Из дневника В. М. Проторчиной

***

Летом 1942 г. состоялся выпуск нашего курса, Председателем государственной экзаменационной ко¬миссии был Н. А. Сахаров. Дипломных работ мы не за¬щищали, а все остальное было как в довоенное время. Сдали экзамены... К сожалению, бланков дипломов не было. Осталось какое-то количество «красных» дипло¬мов — их вручили отличникам, а все остальные полу¬чили соответствующие справки. Мне предложили остаться в университете в должнос¬ти старшего лаборанта. Предполагалось, что за лето мы восстановим приготовленные к эвакуации лаборатории. Но 3 июля началась эвакуация. Все произошло так быстро, что университету почти ничего не удалось вы¬везти — ни оборудования, ни книг, ни документов. Вот почему нельзя не вспомнить об Иване Прохоровиче Козлобаеве, бывшем в ту пору деканом физмата. Иван Прохорович не смог уехать с «группой Оникиенко» — той частью сотрудников, которой удалось более или менее организованно эвакуироваться из города. Он ухо¬дил пешком, унося с собой не продукты и одежду, а факультетские документы. Впоследствии эти спасенные Козлобаевым бумаги сыграли свою роль — по ведомос¬тям экзаменов и зачетов были восстановлены в числе студентов те, кого вырвала из университета война.

Из воспоминаний А. М. Мелёшиной

ВТОРАЯ ЭВАКУАЦИЯ. *Елабуга*

14 июля собрались в Песках. Людские ресурсы университета были малочисленны (два профессора, одиннадцать доцентов и несколько ассистентов), а материальные — уничтожены. На заседании партбюро, а затем и на партсобрании по инициативе секретаря партбюро Ф. Г. Пономарева было принято решение установить связь с Наркомпросом и получить точку дальнейшего следования.

Из воспоминаний И.А. Руцкого
(Из фондов музея истории ВГУ)

***

Открытое партийное собрание в Песках было бурным. Не надо уезжать из Воронежской области: здесь все свои, здесь легче сохранить университет. Так говорили одни. Надо ехать в Елабугу — нашу эвакуационную точку, нельзя нарушать распоряжение Наркомпроса. Так считали другие. Тем более, что Руцкий и Журавлев, побывавшие в Балашове, привезли четкое указание — ехать в Елабугу. Вторая точка зрения получила поддержку. И мы двинулись в Елабугу.
Было решено — начать занятия 1 октября. Поэтому по дороге писали объявления и расклеивали на столбах — «Воронежский университет объявляет, что начинает занятия в Елабуге 1 октября».
В Елабуге разместились в здании учительского института. На следующий день после приезда я отправился к первому секретарю Елабужского райкома партии товарищу Петрову. Представился: секретарь партбюро Воронежского университета, член бюро райкома партии в Воронеже. Собеседник попросил рассказать об университете. Я описал, как работал в ВГУ в прифронтовой полосе. Сообщил, что большинство ушло из города без домашних вещей. Выслушав мою информацию, Петров ободрил:
— Развертывайте работу, а мы поможем.
Тут же он позвонил председателю горисполкома и дал указание расселить преподавателей и сотрудников по частным квартирам. Это распоряжение сразу начала исполнять Софья Панфиловна Оникиенко: как председатель месткома она приложила немало усилий для решения квартирного вопроса.

Из воспоминаний Ф.Г. Пономарева

***

В конце ноября 1942 г. я получила открытку от Дины Александровны Еремич, работавшей на кафедре физиологии растений. Она писала, что университет эвакуировался в Елабугу, что занятия идут полным ходом. Через несколько дней мы с сестрой выехали в Елабугу. Добирались с пересадками. Через Рязань, Рузаевку. Билетов у нас не было. Ехали в тамбуре. Наконец, — станция Кизнер, откуда (мы знали) надо было попутным транспортом добираться до Елабуги. Утром подводой выехали туда. Еще два дня пути. И вот долгожданная встреча с воронежцами.
Нас ведут в «нашу» комнату на четвертый этаж. По дороге объясняют:
— Это бывшее епархиальное училище. На первом этаже — ВГУ, на втором — ленинградцы, на третьем — местное педучилище. А вот здесь обитаем мы.
«Обитель» — большая, в три окна, комната (когда ее заселили, оказалось, что она может вместить 28 человек). В левом углу около двери — голландская печь, рядом – полуразбитый чугунок со снегом, неподалеку от него – толстое бревно с застрявшей в нем пилой. Сразу видно, что заселение комнаты проходило по принципу «ближе к печке»: у стены, где стояла печь, свободных мест уже не было.

Из воспоминаний А.В. Аброськиной

***

С печным отоплением вышла вот какая история. В здании училища стоял холод, а батареи не работали. Надо было ставить печи. Легко сказать — ставить. А где печник? Где материал? Пошел в райком. Петров развел руками:
— Федор Гаврилович, все наши печники на фронте. Да и кирпича нет.

« Открытое партийное собрание в Песках было бурным. Не надо уезжать из Воронежской области: здесь все свои, здесь легче сохранить университет. Так говорили одни. Надо ехать в Елабугу – нашу эвакуационную точку, нельзя нарушать распоряжение Наркомпроса. Так считали другие. Тем более, что Руцкий и Журавлев, побывавшие в Балашове, привезли четкое указание – ехать в Елабугу. Вторая точка зрения получила поддержку. И мы двинулись в Елабугу. »

Вернувшись в университет, провел экстренное собрание, на котором присутствовали Руцкий, Мешков, Бочаров, Голицын, студенты Свешников, Пассижкин, Казьмин.
Иван Романович Мешков, выслушав мой рассказ, заметил:
— Нельзя же из несуществующих кирпичей складывать печи-времянки.
— Но и сидеть, сложа руки, тоже не выход. Надо искать решение.
Договорились так: создаем бригаду печников под руководством Иосифа Адамовича Руцкого, а завтра соберемся вновь. К этому времени надо найти решение. С тем и разошлись. А утром Мешков предложил:
— Давайте разберем на чердаке старые дымоходы — все равно ими сейчас никто не пользуется. Кирпича там хватит на 20—25 печей.
Так и сделали. Наши печники взялись за дело.

Из воспоминаний Ф.Г. Пономарева

***

В комнате нас жило двадцать семь человек. Здесь царили свои законы. Например, младшекурсницы обязаны были докладывать о своих личных делах всей комнате — с кем ходили на свидание, о чем говорили, где были, другой закон - дежурство. Дежурный должен был мыть полы, выносить ведра, следить чтобы кровати были аккуратно и красиво заправлены, колоть дрова, получать определенное количество охапок дров на комнату.
Получить охапку дров было делом весьма ответственным, поскольку охапкой считалось то количество дров, которое могло уместиться в руках. Поэтому когда вставал вопрос о том, кому идти за дровами, тщательно отбиралась кандидатура.
— Чья очередь сегодня получать дрова? Шрамковой? Нет, не годится. У нее руки короткие.

Из воспоминаний Г.В. Шрамковой
(Из фондов музея истории ВГУ)

***

Елабуга — шишкинские места. Корабельные сосны, прямо как на картине художника. Очень красиво. Но когда мы отправляемся в лес на заготовку дров, эта красота как-то меркнет. Нам выделили в ближнем лесхозе делянку, и университет — студенты, сотрудники — выезжали туда на лесоповал. Навыка работы с ручной пилой ни у кого нет, но никто не жаловался. Страдали от мороза. Помню, как-то воскресным днем мы работали вместе с Иосифом Адамовичем Руцким. На ногах у меня лыжные ботинки. Ноги быстро замерзают. А Иосиф Адамович с шутками-прибаутками все подгоняет и подгоняет. Побежишь к костру, погреешься и снова к пиле. Куб сорок тогда заготовили.

Из воспоминаний Н. П. Стрепетова

***

8 марта. Вернулся из Казани Прокопий Гаврилович Адерихин. Привез из КГУ геологическую карту Европейской части СССР и карту четвертичных отложений, почвенную карту Татарии. Повесили их в нашем геологическом кабинете. По столам разложили коллекции, оставшиеся от естественного отделения педучилища. На стенах развесили таблицы из атласа. Вид кабинета становится геологическим. Прокопий Гаврилович привез радостную весть: наш факультет оформляется официально. (В Елабуге были слиты геологический и географический факультеты.) Да живет и здравствует геолфак! Утверждены две кафедры: геологии — проф. Д. И. Дамперов и кафедра минералогии и петрографии — доц. П. Г. Адерихин.
10 марта. Костя Бурцев (с пафосом): «Малков! Ты знаешь ли о том, что живешь в четвертичном периоде?». Малков, первокурсник физмата (смиренно): «Да. Знаю. Только когда уж он кончится: что-то больно плохой он, этот период». Общий хохот.

Из дневника Р.А. Сегедина
(Из фондов музея истории ВГУ)

***

Основной едой у нас был хлеб. И когда дежурные по комнате приносили хлеб и делили его между нами, мы всегда говорили (или думали) одно: «Неужели когда-нибудь наступит время, когда мы будем смотреть на хлеб и нам не захочется его есть?»
От скудной еды у меня порой не было сил лишний раз подниматься по лестнице в общежитие: утром я спускалась на первый этаж на занятия, после лекций сидела в библиотеке и поднималась в комнату только вечером. И обо мне распространялась слава старательной студентки.
Весной, в апреле, ректор дал в Казань телеграмму о том, что студенты голодают и летняя сессия находится под угрозой срыва. После этого наше положение улучшилось: нам стали выдавать кровь с бойни, кисель и патоку. Позже стали собирать щавель на лугу.

Из воспоминаний
В.М. Проторчиной

***

Лекции нам блестяще читали замечательные ленинградские профессора — юрист Анатолий Васильевич Венедиктов, Сергей Иванович Ковалев, Владислав Иосифович Равдоникас, Петр Петрович Ефименко. Латинским языком занимались с нами Анна Ивановна Болтунова, известная исследовательница античности.
Ленинградцы привезли с собой много научной литературы и снабжали нас своими книгами. Анатолий Васильевич Венедиктов был организатором научной конференции, посвященной войне 1812 г. Мы, студенты, участвовали в этой конференции, используя имевшиеся в нашем распоряжении документы и другие источники.

Из воспоминаний
В. М. Проторчиной

***

Приближалась суровая елабужская зима. Я вновь отправился в райком. В кабинете секретаря в тот момент была женщина — директор местной ватной фабрики. «Это кстати», — подумал я.
— В какой помощи вы нуждаетесь? — спросил Петров.
— Мы так неожиданно и быстро эвакуировались, что у многих нет теплой одежды, в том числе и теплых головных уборов.
— Поможем воронежцам? — спросил директора фабрики секретарь райкома.
— Я побеседую с нашими работницами, — ответила она. — Думаю, что мы сможем сшить из обрезков 50—70 шапок. Тем более, что воронежцы помогли городу наладить производство спичек.
А вскоре мы уже щеголяли в шапках ярко-желтого цвета, изготовленных в Елабуге, и нас прозвали «рыжие ученые».

Из воспоминаний Ф. Г. Пономарева

***

Утром 26 января из-за дощатой стены, отделявшей нашу 41-ю комнату от комнаты 40-й, где жили девушки, послышалось радостное оживление, возгласы, шум, крики «ура». Спрашиваем, в чем дело. Девушки кричат в ответ: «Воронеж освобожден!»

Из дневника Р.А. Сегедина
(Из фондов музея истории ВГУ)

НАСТАВНИКИ И ВЫПУСКНИКИ

Глистенко Николай Иванович - ректор университета в годы Великой Отечественной войны, доцент, кандидат химических наук.

***

Пономарев Федор Гаврилович, профессор, доктор химических наук

***

Бенклиев Сергей Несторович, доцент, кандидат исторических наук

***

Гришин Григорий Терентьевич – доктор географических наук, профессор.

***

Руцкий Иосиф Адамович, доктор биологических наук, профессор

***

Чайкин Семен Иванович, лауреат Ленинской премии, выпускник геологического факультета.

***

Машкин Сергей Иванович, доктор биологических наук, профессор, в 1941 году аспирант.

***

Удодов Борис Тимофеевич, доктор филологических наук, профессор. С 1941 году студент историко-филологического факультета.

ХОРОШО, ЧТО РОДИНА ОГРОМНА

... В памяти те дни всю жизнь маячат,
Видно так и будет навсегда:
Тот товарный эшелон незрячий,
Везший нас неведомо куда.
Хорошо, что Родина огромна,
У народа ж общая страда.
Увозил нас эшелон от дома,
К близким, а не просто в никуда...

Стихи эти родились позже, а тогда, в эшелоне, везшем нас в октябре сорок первого в Среднюю Азию, я, признаться, весьма смутно представляла, что ожидает меня на новом месте. Муж остался в Воронеже, неподалеку от которого проходил фронт...

До места назначения я не доехала. На одном из полустанков, не доезжая Уральска, где эшелон надолго остановился, я вышла из вагона и присела на какой-то ящик.

— Куда едешь? Оставайся здесь! — услышала я голос. Смотрю, стоит казашка, покачивает головой, глядя на мою располневшую фигуру. И, повинуясь этой простой женщине, я вместе с матерью мужа, сошла с эшелона. Мне казалось: все-таки это ближе к Воронежу, к мужу, к дому. Здесь и родился 2 декабря мой сын Андрюшка.

Тяжелая была зима. Заносы, холодно. Полустанок небольшой – пять саманных хат. Но когда по просьбе начальника полустанка я дежурила у селектора, ощущала пульс страны — врывались радиоголоса: голоса людей, голоса войны. Шли эшелоны на запад с солдатами, с вооружением, на восток — с ранеными.

Ждала ребенка — выходила к путям, собирала сушняк, кусочки угля, что сметало ветром с тендеров паровозов. Иногда машинист увидит меня, сам сбросит пару кусков. А из воинских эшелонов, останавливающихся на полустанке, угощали сахаром, сухарями. Брала— знала, все это сыну.

Андрюшка родился слабеньким. И я чувствовала себя неважно: роды принимала бабка-повитуха. Потом пришли с проходящего эшелона два врача-хирурга. А с соседней станции привезли эвакуированного врача — ленинградку. Фамилии ее не помню, только имя сохранилось в памяти — Нина. Ездила за Ниной одна из местных жительниц, получившая незадолго до этого похоронку на сына. Так вот жизнь и смерть рядышком стояли в то время...

Нина пять дней была рядом. Пока не стало мне лучше.

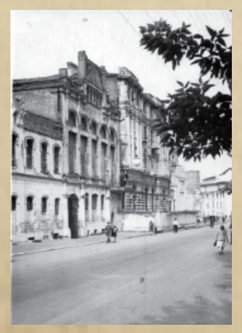
– Как сына назовем?

– Андреем.

– Люблю это имя со времен первой встречи с Болконским, — призналась Нина.

Из воспоминаний Е. В. Денисовой

ДОРОГА НА ВОСТОК БЫЛА ТЯЖЕЛОЙ

Когда в октябре 1941 г. обстановка в Воронеже стала тревожной, было решено эвакуировать из университета всех женщин с детьми и ведущих профессоров. Место эвакуации - Кузбасс. И вот шестнадцатого октября мы отправились в путь. Разместились в двух теплушках и одном пассажирском вагоне. Дорога была тяжелой - ведь с собой из вещей мы ничего не взяли. А запаса продуктов просто не было.

Доехали до Новосибирска. Там все пути забиты эшелонами с эвакуированными. Загнали и наши вагоны на какой-то путь. Стоим - никто не знает, когда двинемся в путь. Мы с Ириной Георгиевной Бернадинер (женой Б. М. Бернадинера) пошли за водой. Возвращаемся - нет наших вагонов. И куда они девались, никто не знает «Небось, уехали», - сочувствует кто-то. Ходим по путям - ищем, а номера-то своего эшелона не знаем. Подлезли под очередной состав, смотрим – какой-то эшелон с ремесленниками.

– Куда едете?

– В Сталинск.

– И нам туда же. Может, заберете. Отстали от своих.

– Как так?

– Да вот стоял наш эшелон, в нем еще один пассажирский зеленый вагон был. И уехал, видать.

– Зелёный вагон… А вон стоит какой-то эшелон с зеленым вагоном. Мы опять перелезаем через пути и видим наши вагоны. Там, конечно, рев: мама плачет, дети. Словом, добрались до Сталинска (нынешний Новокузнецк). А там нас не принимают: университет размещать негде. Загнали вагоны в тупик. А зима выдалась на редкость морозная. Мы с Ларисой Павловной Петренко – в горком партии. Нас выслушали, обещали помочь. И правда, вскоре всех эвакуированных разместили: мне досталась комнатка с кухней в одном из окрестных поселков. Хозяева – старики с внуком – встретили не очень дружелюбно: уплотнение радости никому не доставляло, но потеснились.

Тут новая проблема – с работой. Досталась за рекой Томью, отдаленная. Преподавала химию и естествознание. Однажды в буран – такой был, что провода все разметал – чуть не погибла, добираясь до работы. И тогда ушла на завод, где уже работала моя приятельница Антонина Александровна ……

Так стала я сотрудницей коксохимической лаборатории при ЦЗЛ Кузнецкого металлургического комбината. Три года была инженером-исследователем. Работала по оборонной тематике. Постепенно меня признали. Изобрела краситель – дали премию.

Из воспоминаний А.Г. Косцовой

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

ДОМА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

11 октября университет погрузился на пароход в Елабуге. В Липецк мы прибыли 7 ноября. Сразу же состоялось заседание Совета университета, на котором было решено, что ВГУ будет работать в двух точках: химфак и первый курс биологов — в Воронеже, все остальные факультеты — в Липецке.

Университет в Липецке разместился в помещениях, предоставленных Новолипецким металлургическим заводом: одно четырехэтажное здание из 32 квартир под студенческое общежитие; 15 двух- и трехкомнатных квартир для преподавательского состава в стандартных жилых домах; барак для организации, столовой; 13 классных комнат для занятий в 4-й средней школе (школа работала в первую смену, мы – с двух часов дня).

Всего в Липецк и Воронеж прибыло из Елабуги лишь 107 студентов, в том числе 8 первокурсников.

Из воспоминаний И.А. Рудкого
(Из фондов музея истории ВГУ)

***

Быт в университетском общежитии (когда мы уже вернулись в Воронеж) был суровым. Сами соорудили под руководством Ани Волковой плиту в своей комнате, на которой готовили нехитрую еду — фасолевый суп, кисель из сиропа с сахарином.

В феврале сорок пятого нам выдали клетчатые кофты американского происхождения — желтые, синеватые, фиолетовые, зеленоватые. На кого не поглядишь — все клетчатые; биологи, геологи, географы.

Из воспоминаний
А. В. Аброськоной.

***

27 марта 1943 г. я вместе с Е. М. Ворониным и Е. Т. Зениным прибыл в Воронеж. Нам предстояло определить оптимальные сроки реэвакуации университета и наметить план подготовительных работ. Состоялись встречи в обкоме партии с первым секретарем В. И. Тищенко, облисполкоме, других организациях. После этого я поехал в Наркомпрос с нашими предложениями об этапах реэвакуации.

Из воспоминаний Ф. Г. Пономарева

***

Наученные горьким голодным опытом зимы, решили как следует использовать лето: посадить огороды. Участки нам горисполком выделил. А где взять посадочный материал? Университет организовал экспедицию: В. Н. Цеханович (химфак), Алла Аполлоновна Чеботарева — преподавательница английского языка и я. Дали нам соли, бязи — поезжайте, меняйте. Поехали на лошади (я хорошо снаряжала сбрую и управляла, так что транспортных проблем у нас не было). Однако первоначально наши обменные операции шли неважно. Тогда Алла Аполлоновна говорит:

Давайте разделимся. Пусть каждая ходит в одиночку. Тем более, что у меня есть план.

Ну, ходим по деревне — у них какой-то религиозный праздник и на нас особо внимания не обращают. И вот в одной из изб вижу такую картину: сидит Алла Аполлоновна за столом и раскидывает колоду карт — гадает на сына хозяйки, воюющего на фронте. У всех напряженные лица (незадолго до этого какая-то гадалка наворожила — сын погиб на фронте).

Ложатся карты, управляемые искусной рукой Чеботаревой:

— Ну, вот, хозяюшка, все будет хорошо. Жди письма. Не убитый твой сын, не убитый, только раненый.

Растроганная хозяйка меняет картошку на соль, да еще впридачу дает небольшой кусочек сала. Позже еще два раза приезжали в эту деревню, запасая семенной материал. И для общего огорода хватило картошки, и на личные огороды.

А дальше тоже все было необычно. Картошки мы наменяли в обрез, а ведь и есть что-то надо было. Биологи предложили: сажать «глазки», т. е. крохотные кусочки картофелины с «глазком», из которых выращивалась рассада. Остальное — в пищевой котел. Так мы и сделали.

***

В Воронеже на химфаке лекции читали в помещении бывшей спецхимлаборатории с окнами, наполовину заложенными кирпичом. Самым ценным прибором на всем факультете были старенькие аналитические весы, единственные на весь факультет (думаю, что самый скаредный лаборант, не колеблясь, списал бы их в утиль, попадись они теперь ему на глаза).

И все-таки лекции читали, практические занятия проводили на собранных с бору по сосенке приборах, главным образом самодельных.

***

В 1944 г. после окончания Казахского университета им. С. М. Кирова я был направлен на работу в ВГУ. Стал ассистентом на кафедре неорганической химии у Александра Павловича Палкина. Воронеж лежал в развалинах. Химфак располагался на первом этаже трехэтажного здания. Второй и третий этажи были разрушены, и после занятий студенты и преподаватели работали на их восстановлении. Мебели не было. Электричество отсутствовало. Опыты и исследования проводили на примусах и керосинках.

Жил я с семьей в том же здании: выделили мне маленькую двенадцатиметровую комнатку. В этом было свое удобство: по вечерам, когда факультет затихал, я мог, так сказать, не отрываясь от домашнего очага, заниматься экспериментом. Правда, досаждали крысы. С наступлением темноты они бесцеремонно шныряли по всему корпусу. Но на них привыкли не обращать внимания.

Из воспоминаний Я. А. Угая

С нетерпением ждем победы. И, наконец, в ночь с 8 на 9 мая Левитан объявил об окончании войны.

Мы торжествовали! Вскочили с коек, начали обнимать друг друга, целовать. Слезы на глазах. Аня Никонова, пятикурсница геологического факультета, жившая с нами, открыла зал (она была завклубом), и начались танцы. А когда рассвело, мы вышли на проспект Революции. Тополя уже зеленели ранней листвой. По проспекту шли тысячи счастливых людей. Незнакомые, мы поздравляли друг друга! Мы гуляли по городу и думали о будущем!

А в 9 часов утра в актовом зале ВГУ состоялся митинг. Зал был полон. После митинга никому не хотелось расходиться. Начались танцы. Помню, как я играла на пианино, а Сергей Нестерович Бенклиев отплясывал лезгинку.

Из воспоминаний А. В. Аброськоной

Еще с вечера мы ожидали сообщения о капитуляции, а его все не было и не было. Наконец, легли спать, но радио не выключили. И вот, в два часа ночи оно заговорило... Победа! Все высыпали на улицу! Люди плачут, обнимаются.

Целый день я бродила по улицам города. Около здания музкомедии артисты давали концерт. А на площади была демонстрация. День был радостным и грустным одновременно: радовались победе и вспоминали о погибших. Мама и девятого мая, и позже все ждала, что вернется наш Витя, мой брат. Или хоть какая-то весточка о нем будет. Мы знали, что Витя был политбойцом, что воевал на Крымском фронте. Все его письма были пронизаны уверенностью в победе. Он ушел на фронт с нашего физмата и мечтал продолжить учение после войны.

И я понимала, что 9 мая — это и его, Виктора Проторчина, День Победы.

Из воспоминаний В. М. Проторчиной

В связи с неоднократным изменением сроков обучения и учебных планов во время войны в 1945 г. на факультете было проведено два выпуска студентов. Один из них был назначен на 9 мая. Почему так произошло, вспомнить не могу. Думаю, что случайно. Как позже оказалось, это была чудесная случайность!

Комиссия и деканат начали готовиться к вечеру дней за десять. Время трудное, шла война, существовала карточная система снабжения, а поэтому материальные возможности для подобных вечеров были ограничены. Следует заметить, что и сам выпуск был более чем скромный. Оканчивали университет всего шесть студентов: А. В. Аброськоной, Е. Ф. Крючкова. Е. К. Ляховченко, А. Ф. Приходько, П. М. Хахалева, Л Ф Эрак.

Согласно плану комиссии на вечере кроме виновников торжества должны были присутствовать двенадцать человек, приглашенных выпускницами, руководство университета - пять человек, девять работников и три студента факультета. Если к этому количеству прибавить пианистку, гармониста, да, кажется, двух- трех человек из студенческой самодеятельности, то общее число присутствующих не превышало сорока человек.

План комиссии, к счастью, был полностью сорван. Выпускной вечер превратился в незабываемый, ликующий праздник.

Из воспоминаний С. Н. Бенклиева
(Из фондов музея -истории ВГУ)

НА ИЗЛОМЕ СУДЬБЫ

Город не должен быть сдан. Так думала моя мама, входившая в состав уличного комитета. Но он был сдан.

Наши войска отошли за естественную преграду, которую представляли собой река и широкий пойменный луг. Наша улица оказалась прифронтовой. Из окон наших домов хорошо был виден этот луг, по которому шли толпы людей с детьми. И мы видели, как немецкие солдаты расстреливали мирных жителей. Мы не оказались среди них потому, что у мамы не было достаточно денег, которые требовал сосед-лодочник за переправу всей семьи. Его алчность невольно спасла нам жизнь.

А ночью был бой. …… задержавшихся наших бойцов прорвались через немецкие заслоны и задержались на нашей улице, где удобно было сосредоточиться и попытаться переправиться через реку. Нас предупредили, и все ближайшие соседи спрятались в полуподвальном помещении Дона, станции над рекой. Немцы так осветили местность, что ночь превратилась в день. Из заднего окна нам хорошо было видно, как бойцы бросались в реку, в два-три взмаха ее переплывали и скрывались в высокой некошеной траве. По ее шевелению мы определяли, живы ли они, или немецкие пулемётчики их достигали. Вода в реке была красной.

Немцев мы пока не видели. Но вот через несколько дней они появились. По улице шли двое длинных, как жердь, и приземистый, полноватый. В руках у них на ремешках висели каски, как лукошки, наполненные чем-то. Их можно было бы принять за обычных попрошаек, если бы не требование «……» и по гранате в свободных руках. У длинного – лимонка, которую он подбрасывал все время. А у коротышки – противотанковая с длинной рукояткой. Меня охватило острое чувство, которое я не испытывал прежде и никогда после. Оно поразило мой мозг. Необходимо было что-то делать. Запустить камень или вцепиться в горло – это слишком мало. Хотелось все изменить, вырвать действительность, смять все как страницу плохой книги. Это была ненависть…

А еще позже цепь вооруженных солдат рассыпалась по дворам. К нам ворвались трое. У них винтовки с примкнутыми штыками. Двое сразу же кинулись в огород. Штыками они поднимали огуречные плети, даже не утруждая себя нагибаться и искать вожделенное. Третий громко и грубо закричал: «Шнель!», требуя нас всех выйти. Увидев меня, он завопил: «Юде!» И штыком стал отделять меня от родных. Ему показалось, что я, черноволосый в отца, отличался от других членов семьи. Мама была шатенка, младшая сестра светловолосая, а грудной еще брат и вовсе был, как говорят, белобрысым. Только значительно позже я понял, что тогда происходило. Русские женщины часто спасали от смерти еврейских и цыганских детей, принимали их в свои семьи, выдавали за своих детей. Мама бросилась на колени и стала доказывать, что я ее родной сын и, как все дети, от одного и того же отца. Ситуация изменилась лишь после того, как пришел офицер, который, видимо, подналорел по форме носа определять национальность. Меня отпустили, и мы в чем были одеты вынуждены были покинуть дом. Вернулись мы спустя восемь месяцев после освобождения Воронежа.

Всю серьезность и реальную возможность трагического конца мы осознали только после возвращения. В соседнем доме жила пожилая еврейская чета. Жена была очень больна и не вставала с постели. Когда мы уходили, им было объявлено, что за ними приедет машина и их отвезут в госпиталь. После возвращения в город мы обнаружили в соседнем доме на кровати останки двух тел.

НА ФРОНТ

Теплый летний вечер покачивает верхушки деревьев. Группы нарядно одетых парней и девчат. Именно таким запомнился мне последний мирный вечер. 21 июня 1941 года в педучилище города Липецка, где я по окончании ВГУ работал первый год, — выпускной вечер.

Только на рассвете вернулся домой. А вскоре меня разбудила мама. Она громко причитала:

— Война, сынок, война...

Я был офицером запаса, поэтому тут же явился в военкомат. В первые дни участвовал в формировании команд, отправлявшихся на фронт, а 30 июня получил назначение в 660-й артиллерийский полк 220-й стрелко¬вой дивизии. Назначили меня командиром взвода. Дивизия была резервная, и обмундировали нас не сразу: Первоначально выдали мне лишь пистолет без кобуры.

Из воспоминаний В. В. Покорного

***

Когда услышал сообщение о войне, невозможно было усидеть дома. Вышел на улицу. Каждый при встрече говорил: «Война!». Решил пойти в клуб научных работников. До войны мы любили собираться здесь, играли в шахматы, беседовали, спорили. Клуб находился в главном корпусе университета. (Нынче там стоят жилые дома по ул. Феоктистова.) В клубе уже собралось несколько человек, подходили новые и новые со-трудники ВГУ. Все были взволнованны.

Прошло несколько дней. Захожу в кабинет к ректору ВГУ Николаю Петровичу Латышеву, а там идет заседание. Из реплик собравшихся понял, что формируется штаб будущего Воронежского добровольческого коммунистического полка. (Командир — полковник М. Е. Вайцеховский, комиссар — Н. П. Латышев, начальник штаба — А. Т. Худяков.)

Латышев спрашивает меня:

— Петр Федорович, не хватает начальника финансовой службы. Не согласишься пойти?

— Согласен.

— Садись, пиши заявление.

Вскоре Латышев съездил в Москву за разрешением на получение табельного имущества через Орловский военный округ. Нам выделили обмундирование и все необходимое для полного оснащения полка. Полку была перечислена большая сумма денег.

Деньги получали в полноч. Штаб выделил машину. Подъехали к банку. Кругом глухо, темно, окна здания банка не светились. Вызвали управляющего. Признаюсь, было немного жутковато. Все-таки сумма большая. Но когда началось оформление бумаг и мы принялись за работу, тревога рассеялась.

Из воспоминаний П. Ф. Извекова

НА ПЕРЕДОВОЙ

Я хочу рассказать несколько боевых эпизодов из фронтовой жизни комсомольцев — бывших студентов Воронежского университета. Политбоец тов. Беликов, член комсомольского бюро нашей части, занимал огневую позицию на одном из важных рубежей во время обороны деревни Н. Находясь в очень трудных условиях, он не покинул своего поста и продолжал отстреливаться вплоть до получения приказа об отходе. Только после этого тов. Беликов вывел свое отделение через амбразуру дзота из вражеского окружения, умелым броском гранаты уложив пятерых немцев.

Исключительное мужество при защите отведенного ему рубежа во время боя под деревней А. проявил воспитанник ВГУ комсорг стрелковой роты тов. Транин. Отделение тов. Транина оказалось в окружении превос-ходящих сил врага. Организовав отход отделения, отважный боец один удерживал наседавшего противника. Тремя гранатами тов. Транин уложил восьмерых фашистов. Последнюю гранату тов. Транин швырнул себе под ноги. Но храбрый комсомолец был только ранен. Придя в себя, он увидел, что находится уже за линией фронта. Рядом с ним лежали трупы двух фашистских офицеров. Тов. Транин благополучно добрался до своей части и сейчас находится в госпитале на излечении.

Политбойцы Беликов и Транин командованием полка представлены к правительственной награде.

Ст. лейтенант В. Дорохин.
Действующая армия
Коммуна, 1941, 12 октября

— Командира второй — к генералу!

Приказ был необычен — прорваться сквозь боевые порядки вражеских войск (желательно незамеченными) и выйти к переправе через Тиссу в районе городов Сентеш и Чонград. Цель рейда — не допустить противника из тыла к фронту, отрезать передовые его части, помешать им уйти на противоположный берег реки. А, надо заметить, Тисса — вторая по величине после Дуная река Венгрии. Многоводна, берега низкие, топкие, изрезанные множеством мелких притоков.

Разговор с комкором Петром Дмитриевичем Говоруненко был кратким.

— Сколько снарядов иметь в каждом танке?

— Сто.

— Сколько заливать горючего?

— Шестьсот сорок пять килограммов. Еще раз напоминаю: в стычки не ввязываться. На подготовку — два часа.

Надо сказать, сто снарядов — это двойная норма. Размещение их создавало определенные неудобства. Однако возражать не приходилось — шли в дальний рейд..

В тыл врага рота вышла незаметненой: передвигались скрыто и быстро. А через час случилось то, что должно было случиться: у небольшого хутора столкнулись с врагом. Это была учебная рота со средним танком. Обезоружили и распустили солдат, учебный танк сожгли, оружие раздавили. А через полчаса вновь встреча с учебной командой. Правда, на этот раз численность противника была раза в два больше. Повторилась предыдущая картина.

К 18 часам подошли к железнодорожному полотну, связывающему Сентеш и Чонград. Никаких признаков сопротивления. Причина стала ясной, когда осмотрелись: заболоченная местность не позволила здесь использовать танки. Времени на размышление было мало. Разрушили связь, разобрали полотно на нескольких десятках метров. И вовремя! Со стороны Чонграда двигалась дрезина с солдатами. Автоматчики уничтожили ее. Прошло полчаса — еще одна дрезина. Финал прежний.

Мы понимали: переправиться через речку с топкими берегами невозможно — утопим машины. Оставалось одно — двигаться по железнодорожному полотну. Наступил вечер. Укрылись в густом спасительном тумане. Утром на следующий день — летучий военный совет с механиками-водителями Сторчиловым и Богреевым. Решили (другого выхода не было) двигаться по полотну на малых оборотах. Двинулись в шестом часу утра, прикрываемые туманом. Осторожно прошли километра два. И тут рота остановилась: один из танков, зацепившись гусеницей за рельсы, порвал гусеницу и разворотил рельсы. Танкам, шедшим следом, пути вперед не было. А два танка, ведомые Якимовичем и Ивановым, шедшие впереди, благополучно достигли переезда и сошли с насыпи в поле.

К этому времени туман развеялся, и наша колонна оказалась под прицельным огнем противника. Застрявшие на полотне машины служили хорошей мишенью для орудий врага и вскоре были подбиты. К счастью, ни в одной из них не взорвались снаряды. Танкисты вместе с автоматчиками не растерялись — организовали круговую оборону. Я же через кукурузное поле подобрался к батарее противника и четырьмя снарядами уничтожил ее.

А в это время через оставленный нами переезд переправлялась фашистская кавалерийская часть с артиллерийскими орудиями. Вот уже кавалеристы и семь орудий оказались на этой стороне прямо напротив наших танков. Колонна шла, как на параде.

— По голове, середине и хвосту колонны — из всех видов оружия — огонь!

Одновременно грохнули три пушки, затарахтели пулеметы и автоматы. Враг заметался по полю, не понимая, откуда ему грозит опасность. Все было кончено за 15—20 минут.

Но это было только начало. Враг, наконец, опомнился, и со стороны Сентежа, а потом и от моста через Тиссу на нас двинулись танки и самоходки противника. Обстановка складывалась не в нашу пользу.

— Экономьте снаряды, бейте выборочно! — скомандовал я Якимовичу и Иванову.

Наблюдая за движением вражеских машин, я увидел, что противник лишен маневра, так как его путь лежал вдоль насыпи, а те отрезки, которые приходились на ровные участки, мы взяли на прицел.

Бой разгорелся. Фашистская «Пантера» подожгла танк Якимовича, но экипаж Иванова расстрелял эту самоходку. Видя, что три наших танка оказывают упорное сопротивление, враг отступил: к середине дня бой поутих, возобновившись с новой силой чуть позже. Мы подбили еще несколько танков, но и сами понесли ощутимый урон: снаряд угодил в танк Иванова, ему оторвало ствол пушки. Теперь полностью боеспособной у нас оказалась лишь одна машина. Правда, были ранены механик-водитель Николай Сторчилов и я. Но и в этих условиях рота продолжала бой.

Опасность пришла и с другой стороны — подходил к концу наш двойной боезапас. Тут нас выручили санинструктор Зарайский, двенадцатилетний мальчонка Вася, увязавшийся за ротой, и еще три автоматчика. Каждый из них притащил снаряды, оставшиеся в подбитых на полотне железной дороги танках. Так повторялось несколько раз.

К 17 часам боеприпасы были на исходе, и гибель роты казалась неизбежной. В этот трагический момент наш радист Попов связался с командованием корпуса. Примерно через час к нам прорвался танк со снарядами. Помощь была своевременной. Мы выстояли. Переправа осталась в руках роты. Так закончился этот бой, длившийся двенадцать часов. Когда на следующий день танки корпуса приблизились к переправе через Тиссу, два десятка наших танкистов и автоматчиков встретили их у своих трех израненных, опаленных огнем машин.

За этот бой Н. К. Якимович, Г. Ф. Иванов и я были удостоены звания Героя Советского Союза. Многие танкисты и автоматчики были награждены орденами и медалями.

Из воспоминаний Л. М. Тарасова
(Из фондов музея истории ВГУ)

РЕЙД

БЫЛО ЭТО В НАЧАЛЕ ОКТЯБРЯ 1944 Г. ТАНКОВАЯ РОТА, КОТОРОЙ Я КОМАНДОВАЛ, ПОЛУЧИЛА КРАТКОВРЕМЕННУЮ ПЕРЕДЫШКУ. ТАНКИСТЫ ПРИВОДИЛИ В ПОРЯДОК МАТЕРИАЛЬНУЮ ЧАСТЬ, ПОПОЛНЯЛИ БОЕЗАПАС И ЗАПАС ГОРЮЧЕГО. ЗНАЛИ — ПРИКАЗ К НОВЫМ БОЯМ МОЖЕТ ПОСТУПИТЬ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ. ТАК БЫЛО И В ЭТОТ РАЗ.

Мое поколенье осталось без детства.
Нам били не ветры, а бури в лицо.
Моим одногодкам достались в наследство
Лишь добрые руки да хватка отцов.

Немало зарубок, зазубрин и вмятин
Оставило время на стыках годов,
Нам издавна дорог, знаком и понятен
Пшеничного поля волнующий зов.

Мое поколенье вступило до срока
В смертельную схватку с жестокой нуждой,
И школа, и нива давали уроки,
Где мы постигали, кто свой, кто чужой.

Мое поколенье не словом — делами
Гремело могуче, как сводный оркестр.
Его отголоски на Каме и БАМе.
Во всем, что восходит и зреет окрест.

Взмывали мы к звездам и дерзко, и круто.
В глуши возводили сады-города.
Как долго когда-то тянулись минуты,
Как быстро сегодня уходят года.

На мир мы не можем никак наглядеться,
А свежие ветры нам веют в лицо.
Мы детям и внукам оставим в наследство
И наши надежды, и славу отцов.

Михаил Шишляников

Хроника текущих событий

1945

Из приказа № 394
ректора Воронежского государственного университета
от 12 ноября 1945 г.

С ноября в течение двух дней через день провести пробную топку калориферных печей южной стороны. Кафедрам, расположенным на 4-м этаже, отпустить ¼ кубометра дров для отапливания аудиторий (на 10 дней) <...>.

И. о. ректора Воронежского
государственного университета Рогов

1946

В январе сорок шестого я восстановился на 1 курсе химфака. Занимались мы в одноэтажном здании спецхимлаборатории. В огромной аудитории со сводчатыми низкими потолками и маленькими окошечками холод стоял страшный.
Однажды на лекции обвалился огромный кусок штукатурки. Спасло нашего лектора М. В. Федосеева только то, что он был в знаменитой своей шапке-ушанке.
Посуды химической не было. Один штатив с пробирками давали чуть ли не на всю группу. Если разбивалась пробирка, это была целая трагедия.

Из воспоминаний Т. Е. Лангер

***

Восстановлением университета занимались все, но мне хотелось бы отметить работу нашего комсомольского комитета, особенно секретаря комитета комсомола ВГУ Людмилы Коврижко и члена комитета комсомола Сони Целиковской. Они были главными организаторами восстановительных работ. Старшие нам помогали, но не опекали чрезмерно (кураторов в те годы никаких ее было).
Отзанимавшись, университет выходил на стройку — расчищали завалы, добывая уцелевший кирпич, складировали его. Работали дружно все — и студенты, а преподаватели. Радовались, если находили в развалинах что-то, пригодное для занятий, — чудом сохранив¬шиеся детали или какие-то приборы. Полным ходом шло восстановление красного корпуса (пр. Революции, 24), уцелевшей части общежития № 2, химического корпуса. И вот первый результат — за полтора года полностью восстановили красный корпус, ввели в строй общежитие и здание химфака.
Ректорат разместился на 2-м этаже, общежитие частично на первом, частично на четвертом. Здание отапливалось «буржуйками», установленными в каждой комнате, каждой аудитории. Дрова для печек добывали самостоятельно, разыскивая в развалинах все, что могло гореть. Однако, если кто-нибудь приносил на растопку строительные материалы, получал нагоняй.
Студентам давали рабочие карточки (норма хлеба — 600 г). Нам, инвалидам войны, полагалось усиленное дополнительное питание.

Из воспоминаний В. С. Кавецкого

1947

В Москву на парад физкультурников
Команда гимнастов и легкоатлетов университета в составе студентов Щебликиной, Дубининой, Фроловой, Воронковой, Дидора и Гришаевой выехали в Москву на Всесоюзный парад физкультурников, который состоится 20 июля.
Во время парада она представит университет в колонне физкультурников ВЦСПС страны.

За научные кадры. 1947. 20 июня.

1950

Студенты университета – чемпионы области
17-18 сентября проводился финал первой областной спартакиады. Команда университета, выступившая в количестве 16 человек, добилась неплохих результатов. Наши спортсмены установили несколько новых об-ластных рекордов.
Студент IV курса физико-математического факультета Н. Мочалов установил два рекорда: по метанию молота и толканию ядра. В. Казанина, Л. Харина, К. Курлова и Г. Богоявленская с рекордным временем пронесли эстафету 4Х100.
Студенты В. Гладких и А. Рябко, участвуя в составе сборной команды в эстафете 4Х100, также внесли поправку в таблицу областных рекордов.

Там же. 1950. 28 сент.

1951

На физмате начинает работать профессор Марк Александрович Красносельский.

ВОРОНЕЖСКИЕ СТУДЕНТЫ

Университет вернулся в Воронеж. И город дал ему все, что мог: большой дом, в котором еще сохранились стены. Этот дом студенты должны были сами отстроить, чтобы учиться в нем и жить.
Воронежские студенты начали с раскопок. Они заготовили таким образом десятки тысяч штук кирпича, отыскали в завалах университетских зданий трубы, провода, запасы красок. Они радовались каждой находке: чудом уцелевшей стеклянной колбе, ящику с реактивами. И к зиме уже готов был новый дом, оборудованы кое-какие кабинеты. В химической лаборатории студенты повесили портрет Менделеева. Этот портрет тоже отыскали среди развалин. В лаборатории установлены единственные аналитические весы — подарок братского Ереванского университета. И в дни занятий возле них выстраивалась очередь.
Студенты с гордостью показывают свою новую читальню. Здесь простые скамьи, некрашеные столы. Зато на одном из столов мы видим фолиант древнего «Уложения» царя Алексея. Эта книга тоже отбита у немцев <...>.
Воронежским студентам, строящим свой университет, нелегко сейчас учиться. В некоторых аудиториях еще стоят койки. Когда сюда приходит лектор, студенты усаживаются на койках, как на скамьях. Зато тишина стоит академическая. Слышно только, как шуршат по бумаге карандаши.
В кабинетах было холодно: не хватало топлива. Студенты-биологи принесли в комнатку, где живут, нежную водоросль — элодею. И растение ожило, согретое людским дыханием. Несмотря ни на что, в Воронежском университете ключом бьет научная жизнь.
Член-корреспондент Академии наук СССР профессор Воронежского университета Козо-Полянский рассказывает о некоторых своих новых интересных наблюдениях. В университетском ботаническом саду, почти полностью уничтоженном немцами, оказывается, выжили выведенные ученым сорта винограда. Победили и холод, и огонь.
— Растения живут и словно зовут нас всех к работе, — говорит профессор.
И в самом деле. Есть что-то символическое в этой победе жизни над смертью.
Сейчас архитекторы работают над проектом нового университетского здания. Оно должно стать украшением города, его гордостью, его славой. Строители поставят его на самом высоком месте Воронежа — на холме <...>.
Совсем недавно бойцы Красной Армии обнаружили я Будапеште карты Воронежа с немецкими названиями. Здание университета было отмечено черным крестом. Наверное, враги считали, что с университетом покончено, что его уже нет. И приятно будет узнать бойцам, которые освобождали Воронеж, а сейчас бьют врага за Одером, атакуют его на дальних подступах к Берлину, что старый университет — гордость Воронежа, восстановленный студентами, снова открыл свои двери...

Евг. Мар
Воронеж
Комсомольская правда. 1945. 4 апр.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НА НАШИХ ГЛАЗАХ ДЕЛАЛ МАТЕМАТИКУ

В 1952 г, я впервые увидел человека, который на наших глазах делал математику. Это был профессор Марк Александрович Красносельский. Пригласил его на работу в университет Владимир Иванович Соболев, старавшийся придать математико-механическому отде-лению физмата подлинно университетский облик. Марк Александрович напоминал вулкан, дышащий «огненными» идеями. Курс нелинейного функционального анализа, который вел Красносельский, сразу стал привлекать любознательных студентов. На факультете начал работать семинар по функциональному анализу. Приехал в Воронеж из Казани профессор Ю. Г. Борисович. Начали выходить научные труды. Открылась аспирантура.
Незаурядный математик, яркая личность, великолепный педагог, Марк Александрович Красносельский, кажется, без видимых усилий в очень короткие сроки создал научное направление, получившее название «воронежская школа математиков». Преподавателями в этой школе были и Селим Григорьевич Крейн, и Владимир Иванович Соболев, но лидером, бесспорно, являлся Красносельский.
Одаренных людей Марк Александрович находил среди студентов очень быстро. Петр Забрейко, Иван Бахтин, Митрофан Семенов, Евгений Лифшиц — список этот можно продолжать. Одна за другой выходят в пятидесятые-шестидесятые годы книги, созданные Красносельским и его учениками: «Топологические методы в теории нелинейных интегральных уравнений», «Положительные решения операторных уравнений», «Оператор сдвига по траекториям дифференциальных уравнений».
Среди учеников Марка Александровича и Селима Григорьевича Крейна десятки докторов и кандидатов наук, - профессора В. П. Глушко, П. Е. Соболевский, Е. М. Семенов, Б. Н. Садовский, Ю. В. Покорный. В нынешнем университете все заведующие кафедрами матфака и ПММ их ученики.

Из воспоминаний А. И. Перова

Большим событием для физмата был переезд в Воронеж из Киева профессора-математика М. А. Красносельского. Он сильно всколыхнул всех. Пожалуй, именно с его приездом начался новый этап в развитии физико-математических наук в университете, приведший к возникновению двух самостоятельных факультетов — физфака и матфака. Семинар, который вел Марк Александрович, был чрезвычайно эффективен и для нас, физиков. И не случайно именно в это время — середина пятидесятых годов — возникли на факультете новые кафедры. В частности, была создана кафедра теоретической физики, питомцы которой — С.Г.Кадменский, Б. А. Зон, И. В. Копытин, Н. Л. Манаков, М. А. Баткин — сегодня доктора наук, успешно работают по важнейшим направлениям физической науки. И не будет преувеличением сказать, что в пятидесятые годы закладывались в университете основы оригинальной научной школы.

Из воспоминаний Л. П. Раппопорта

БОГАТЫРЕВ, *О КОТОРОМ ПИСАЛ ШКЛОВСКИЙ*

В Воронеж я попала по распределению, после окончания аспирантуры в МГУ. Это было в 1949 г. В министерстве мне предложили несколько университетских городов: Минск, Кишинев, Рига, Вильнюс, Воронеж. Я могла выбирать. Воронеж казался более близким и знакомым (в моем сознании с ним прочно связывались имена Кольцова и Никитина).
Первый год работы запомнился как очень тяжелый. Трудно было все: вживание в коллектив, жизнь в неблагоустроенной комнате общежития, где зимой бывало так холодно, что за ночь замерзала вода в чайнике. И самое трудное — лекции. Их надо было готовить и читать ежедневно, к тому же по всей истории зарубежной литературы: сегодня — Эсхил, завтра Бальзак, послезавтра — Шоу и т. д. Старалась спать через ночь по 4-5 часов. И хотя я считаю, что в Московском университете нас готовили хорошо, но ведь одно дело знать для себя, другое — объяснять другим. Нужных книг недоставало. Учебников в ту пору по отдельным разделам курса и вовсе не было. И учиться, по сути дела, было не у кого.
На факультете, тогда еще историко-филологическом, собрались в основном такие же молодые преподаватели, только-только приступавшие к работе в вузе. На несколько месяцев раньше меня приехал в Воронеж С. Г. Лазутин, чуть позже — А. М. Абрамов; были еще молодые историки Е. Г. Чистякова, В. А. Дунаевский, А. Н. и А. Е. Москаленко. Собравшись, обсуждали, как лучше читать лекции. Профессор И. Н. Бороздин, незадолго до нас появившийся в университете, был для всех нас высотой недосягаемой.
И вот двумя или тремя годами позже на факультете появилось новое лицо: профессор Петр Григорьевич Богатырев — крупный ученый, фольклорист, этнограф, театровед, переводчик. Я видела его еще в Москве. Его показал мне один приятель в старом зале Ленинской библиотеки: «Посмотри, вот Богатырев. Это о нем писал Шкловский»: В ту пору я и мои друзья только открыли для себя ранние книжки Шкловского, такие, как «Сентиментальное путешествие», «Zoo, или Письма не о любви». Пассаж о Богатыреве запомнился. Шкловский писал: «Глаза у него голубые, рост маленький, брюки короткие; брюки бывают особенно коротки у коротконогих. Ботинки Богатырева не зашнурованы.
По улицам он то идет медленно на цыпочках, то бегает наискось зайцем, — не говорит, а галдит».
Человек, увиденный в Ленинской библиотеке, удивительно походил на созданный Шкловским образ. Небольшого роста, встрепанный, полы пиджака висят косо, маленькие глаза спрятаны за толстыми стеклами очков... Но о самом Богатыреве я в ту пору знала очень мало. Были какие-то смутные представления об ученом, закладывавшем основы нашей литературной науки в 20-е гг., и только. Ведь социологический крен в литературоведении, характерный для 30-х и отчасти 40-х гг., полностью заслонил научные направления предшествующего периода.

В Воронеже я встретилась с Петром Григорьевичем в маленькой комнатке деканата историко-филологического факультета, располагавшегося тогда в здании общежития № 1 на улице Ф.Энгельса. Я сразу узнала его. Только теперь бросился в глаза его внимательный, чуть хитроватый и удивительно добродушный взгляд. Нас познакомили. По его просьбе мы вместе отправились на рынок, покупали там какие-то яблоки. Потом зашли ко мне в общежитие. Постепенно подружились. Петр Григорьевич часто приходил попить чаю. Иногда трогательно приносил цветы. Но всегда помятые, потому что нес он их обычно в портфеле.
Первое впечатление от него - ощущение какой-то абсолютной, почти невероятной житейской беспомощности. В ту первую «ознакомительную» прогулку на рынок он ухитрился захватить с собой набитой книгами тяжелый портфель. Ему тоже дали комнату в общежитии. В первое же утро он постучал ко мне и имел очень озабоченный вид. Сказал, что не может включить электрическую плитку, потому что вилка не влезает в розетку. Отправились в его комнату. Все оказалось очень просто: он пытался всунуть вилку от плитки в розетку радиосети. Его неприспособленность бросалась в глаза. Он мог прийти в университет в разных башмаках, с одной подвернутой штаниной. Беспрерывно что-то забывал или уносил по ошибке. За этой анекдотической профессорской рассеянностью, мне думается, скрывалась сосредоточенность на главном, беспрерывная работа мысли. Но было и что-то от защитной маски, продуманной позиции человека, не желающего тратить время на мелочи.
В их семье вопросами бытового устройства занималась жена — Тамара Юльевна. Помню, как она при мне полушутливо укоряла его в том, что он никогда не подходит к газовой плите. С хитрой улыбкой он защищался: «Это что! Вон профессор Розанов и к телефону не подходит, вдруг убьет током».
В Петре Григорьевиче поражала какая-то доверчивость к людям, естественная благорасположенность. Он никогда не поучал, как бы не отдавая себе отчета в том, что он большой ученый. Держался просто, охотно отвечал на все расспросы. Жизнь у него была интересная. Он знал многих крупных людей: Маяковского, Пастернака, Эренбурга. В числе его друзей был Роман Якобсон. Долгие годы он провел в Чехословакии, занимаясь там изучением чешского народного театра, народным творчеством. Помнил и Ярослава Гашека, перевод романа которого принес ему, как одному из лучших советских переводчиков, заслуженную известность, Юлиуса Фучика. Рассказывая об этих людях, себя непременно оставлял в тени.
Он любил детей и любил игрушки. Дома у него была целая коллекция кукол, чаще кукол-актеров из разных стран. Больше других он любил Гурвинека — известного персонажа чешского театра марионеток. Он вообще любил игры всякого рода, и театральные, и народные, и любительские. В доме у Богатыревых увлекались игрой в шарады. Сейчас уже мало кому знакома эта игра. Ее участники разыгрывают слова по слогам. Помню, как на одном из дней рождения Петра Григорьевича в их маленькой квартирке в Москве на Якиманке (впоследствии они переехали в писательский дом вблизи от станции метро «Динамо») разыгрывалось какое-то слово, составная часть которого — «кит». Петр Григорьевич изображал кита. Он улегся на пол вверх животом и, держа над головой маленькую детскую клизму, сосредоточенно пускал из нее струю. Смеялись все. Он оставался серьезен.
Серьезная сосредоточенность была свойственна П. Г. Богатыреву в любом деле. Он работал много. В неуютной комнате общежития с незашторенными окнами и единственным застеленным газетой столом все было завалено книгами и рукописями. В какое бы время дня я к нему ни заходила, он сидел за столом и писал. Позже, когда ему уже стало отказывать зрение, он работал с лупой, но почти непрерывно.
Сейчас, вспоминая прошлое, я размышляю над тем, какие уроки я извлекла из знакомства с ним. Занимались мы разными проблемами. Прямой помощи в том, что меня интересовало, я от него, пожалуй, не получила. Но общение с ним давало мне нечто большее. Одна из самых главных черт Богатырева — преданность делу, которым занимаешься. У самого Петра Григорьевича эта преданность делу принимала порой крайние формы. Он рассказывал, например, как в Чехии, собирая образцы народных вышивок для этнографического музея, он переодевался старьевщиком и, разъезжая по деревням, выменивал у крестьянок на мыло старые вышитые тряпки. От него я узнала, что образцы вышивок — опознавательные знаки, способные дать не меньшую информацию, чем археологические находки.
От него я вообще впервые узнавала о многом, будь то содержание деятельности Пражского лингвистического кружка, или основы семиотики. Но это не главное. Он научил меня уважению к факту, необходимости твердой опоры на него в любой концепции. Читая главы моей кандидатской диссертации, Петр Григорьевич неназойливо, но настойчиво требовал абсолютной доказательности каждого положения.
И еще. Он внушал мне мысль о необходимости научной работы для вузовского преподавателя. Вспоминаю, как в начале нашего знакомства, озабоченная прежде всего составлением лекционных курсов, я заявила ему, что преподавателю вовсе не обязательно заниматься наукой, достаточно просто хорошо читать лекции. Он решительно не согласился со мной. Позже я поняла его абсолютную правоту. Но тогда до этого еще предстояло дорасти.
Сейчас, когда Петра Григорьевича уже нет, часто ловлю себя на сожалении, что не обо всем расспросила его, может быть, не всегда была внимательна к его словам. Теперь уж ничего не исправишь. Остается только радоваться, что судьба подарила мне знакомство и дружбу с этим замечательным человеком и большим ученым, о котором теперь написано во всех энциклопедиях, и наших, и зарубежных.

Из воспоминаний А. Б. Ботниковой

КАК ГРОМИЛИ ГЕНЕТИКУ

ПРОФЕССОР ДУБИНИН

Небольшого роста, подтянутый, с аккуратной прической, приветливый — таким мне запомнился профессор Николай Петрович Дубинин. Профессор работал в Москве, но одновременно с 1938 г. руководил кафедрой генетики в Воронежском государственном университете. Мне, тогда студенту, посчастливилось прослушать курс его лекций, а в мае 1940 г. я сдал ему экзамен. Молодой профессор — ему шел тогда 33-й год — нравился студентам многими своими достоинствами и даже тем, что из бывшего беспризорника стал крупным ученым. А наши девушки были просто влюблены в него.
Н. П. Дубинин к тому времени был уже известным не только в нашей стране, но и за рубежом, благодаря сделанным им научным открытиям, поставившим его в ряд выдающихся ученых-генетиков.

Из воспоминаний И. Ф. Заянчковского
(Из фондов музея истории ВГУ)

УСПЕХИ КАФЕДРЫ ГЕНЕТИКИ

Профессор Н. П. Дубинин при участии лаборанта Т. И. Ретунской ведет большое исследование по экспериментальному анализу природных популяций. Это — новое эволюционно-генетическое направление. Работы проф. Дубинина значительно углубили и расширили наши познания по естественному отбору, процессам изменчивости и конкретному ходу эволюционных процессов в природе. Они вызвали широкий отклик среди ученых и послужили толчком к созданию советского, американского, английского и других направлений по экспериментальной генетике популяций <...>.
Недавно проф. Дубинин избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Доцент Е. Постникова
Там же.
1947. 20 авг.

ИЗ ПРИКАЗА РЕКТОРА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

23 августа 1948 г.

1. Кафедра генетики Воронежского государственного университета, руководимая профессором Петровым Д. Ф, по существу является гнездом антимичуринского направления в биологии. Большинство из ее состава: проф. Петров Д. Ф., проф. Дубинин Н. П. и доцент Постникова Е. Д. — вели борьбу за реакционное антимичуринское направление в биологии.
Как сторонников реакционного буржуазного направления в биологии, проводивших активную борьбу против мичуринского учения, ориентирующих вузовскую молодежь на неправильные буржуазные позиции в науке, освободить от работы в университете с 28.08.1948 года профессора Петрова Д. Ф., доцента Постникову Е. Д. и от работы по совместительству профессора Дубинина Н. П.

ВАВИЛОВ, ЛЕВИТСКАЯ И ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

Кафедра радиофизики своим существованием обязана прозорливости Марии Афанасьевны Левитской. В 1947 году по ее инициативе в университете началась подготовка специалистов для радиопромышленности. Привлекли к этой работе крупных специалистов — Константина Яковлевича Петрова, тогдашнего главного конструктора «Электросигнала», Сергея Митрофановича Плахотника, главного инженера того же завода. Пришел на кафедру доцент Игорь Всеволодович Жиленков. Я начал работать на молодой кафедре лаборантом.

Оборудования практически не было. Мария Афанасьевна связалась с президентом Академии наук СССР С. И. Вавиловым — тот направил нас в ФИАН (Физический институт Академии наук СССР). В ноябре сорок седьмого вместе с М. А. Левитской поехал в Москву к П. А. Черенкову, возглавлявшему тогда институт. Помню маленький кабинетик Павла Алексеевича, лампу с зеленым абажуром. Выслушав нашу просьбу, Черенков объяснил, где можно раздобыть необходимый нам форвакуумный насос. Разумеется, списанный. Но мы были рады и ему.

Из воспоминаний В. С. Зотова

***

Когда после, войны на физмат вернулся Николай Антонович Игнатьев, материальная база факультета была в весьма плачевном состоянии. Экспериментальное оборудование отсутствовало, лабораторный практикум выглядел очень бледно. Научной аппаратуры практически не было.

Николая Антоновича такая бедность факультета подтолкнула на творчество. И вот уже появилась на кафедре, которую возглавляла Мария Афанасьевна Левитская, измерительная аппаратура, собранная умелыми руками Николая Антоновича. Смонтировал Игнатьев и несколько рентгеновских аппаратов, позволявших вести экспериментальное исследование.

Ассистент кафедры электромагнитных колебаний еще с 1936 г., Николай Антонович вернулся из действующей армии с вещмешком, наполненным разного рода «железками», которые могли пригодиться на родном факультете. И вот сейчас его умные руки буквально творили чудеса: к любой нашей научной идее он, как говорится, «из ничего» сооружал экспериментальную базу. А надо сказать, что идеи, выдвигаемые Марией Афанасьевной Левитской, были подчас трудно исполнимы в условиях почти полного отсутствия соответствующего оборудования.

И вот когда уж совсем стало плохо, Мария Афанасьевна поехала к Сергею Ивановичу Вавилову, президенту Академии наук СССР. В поездку эту Мария Афанасьевна взяла меня — после окончания в 1949 г. физмата я поступил к ней в аспирантуру.

Вавилов, знавший Левитскую по довоенным трудам, принял нас очень любезно. Вспомнил, как работал вместе с Марией Афанасьевной в Ленинградском оптическом институте, поинтересовался современным состоянием физических исследований в Воронеже.

— Трудно работать, Сергей Иванович, — призналась Мария Афанасьевна, — нет самых необходимых приборов.

— С оборудованием очень трудно, — согласился президент. — Единственное, что я могу сейчас вам предложить, это канадский бальзам. Привезли мне коробочку.

Вавилов достал небольшую коробочку и передал Марии Афанасьевне.

— Это, так сказать, из личных запасов, — улыбнулся Вавилов. — Но просьбу вашу принимаю к сведению. И чем смогу, постараюсь помочь.

А через какое-то время в университет позвонили: «На железнодорожной станции получите оборудование. В ваше распоряжение прибыл груз». Мы очень удивились, но за грузом поехали. Действительно — полвагона электромеханического оборудования прибыло в адрес университета. Сопровождающей описи никакой не было, только по надписям на немецком языке догадались: нам передали часть демонтированного оборудования немецкой подводной лодки. А потом пришло и письмо от Сергея Ивановича Вавилова. Он писал, что выхлопотал для Воронежского университета приборы подлодки.

Присланные приборы мы тут же пустили в дело. И они много лет исправно служили.

Из воспоминаний В. С. Кавецкого

«Я С ДЕТСТВА ЛЮБИЛА ОДИНОЧЕСТВО И РАЗМЫШЛЕНИЯ»

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР

За заслуги перед Советским государством по воспитанию молодого поколения, за достижение высоких показателей в труде и плодотворную общественную деятельность, наградить орденом Трудового Красного Знамени профессора Левитскую Марию Афанасьевну - заведующую кафедрой электромагнитных колебаний Воронежского государственного университета.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. Подгорный
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе
Москва, Кремль, 7 марта 1960 г.
Коммуна. 1960. 9 марта.

***

Мария Афанасьевна Левитская была удивительным человеком. Она получила классическое физическое образование сначала на высших женских Бестужевских курсах в Петербурге, потом в Берлинском и Геттингенском университетах. Туда ее послал учиться известный русский физик профессор О. Д. Хвольсон. Зная ее выдающиеся способности в области физики, он выхлопотал ей стипендию Ученого комитета при Академии наук России для продолжения образования за границей. После окончания учебы Мария Афанасьевна работала в Ленинграде в школе «папаши Иоффе» — академика Абрама Федоровича Иоффе. Широкая эрудиция, высокий уровень научного мышления, умение глядеть в далекое научное будущее — все это отличало профессора Левитскую. Ее переезд на работу в Воронеж в 1935 г., ее верность университету способствовали развитию физической науки в ВГУ. В самом деле, из кафедры электромагнитных колебаний, возглавляемой Марией Афанасьевной, отпочковались в конечном счете пять из десяти ныне существующих на физфаке кафедр: оптики, физики твердого тела, теоретической физики, радиофизики, ядерной физики.

Мария Афанасьевна пользовалась на факультете большим авторитетом. И не случайно, когда надо было в высоких научных инстанциях заручиться какой-либо поддержкой, факультет посылал в Москву профессора Левитскую. Ее имя открывало любую дверь, и вопросы решались, как правило, в нашу пользу.

В быту Мария Афанасьевна была чрезвычайно скромным (пожалуй, даже аскетичным) человеком. Стали легендой ее простая одежда, нетребовательность, непритязательность. И притом огромная душевная отзывчивость. Заболел ее аспирант — Мария Афанасьевна ссужает его деньгами и отправляет лечиться на курорт. Когда мне понадобилось в 1950 г. приобрести для проведения диссертационных исследований кристаллы-анализаторы (в Москве их могли изготовить частным образом по 400 рублей за штуку), Мария Афанасьевна выдала мне, аспиранту, 800 рублей.

«Особенность характера профессора Левитской – ее терпимость.. Во всяком случае я не помню, чтобы Левитская во взаимоотношениях со своими коллегами или учениками во что бы то ни стало утверждала свой приоритет. Наверное, поэтому на кафедре никогда не было острых конфликтов.»

И еще одна подробность: своих аспирантов Мария Афанасьевна не только выводила в «научный свет», знакома с видными учеными в данной области, но и приобщала к духовным ценностям. Почти обязательной была для нас, аспирантов профессора Левитской, процедура посещения Большого театра. Выезжая со своим научным руководителем в Москву, мы получали от нее билеты на балет или в оперу.

— Не знаю, сумею ли я сама попасть, но вы сходите обязательно, — говорила Мария Афанасьевна.

Особенность характера профессора Левитской — ее терпимость. Чужая точка зрения была предметом самого пристального внимания Марии Афанасьевны, и если она видела, что оппонент предлагает небанальное решение, охотно его поддерживала. Во всяком случае я не помню, чтобы Левитская во взаимоотношениях со своими коллегами или учениками во что бы то ни стало утверждала свой приоритет. Наверное, поэтому на кафедре никогда не было острых конфликтов.

Из воспоминаний В. С. Кавецкого

ИЗ ДНЕВНИКОВ М. А. ЛЕВИТСКОЙ

9 августа 1954 г.

Прошел отпуск, через три дня опять приниматься за лекции. За весну и за лето я все-таки кое-что сделала. Я записала все задачи, которые составила для снятий со студентами по рентгеноструктурному анализу. Вышло 155 задач.

12 декабря 1954 г.

Все эти годы ушли на освоение педагогической работы и создание лаборатории... Пусть будет так. Опять я этим волнуюсь, стараюсь оттаратить свое лицо от человеческих наград, а смотреть только в лицо природы. Ведь я обещала в Крыму перед морем:

Перед лицом твоим, природа,
Клянусь всегда с тобою быть
И жизни тяжкие невзгоды
В твоем подножии сложить.

Что же я волнуюсь человеческим признанием? Но что я могу сделать в науке? Силы мои на исходе. Вот, в семьдесят лет я почувствовала себя старой. Ничего больше мне, видно, не удастся. Но пока какие-нибудь силенки есть, буду работать.

28 февраля 1955 г.

Все последние месяцы я занята написанием курса «Ядерные явления». Если я его не напишу, студентам не по чему будет готовиться. Только когда я кончу его, я смогу заняться своей работой.

2 июня 1955 г.

Я опять охвачена мыслью об инерции света. За несколько дней обдумала и подсчитала несколько опытов. Но выполнить их у меня лично не хватит сил. Долго думала, стоит ли об этом говорить ленинградским оптикам. В конце концов думаю, что стоит. Пусть я сама не соберусь сделать этого, может быть, они сделают.

17 марта 1958 г.

В сущности, у меня, вероятно, было больше способностей к искусству, чем к науке. Но вопросы науки больше увлекали меня. К общественной деятельности я была неспособна. Я с детства любила одиночество и размышления. Я дала клятву работать для женского освобождения... Права женщине даны социализмом и коммунизмом, но этим вовсе не разрешена моя задача в отношении женщин.

Я решила показать, что женщина способна к науке и может кое-что сделать. Увы, ничего особенного я не сделала. Но насколько позволяют мои способности и насколько допускали мою работу внешние отношения, я все время работала. Но виновата я, что моих сил не хватило? Что могла, то сделала.

Из дневников М. А. Левитской (Из фондов Воронежского краеведческого музея)

***

В 1946 г. я перевелся на IV курс физмата из МГУ. Переезд в Воронеж был вынужденным — врачи рекомендовали сменить климат в связи с обострением процесса в легких. В Москве я больше тяготел к эксперименту, но здесь, в Воронеже, Мария Афанасьевна Левитская рекомендовала мне переквалифицироваться в теоретика. Возможно, это было вызвано научными интересами Марии Афанасьевны, а может, все объяснялось проще — экспериментальной базы тогдашний физмат университета не имел. В общем, стал я заниматься проблемами ядерной физики: дипломную написал по теории бета-распада.

После защиты Мария Афанасьевна предложила мне место в аспирантуре. И тут же честно объяснила ситуацию: есть направление в целевую аспирантуру в Москву, я могу поехать туда.

— Но я прошу вас остаться в Воронеже. Вы нужны здесь, — сказала Левитская.

И я остался в Воронеже, продолжая заниматься теорией бета-распада. А вскоре у меня с моим научным руководителем возник довольно острый конфликт. Дело в том, что Мария Афанасьевна выдвинула положение (оно касалось непосредственно моей работы), которое мне показалось бесперспективным. На аттестации аспирантов я откровенно сказал об этом. Наверное, впервые в университетской практике аспирант оспаривал точку зрения своего научного руководителя. Тотчас же нашлись желающие приструнить строптивого аспиранта: не хочешь внимать советам профессора — уходи. Поддержка пришла со стороны Марии Афанасьевны.

— Товарищи, у нас сугубо научный конфликт, и решать его надо не административными мерами. Раз Лев Павлович считает, что его точка зрения более справедлива, пусть занимается такими исследованиями, которые ему представляются перспективными.

Это был прекрасный урок подлинно научной этики.

Из воспоминаний Л. П. Раппопорта

***

Несмотря на огромный урон, причиненный университету войной, факультеты интенсивно работали. Особенно были сильны, мне кажется, биологи, где энергично трудились Б.М. Козо-Полянский, И. А. Руцкий, Н. С. Камышев. Большое впечатление производила работа Марии Афанасьевны Левитской. Исключительно скромный человек, Мария Афанасьевна являла собой тип настоящего ученого — глубокого, разностороннего. Воспользовавшись любезным разрешением Марии Афанасьевны я (преподаватель химфака ВГУ) прослушал курс спецсеминара по электромагнитным колебаниям, который она читала.

Из воспоминаний Я. А. Угая

«ЧТО-ТО НЕПОНЯТНО? СЕЙЧАС РАЗБЕРЕМСЯ!»

Товарищи!

Коллективы завода СК-2 им. Кирова и строительного управления единодушно выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР профессора Воронежского государственного университета, проректора по научной части, доктора, биологических наук, члена-корреспондента Академии наук СССР товарища Козо-Полянского Бориса Михайловича.

За педагогическую и научную деятельность тов. Козо-Полянский награжден правительством двумя орденами Трудового Красного Знамени.

В лице Бориса Михайловича Козо-Полянского сочетаются большой труженик науки, талантливый педагог, активный общественный деятель, горячий патриот нашей Родины, отдающий все свои силы, знании и опыт делу служения народу.

Я считаю, что Борис Михайлович Козо-Полянский будет достойным депутатом в верховном органе Российской Федерации и внесет свою лепту в решение гигантских задач, стоящих перед нами в новой пятилетке.

Из выступления на предвыборном окружном совещании начальника планового отдела завода СК-2 им. Кирова тов. Богданова (Коммуна. 1947. 7 янв.)

***

Работать под руководством Бориса Михайловича Козо-Полянского было чрезвычайно интересно. Тема моей диссертации была связана с дендрологией. Николай Сергеевич Камышев как-то заметил:

— Что это за наука, дендрология, если она не имеет своих закономерностей.

И я засел за выявление и формулирование закономерностей в этой области ботаники. В определенные часы (не реже раза в неделю) приходил к Козо-Полянскому домой. Борис Михайлович слушал меня всегда предельно внимательно. Подходил к полке с книгами:

— Вот почитайте. Вас это должно заинтересовать.

Летом сорок восьмого я пришел к нему с конспектом «Дендрофлора Воронежской области в систематическом и географическом отношениях». Просмотрев мои записи, Борис Михайлович удовлетворенно сказал:

— Диссертация у вас в кармане. Пишите выводы.

Написал выводы — вновь иду по знакомому адресу.

Честно предупреждаю:

— Только саму работу я еще не полностью написал.

— Читайте, читайте!

Читаю. Борис Михайлович ходит по комнате:

— Хорошо! А вот здесь надо кое-что уточнить.

Тут я должен сделать небольшое отступление. До тех пор, вспоминая о Борисе Михайловиче, говорят о его недоступности, резкости суждений. А мне он запомнился демократичным по своей натуре человеком.

— Деточки! Если по ходу лекций будет что-то непонятно, поднимайте руки! — так начинал он чтение своих курсов «Общая ботаника» и «География растений».

Это были чрезвычайно интересно читаемые курсы — новизна, эрудиция, эмоциональная связь с аудиторией.

— Что, деточка? Что-то непонятно? Сейчас разберем.

Борис Михайлович добивался, чтобы его не просто слышали, но и понимали, успешно осваивали материал

Из воспоминаний С. И. Машкина

***

Медленно возвращался ботанический сад к жизни. Война уничтожила не только здания. Под бомбежкой погибли многие сотрудники сада, их семьи. Когда я пришла сюда на работу летом 1949 г., все официальные службы ботсада размещались в маленькой одноэтажной теплице. Водопровод отсутствовал. Телефона не было тоже.

До войны сад прожил недолгую жизнь, поэтому мы не только восстанавливали его, но и расширяли. Лето было жарким, с водой трудно. Ее возили в бочке на лошади из пруда по другую сторону оврага. Вот почему тогда же начали строить водопровод. За основу будущей траншеи взяли окопы, тянувшиеся вдоль холмов от парка культуры и отдыха. Окопы немного углубили, проложили по ним трубы и засыпали. Теперь была вода.

Историческое место - наш ботанический сад. Здесь проходил один из рубежей обороны города, дальше которого враг так и не смог пройти. Следы недавних боев хранили не только исчесченные пулями и снарядами стволы деревьев (многие из могучих дубов так и не оправились от ран — засохли). Расчищая густой терновник в низине оврага, мы время от времени находили останки бойцов, сражавшихся здесь летом и осенью 1942 г., зимой 1943 г. Найденные останки хоронили в уже имевшейся братской могиле.

Восстанавливать ботсад приходили тогда не только преподаватели и студенты биофака, но и историки, географы, физики...

Душой восстановительных работ был Борис Михайлович Козо-Полянский, директор и научный руководи-тель ботсада. Крупный, грузный, он поспевал всюду, отдавая ботсаду не только свою кипучую энергию, но и директорскую зарплату. Тогда ведь в нашем распоряжении не было никаких технических средств, кроме лошадей да плуга. А нужны были и оприскиватели, и трактор, и многое другое.

Помню, как много значило для нас появление Бориса Михайловича в ботсаду. Он осматривал коллекции растений, а мы ходили следом, стараясь не упустить ни слова. Сколько интересного рассказывал он нам в часы этих импровизированных лекций!

Из воспоминаний Г. С. Эрдели

ПОДАРОК СУДЬБЫ

***

Годы моей учебы в Воронежском университете — это послевоенные годы, самое начало 50-х. Разрушенная, сожженная, но ликующая, победившая страна.

Судьба моя типична для многих миллионов советских людей: отец не вернулся с войны, пал в сражении под Сталинградом. На руках у мамы четверо детей. И ни кола ни двора. Легко представить, как мало времени она могла уделить и учению, и общему развитию детей. Успеть бы обстирать всех да накормить... Потому поступление в университет я воспринял как великую радость, как счастливую возможность получить серьезное образование.

Самое яркое впечатление тех далеких юношеских лет — это именно ощущение счастья от самого процесса учения. Горы поглощаемых книг и почти физическое ощущение, как раздвигаются границы горизонта. Как с каждым годом ты больше знаешь, умеешь, смеешь.

Много лет спустя, уже став учителем, я как-то натолкнулась на письма Тургенева Боткину, в которых он, рассказывая о поглощенности чтением в детские и юношеские годы, употребляет удивительные слова: «читал», «глотал», «поглотал» книги, «давился» книгами!

Очень похоже это на мое отношение к чтению в годы учебы в университете, в котором парил культ чтения.

Наши университетские преподаватели будили мысль, звали к размышлениям, спорам, к анализу себя и окружающего мира. Я хочу это подчеркнуть: они не просто давали нам эпизую сумму знаний по определенному курсу, но воспитывали нас страстью сердца, убежденностью тона, преданностью истине в науке.

Анатолий Михайлович Абрамов... Он входил в аудиторию с огромным портфелем, присаживался на край переднего стола - и начинало пиршество мыслей. Он, сегодняшний, в своем страстном, неравнодушном отношении к жизни, к литературе, к судьбе Человека и к судьбе Мира — из тех своих молодых лет...

В другой аудитории мы слушали Валентину Ивановну Собинникову. Она тогда не была еще профессором, но мы все воспринимали это как пустую формальность: так громаден, так объемен был диапазон ее познаний в лингвистике. Пышные пепельные волосы, тихий голос, светящиеся каким-то удивительным внутренним светом глаза и мягкая улыбка — кажется, ничего властного. Но какая глубокая тишина царила на ее лекциях! Тишина мысли...

Из Москвы на неделю-две приезжал проф. Бялик, чтобы прочитать нам спецкурс по Горькому. У нас снимали почти все лекции, и мы слушали его по 8 часов. У стен стоя слушали химики, физики, математики.

А нас прямо распирала гордость!

Когда в аудиторию плодила очень молодая, очень изящная и очень умная Алла Борисовна Ботникова, ей внимали не только мы, но, кажется, все близлежащие улицы: так эмоционально, так интересно она вела нас по страницам зарубежной литературы!

Наверное, им тогда удавалось не все. Наверное, они не были от себя, тогдашних, в каком восхищении, как мы от них. И еще где-то далеко маячили их профессорские звания, широкое признание... Но нам повезло! Повезло именно потому, что, молодые, они шагнули в нашу юность людьми незаурядными, страстными, неравнодушными. И оказались так счастливо причастными к нашему часу ученичества.

Низкий-низкий поклон им за это...

Из воспоминаний М.И.Картавцевой Вып.1954 г.

Годы моей учебы в Воронежском университете — это послевоенные годы, самое начало 50-х. Разрушенная, сожженная, но ликующая, победившая страна.

Судьба моя типична для многих миллионов советских людей: отец не вернулся с войны, пал в сражении под Сталинградом. На руках у мамы четверо детей. И ни кола ни двора. Легко представить, как мало времени она могла уделить и учению, и общему развитию детей. Успеть бы обстирать всех да накормить... Потому поступление в университет я воспринял как великую радость, как счастливую возможность получить серьезное образование.

Самое яркое впечатление тех далеких юношеских лет — это именно ощущение счастья от самого процесса учения. Горы поглощаемых книг и почти физическое ощущение, как раздвигаются границы горизонта. Как с каждым годом ты больше знаешь, умеешь, смеешь.

Много лет спустя, уже став учителем, я как-то натолкнулась на письма Тургенева Боткину, в которых он, рассказывая о поглощенности чтением в детские и юношеские годы, употребляет удивительные слова: «читал», «глотал», «поглотал» книги, «давился» книгами!

Очень похоже это на мое отношение к чтению в годы учебы в университете, в котором парил культ чтения.

Наши университетские преподаватели будили мысль, звали к размышлениям, спорам, к анализу себя и окружающего мира. Я хочу это подчеркнуть: они не просто давали нам эпизую сумму знаний по определенному курсу, но воспитывали нас страстью сердца, убежденностью тона, преданностью истине в науке.

Анатолий Михайлович Абрамов... Он входил в аудиторию с огромным портфелем, присаживался на край переднего стола - и начинало пиршество мыслей. Он, сегодняшний, в своем страстном, неравнодушном отношении к жизни, к литературе, к судьбе Человека и к судьбе Мира — из тех своих молодых лет...

В другой аудитории мы слушали Валентину Ивановну Собинникову. Она тогда не была еще профессором, но мы все воспринимали это как пустую формальность: так громаден, так объемен был диапазон ее познаний в лингвистике. Пышные пепельные волосы, тихий голос, светящиеся каким-то удивительным внутренним светом глаза и мягкая улыбка — кажется, ничего властного. Но какая глубокая тишина царила на ее лекциях! Тишина мысли...

Из Москвы на неделю-две приезжал проф. Бялик, чтобы прочитать нам спецкурс по Горькому. У нас снимали почти все лекции, и мы слушали его по 8 часов. У стен стоя слушали химики, физики, математики.

А нас прямо распирала гордость!

Когда в аудиторию плодила очень молодая, очень изящная и очень умная Алла Борисовна Ботникова, ей внимали не только мы, но, кажется, все близлежащие улицы: так эмоционально, так интересно она вела нас по страницам зарубежной литературы!

Наверное, им тогда удавалось не все. Наверное, они не были от себя, тогдашних, в каком восхищении, как мы от них. И еще где-то далеко маячили их профессорские звания, широкое признание... Но нам повезло! Повезло именно потому, что, молодые, они шагнули в нашу юность людьми незаурядными, страстными, неравнодушными. И оказались так счастливо причастными к нашему часу ученичества.

Низкий-низкий поклон им за это...

Из воспоминаний М.И.Картавцевой Вып.1954 г.

***

Судьба свела меня с Мариной Игнатьевной в Шебекино в пятьдесят девятом, когда я начал работать в редакции газеты «Пламя». Шебекино – городок невеликий, скоро я познакомился со многими горожанами, среди которых оказалась и Марина Игнатьевна Картавцева, директор средней школы №2.

Директор школы в райцентре – фигура знаковая. К тому же голос Картавцевой звучал на всю страну: шебекинская учительница вела на Всесоюзном радио цикл «Взрослым – о детях».

Сблизило нас, конечно, и то, что оба мы были выпускниками одного вуза. К тому же выяснилось, что еще в Воронеже пути пионервожатой Картавцевой пересеклись однажды летом с пионеркой Ритой Подъячевой, моей будущей женой. Установились тогда между нами достаточно близкие отношения. Тем более, что в газете была специальная «школьная» страничка, и Марина Игнатьевна время от времени выступала в газете со своими материалами. Да и я время от времени публиковала материалы из жизни школы.

И вот однажды звонок:

- Лев Ефремович, приходите в школу. Мы устраиваем суд над Евгением Онегиным.

- Над кем???

- Над героем романа.

Сразу вспоминается роман Вениамина Каверина «Два Капитана» и литературный суд, устроенный учителем Кораблевым.

Естественно, отправился в школу. Потом был суд и мой репортаж об этом в газете «Пламя».

А потом был звонок из сектора печати обкома партии.

Звонили, понятное дело, не мне, а редактору газеты Валентине Михайловне Домановой. Валентина Михайловна была изумительным человеком. Если я чего-то добился в профессиональном творчестве, то во многом благодаря урокам Валентины Михайловны.

Держать удар Валентина Михайловна умела.

Зазывает меня в свой редакторский кабинетик:

- Мне из-за вас досталось.

- За что?

- За ваш репортаж.

- За что? – я же ничего такого...

- Если бы было что-то такое, вы бы уже были уволены.

- А тогда за что?

- За то, что в то время, - тут Валентина Михайловна стала передразнивать голос, летевший из руководящей белгородской трубки, - как страна все силы отдает великому делу строительства коммунистического общества, газета позволяет отдавать свои полосы никому не нужной развлекаловке.

- И что теперь?

- Читайте «Белгородскую правду». Ближайший обзор печати.

Обзор печати можно было не читать: формулировку я уже слышал из уст Валентины Михайловны...

Позвонил Картавцевой.

В ответ:

- Мне тоже досталось. По линии районо.

- Что будем делать?

- Читайте, Лев Ефремович, «Разгром» Фадеева. Помните последнюю фразу романа: командир разгромленного партизанского отряда едет по тайге и думает: «Но надо было жить и продолжать свои обязанности».

Вернувшись в начале шестидесятых в Воронеж Марина Игнатьевна продолжала жить так, как считала нужным.

Так и живет до сих пор.

Ученики к ней относятся уважительно.

Заслужила.

Из воспоминаний Л.Кройчика

СТРОИТЕЛЬ

О Борисе Ивановиче МИХАНТЬЕВЕ

В августе 1953 г. меня вызвали в Министерство высшего и среднего образования СССР. Заместитель министра М. А. Прокофьев сказал, что меня рекомендуют на должность ректора ВГУ:

— Вы самый молодой (46 лет) ректор университета в СССР. Работайте помолодому и с доброй отдачей.

19 сентября 1953 г. в Воронеж приехал инспектор министерства, привез приказ о назначении от 16 сентября 1953 г. за подписью министра В. П. Елютина и доверенность на распоряжение финансами и ценностями ВГУ. На 15 часов назначили заседание Ученого совета. Инспектор ушел в гостиницу, а мы с Н. П. Латышевым остались вдвоем для приватного разговора. Говорили о кадрах, строительстве и многих нуждах университета. В заключение Николай Петрович сказал, что удовлетворен моим назначением, что проблем перед университетом стоит много. Главная задача — построить новое здание...

Заседание Ученого совета проходило в кабинете ректора. Все 37 его членов явились на «смотрины». Председательствовал представитель министерства. Он зачитал приказ. Посыпались вопросы: когда будем строить новый корпус, сколько денег и оборудования университету запланировано и многие другие. Я ответил так:

— Дайте срок до конца октября, разберемся, обговорим в университете, обкоме партии, министерстве. Вносите ваши предложения. В конце октября ректорат и партбюро предложат программу действий.

На этом и порешили.

В сентябре-октябре пятьдесят третьего работали напряженно. Все предстоящее обговорили в ректорате, партбюро, месткоме и с руководством студенческих организаций. Учли предложения производственных собраний. Обсудили в горсовете, обкоме партии, Минвузе СССР. План был готов.

В конце октября провели собрание, на котором были представлены все подразделения университета. В своем выступлении я обратил внимание вот на что. На первом месте — люди, их работа на благо университета. Многие, к сожалению, в строительстве нового корпуса видят решение всех вопросов, но это заблуждение. Кроме учебных помещений нам необходимы: жилье для преподавателей, рабочих и служащих, новое общежитие, столовая и зал массовых мероприятий для студентов. Около 25 семей рабочих и служащих живут в подвалах и развалинах, которые весной-летом 1954 г. должны быть разобраны. Мой предшественник распорядился из-за тесноты 120 тысяч книг сдать заготовителям сырья. Исполнение отменено. Надо строить библиотеку.

Остро нуждаются в учебных помещениях биологи. Целесообразно к красному корпусу, кроме библиотеки, пристроить гардероб для студентов, а освобождающуюся раздевалку использовать для учебных целей. Необходимо отремонтировать помещения на Галичьей горе и в ботсаду, а также построить на этих территориях лаборатории. Предстоит оснащение университета современным оборудованием и новой мебелью. Одним словом, забот много.

Кроме перечисленного, необходимо открыть новые факультеты и кафедры, организовать издательство и вычислительный центр, увеличить контингент студентов и расширить аспирантуру, развернуть научную работу и готовить новых профессоров и доцентов.

Затем началось обсуждение: вопросы, реплики, предложения, критика.

В заключительном слове я сказал:

— Предложенная программа-минимум рассчитана на 10–12 лет и будет выполнена, если вы, товарищи, одобрите и примете реальное участие в ее выполнении, постепенном, но неуклонном. Предлагаю голосовать.

Проголосовали.

Из 400 присутствующих 350 – «за», остальные – «против» или воздержались.

Таковы были мои первые шаги в университете.

Из воспоминаний Б. И. Михантьева

В те годы — и в этом несомненная заслуга Б. И. Михантьева — университет, завершив период своего восстановления, начал новый этап — этап строительства и развития. Строились новые общежития, университет получал в свое распоряжение новые корпуса. Велось строительство главного корпуса. Появилась пристройка к красному корпусу. Помню, какими дружными аплодисментами встретил университетский студенческий актив сообщение ректора о том, что средства, выделенные на облицовку красного корпуса, решено израсходовать на пристройку библиотечного корпуса.

При Борисе Ивановиче университет не только «физически окреп» — появились и новые факультеты — РГФ, экономический, юридический, в самостоятельные факультеты выделились физический и математико-механический, филологический и исторический. И несмотря на большую загруженность научной и административной работой, Борис Иванович много времени уделял работе кафедр, жизни студентов.

В те годы традицией были общеуниверситетские вечера. На новогодний вечер Борис Иванович приходил обязательно. И ровно в 12 выходил на сцену, чтобы поздравить студентов, собравшихся у новогодней елки. И студентки танцевали с ректором. И даже, думаю, устраивали негласный конкурс за право пригласить ректора на вальс. А танцевал Борис Иванович красиво. И не было во всем этом никакой позы, никакой рисовки. Как не было ее и в других случаях.

Помню, зовет Михантьев к себе в кабинет. Достает из кармана деньги:

— Передайте, пожалуйста, студенту... Я ему обещал.

И студент получал деньги. Как он считал, из ректорского фонда.

Из воспоминаний В. С. Рахманина

Когда Борис Иванович Михантьев пришел в университет, на всех заседаниях и совещаниях он не уставал повторять: «Никто, кроме нас, не воспитает студента. Каждый преподаватель должен быть воспитателем». И сам показывал пример. Он любил общаться со студентами. Легко выходил на трибуну любой студенческой конференции. Говорил без бумажки. И уж, конечно, никогда не прибегал к помощи текстов, написанных чьей-нибудь услужливой рукой. Каждое выступление Бориса Ивановича — это беседа, своеобразное размышление вслух. С аудиторией Михантьев не заигрывал. И всегда был предельно демократичен.

Вот один пример: ректор выходит на трибуну профсоюзной студенческой конференции.

— В этом году профком работал лучше, чем комитет комсомола, — неторопливо оглядывая зал, говорит Борис Иванович. — И знаете почему? От профкома поступило семь конкретных предложений в адрес ректора, а от комитета комсомола – ни одного...

Отличительная черта ректора Михантьева — активная интеллектуальность. Он много печатался в «Подъеме», членом редколлегии которого состоял, в «Коммуне» (помню нашу с ним статью, посвященную воспитательной работе в вузе, — никогда после я не встречал статей, одновременно подписанных ректором и секретарем комитета комсомола), в научно-популярных и специальных изданиях. Михантьев — автор около 500 статей. И ни одной строки, ему не принадлежащей. А гонорары Борис Иванович откладывал и расходовал на нужды студентов. Однажды вызвал меня и совершенно серьезно сказал: «Твоя рубашка производит на меня омерзительное впечатление. Пойди и купи новую». И выложил 40 рублей. Знаете, это было не обидно. Борис Иванович видел перед собой не абстрактных просителей, а конкретных живых людей.

Из воспоминаний В. М. Второва.

НА ЦЕЛИНЕ

Шла летняя экзаменационная сессия. Сижу в читальном зале общежития, готовлюсь к очередному экзамену. Вечер. По радио передают «Последние известия». И вдруг слышу: ЦК комсомола объявляет призыв добровольцев для уборки целинного урожая пятьдесят шестого года. На следующий день мы — Виктор Перелыгин, Валентин Анохин, Олег Гуков и я —отправились в райком комсомола. Там нам сказали, что отряды будут формироваться на местах — в комитетах комсомола вузов.

Прошло еще две недели, и вот наш эшелон, украшенный кумачовыми транспарантами «Даешь целину!», отправился в Казахстан. Десять дней пути через полстраны. Была торжественная встреча на станции назначения Еремень-Тау, был автомобильный бросок в глубь степей — к центральной усадьбе совхоза «Изобильный» Еркеншиликского района Акмолинской области. И эта первая ночь на целине в совхозном клубе, прямо на полу: после долгой дороги, волнений никогда не спал так сладко.

А потом — работа. Наш отряд — всего из университета отправилось около 70 человек — разбили на бригады и, пока не началась уборка, мы были заняты на разных работах. Девчонки во главе с Люсей Врадий работали на совхозной бахче. Группа химиков во главе с Геннадием Чикиным занялась строительством саманных домиков: мы жили на полевом стане в вагончиках, но, во-первых, ожидался приезд на ток московских шоферов и ивановских ткачих, а во вторых, наши девчата просили соорудить им более надежное жилье. Еще одна группа готовила ток к приему зерна. Кроме того, несколько человек (в том числе и я) уехали в степь ремонтировать кошару.

Когда же началась уборка, все силы были брошены на переработку зерна. Наш ток работал с полной нагрузкой в три смены. Лопатили зерно, грузили его в машины, отправляли на элеватор. Уставали, но никто не пищал.

Из воспоминаний В. Н. Вережникова

Пошло зерно — нашу бригаду (входили в нее преимущественно химики) отправили на центральную усадьбу: мы принимали семенное зерно. Очень тяжело пришлось. Дело в том, что по мере заполнения зерном склада мы поднимались все выше и выше. Транспортеры непрерывно несли огромную массу зерна. И вот стоишь уже на коленях (выпрямиться просто невозможно — потолок мешает) и изо всех сил орудуешь лопатой. Чуть замешкаешься — засыплет. Уставали так, что не было сил добраться до полевого стана: так, на ворохе зерна и засыпали.

Из воспоминаний Г. А. Чикина

НАСТАВНИКИ И УЧЕНИКИ

***

Анна Николаевна Москаленко, доцент исторического факультета, зав. кафедрой археологии.

***

Анатолий Евгеньевич Москаленко, доцент исторического факультета.

***

Анатолий Михайлович Абрамов, профессор филологического факультета, доктор филологических наук, зав.кафедрой истории советской литературы.

***

Владимир Иванович Соболев, доктор физико-математических наук, профессор математико-механического факультета.

***

Штукман Юрий Эдуардович, заслуженный тренер СССР, преподаватель кафедры физвоспитания.

***

Гусев Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор Литературного института, выпускник 1959 года.

***

Преображенская Вера Николаевна, доктор геолого-минералогических наук, профессор геологического факультета.

***

Шмелев Константин Михайлович, доктор биологических наук, профессор биолого-почвенного факультета.

***

Основин Виктор Степанович, доктор юридических наук, профессор юридического факультета.

***

Кокорев Лев Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор юридического факультета.

***

Ведель Григорий Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор факультета РГФ.

***

Крейн Селим Григорьевич, доктор физико-математических наук, профессор математико-механического факультета.

***

Бернадинер Борис Мойсеевич, доктор философских наук, зав.кафедрой философии ВГУ.

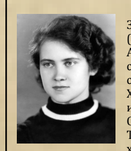
***

Шаталов Анатолий Яковлевич, доктор химических наук, профессор.

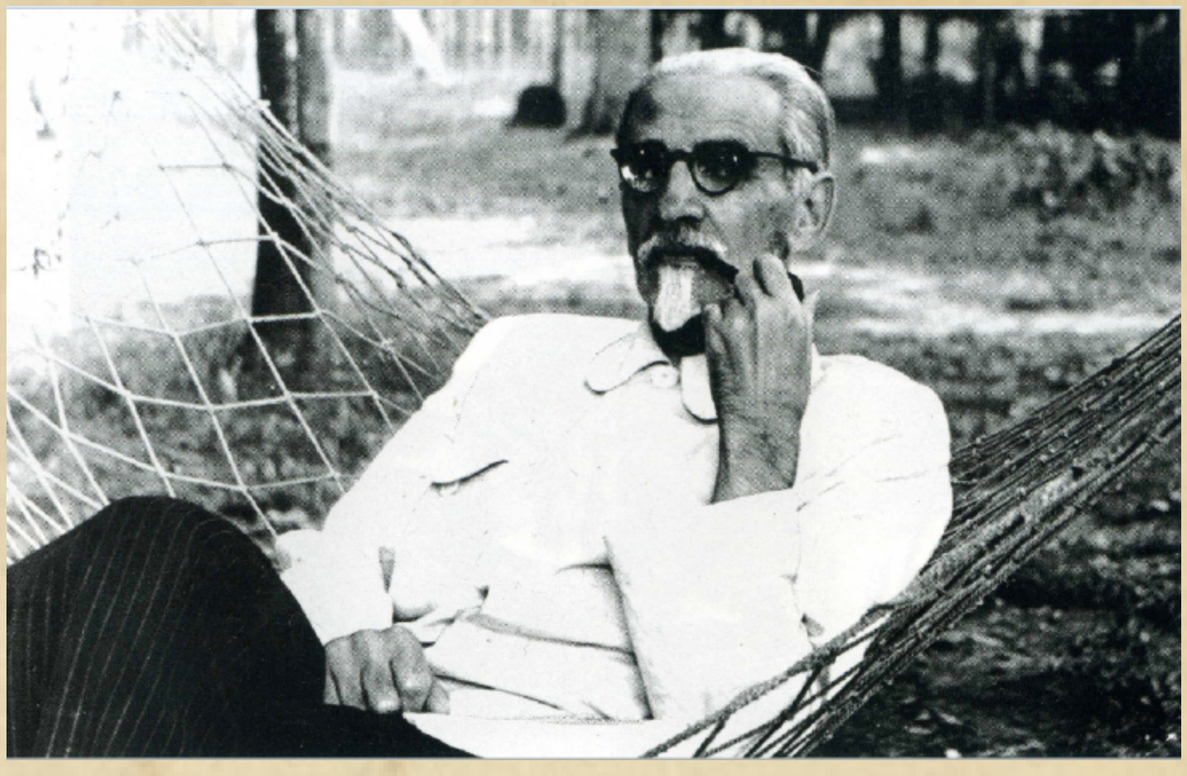
***

Шапошник Владимир Алексеевич, доктор химических наук, профессор, выпускник химфака 1958 г.

***

Замотайлова (Люхина) Тамара Алексеевна, заслуженный мастер спорта, чемпионка XVII Олимпийских игр в Риме и XVIII Олимпийских игр в Токио, выпускница химфака ВГУ.

ВОРОНЕЖ И АШХАБАД

В ЖИЗНИ И СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА БОРОЗДИНА

Илья Николаевич Бороздин был избран Ученым Советом историко-филологического факультета Воронежского государственного университета, стал заведующим кафедрой всеобщей истории весной 1948 года, но приступил к исполнению своих обязанностей только в начале февраля 1949 года.

До 1935 года профессор Бороздин успешно работал и жил в Москве, где занимался научной, педагогической, журналистской и общественной деятельностью. В 1935 году он был арестован, судим, причем суд даже не мог сформулировать обвинение, и сослан на три года в Алма-Ату, где работал в Казахском пединституте. В 1937 году вновь был арестован, обвинён в антисоветской агитации и приговорен к десяти годам исправительных лагерей.

Благодаря неожиданным хлопотам своей сестры, египтолога Тамары Николаевны Козьминой-Бороздиной, сумевшей привлечь к борьбе за освобождение несправедливо осужденного брата очень известных и влиятельных москвичей, он был в 1943 году досрочно освобожден и приехал в Ашхабад, где в то время находилась эвакуированная из Москвы семья Козьминых.

Жить он имел право только в маленьком районе Кзыл-Арват, но благодаря усилиям мужа Тамары Николаевны, профессора Б.П. Козьмина, сумевшего убедить Первого секретаря ЦК ВКП(б) Туркмении Шаджа Батырова в том, что Илья Николаевич будет очень полезен республике, он был оставлен в Ашхабаде и назначен заведующим кафедрой всеобщей истории Ашхабадского государственного пединститута. Профессора Бороздина знали в Туркмении и помнили его заслуги перед республикой. Он, в частности, был одним из организаторов Союза писателей Туркмении, находясь там в составе писательской бригады в 1934 году вместе с Андреем Платоновым и другими советскими писателями. Известен он был в республике и как археолог.

Едва оправившись после труднейшей дороги (с Дальнего Востока до Ашхабада пришлось добираться месяц), Илья Николаевич развернул активную антифашистскую деятельность, за что был награжден в 1946 году медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Много сделал он и как организатор науки и народного образования, за что получил нагрудный знак «Отличник народного просвещения».

Туркмены относились к нему с необыкновенным почтением, но климат Средней Азии стал оказывать губительные воздействия на подорванный ГУЛАГом организм ученого. Врачи настоятельно требовали перемены климата. Он писал почти во все институты центральной России, но отовсюду получал вежливый отказ. Ограничение в правах стало каиновой печатью в жизни профессора Бороздина.

> «Не забуду одну сцену. Во двор нашего разрушенного дома зашёл студент, туркмен, бросился, рыдая, на грудь Ильиь Николаевича и рассказал, что вся его семья погибла, и он остался один. О чем с ним говорил Илья Николаевич, я не знаю, но студент ушел от нас совершенно в другом состоянии.»

И вдруг – письмо от декана историко-филологического факультета ВГУ Ефима Герцовича Шуляковского, полученное в середине сентября 1948 года. Директор АГПИ Ахундов (к сожалению, не могу вспомнить его имени), понимая, что жить Бороздину осталось считанные дни, дал ему «отпускную». Мы стали потихоньку готовиться к отъезду, но в ночь на 6 октября 1948 года – сокрушительное землетрясение, полностью разрушившее город. Мы чудом спаслись. К Илье Николаевичу приходили студенты. Одни, чтобы найти утешение, другие – желая помочь.

Не забуду одну сцену. Во двор нашего разрушенного дома зашёл студент, туркмен, бросился, рыдая, на грудь Ильиь Николаевича и рассказал, что вся его семья погибла, и он остался один. О чем с ним говорил Илья Николаевич, я не знаю, но студент ушел от нас совершенно в другом состоянии. Наутро Илья Николаевич потихоньку от меня прибрался в разрушенную квартиру, чтобы вынести оттуда фотографию матери, книги с автографами своих учителей и «Снежную маску» А. Блока с автографом поэта. Я в это время пыталась отыскать документы и необходимые для нас вещи. Увидев Илью Николаевича, пришла в ужас. И тут нас вновь затрясло. К счастью, мы выбрались из дома.

Вскоре во дворе появился полковник, пообещавший прислать солдат для спасения библиотеки. Солдаты вынесли книги (к счастью, основная часть библиотеки оставалась в Москве). Я закрыла книги клеёнкой, Илья Николаевич сел рядом с ними и успокоился. Восьмого октября он в сопровождении своего ученика А.А. Рослякова пошёл в институт.

Как мне рассказывали, появление старого профессора на руинах института произвело на студентов огромное впечатление. Илья Николаевич твердо пообещал им, что через две недели будут возобновлены занятия сначала в палатках, потом в восстановленном самими студентами здании-времянке.

Вернувшись домой, Илья Николаевич сказал, что не оставит институт в беде и уедет только по окончании семестра.

Мы спали на развалинах рухнувшего рядом глиняного дома. На принесенном из института огромном текинском ковре, потом в палатке, а затем в построенном студентами дощатом домике. Занятия начались, как сказал Илья Николаевич, ровно через две недели после катастрофы, несмотря на то, что подземные толчки повторялись ежедневно, а иногда и по несколько раз в день. С работы муж возвращался после занятий совершенно больным, так что мне приходилось почти каждый день вливать ему камфару. И в этих условиях Илья Николаевич, привыкший к ночным занятиям, читал научную литературу или готовился к лекциям.

Трудно передать словами, какое воздействие мужественное поведение профессора Бороздина производило на коллектив института. Мы уехали только после того, как в институте был благополучно закончен семестр, заведовать кафедрой стал А.А. Росляков.

В конце января 1949 года мы приехали в Воронеж. Город был так разрушен, что напоминал нам наш Ашхабад. Илью Николаевича встретили очень доброжелательно и коллектив кафедры, и университетское начальство. Илья Николаевич сразу же стал активно налаживать работу кафедры. В статье, посвященной памяти И.Н. Бороздина (1963), доцент Анатолий Евсеевич Москаленко пишет: «с приходом профессора на кафедру всеобщей истории мы получили возможность иметь аспирантуру, и кафедра пополнилась отрядом способных аспирантов, которые внесли в нашу работу большое оживление. К нам начали обращаться за квалифицированной научной консультацией не только работники местных вузов. Для сдачи кандидатского минимума и защиты диссертаций в Воронеж приезжали молодые учёные из Харькова, Баку, Томска, Казани и других городов Советского Союза. Это расширило наши научные связи и способствовало установлению контактов с другими вузами».

Илья Николаевич наладил связи с крупными учеными, которые приезжали в Воронеж в качестве оппонентов. На факультете возникла традиция: известные ученые Москвы, Ленинграда и других городов, приезжая в Воронеж либо для оппонирования, либо для участия в научных конференциях, обязательно выступали с докладами.

За годы работы Бороздина на кафедре всеобщей истории сложилось два научных направления: славяноведческое и историографическое. В течение ряда лет складывалась школа славистов, куда входили Г.И. Липатникова, А.Е. Москаленко, Н.Т. Сапронова, С.П. Боброва, Е.А. Югансон и др. Воронежский государственный университет стал заметным славяноведческим центром. С большим успехом проходили славяноведческие конференции, в которых принимали участие учёные Москвы, Ленинграда, Киева, Казани и других городов. Славяноведческое направление развивалось параллельно с историографическим. В научных трудах учеников-историографов (Виктор Андреевич Афонюшкин, Виктор Михайлович Тупикин, Владимир Васильевич Гусев, И.И.Романова, Андрей Николаевич Мерцалов) историография так или иначе связывалась со славистикой.

Приехав в Воронеж, Илья Николаевич стал читать студентам курс «Историография всеобщей истории». Курс строился нетрадиционно: русская историческая мысль рассматривалась в его курсе во взаимоотношениях с мировой историографией.

В воронежский период Бороздин опубликовал ряд историографических работ и одновременно готовил курс лекций по историографии к изданию. К сожалению, он успел написать лишь первый вариант этого объемного труда. Рукопись курса лекций сейчас находится в архиве АН РФ. Большой интерес представлял прочитанный студентам курс истории средневековой культуры, над которым он начал работать еще в Ашхабаде. Не оставлял Илья Николаевич без внимания археологию и методику преподавания истории в школе. Готовил большую историографическую конференцию, которая состоялась уже после его кончины, последовавшей 13 октября 1959 года. Похоронили Илью Николаевича, как он и завещал, в Москве, в Донском монастыре, рядом с могилой матери.

После смерти ученого были учреждены Бороздинские научные чтения. На доме № 19 по улице Театральной в 2010 году была открыта мемориальная доска в честь профессора Ильи Николаевича Бороздина.

Из воспоминаний П. А. Бороздиной

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

***

В 1952 году в университете начал работать профессор Марк Александрович Красносельский, один из создателей (вместе с профессорами С. Г. Крейном и В. И. Соболевым) воронежской математической школы.

***

В августе 1953 года ректором университета стал профессор-химик Борис Иванович Михантьев, с чьим именем связано мощное развитие университета в пятидесятые– шестидесятые годы.

***

Начато строительство университета

В марте строительный трест «Вузстрой» начал подготовительные работы по строительству новых учебных корпусов нашего университета. На строительной площадке работают экскаватор, бульдозер и автомашина. Производится разборка завалов и остатков старых строений, а также строительство временных сооружений. На эти работы было ассигновано в 1954 г. 3 млн руб.

За научные кадры. 1954. 30 апр.

1953 г.

Осенью 1953 г. в ВГУ было шесть факультетов: биолого-почвенный, географический, геологический, историко-филологический, физико-математический и химический. Работало 35 кафедр, 260 преподавателей и 30 аспирантов. На дневном и заочном отделениях обучалось 4800 студентов. Штат вспомогательного персонала –100 человек, научных сотрудников — 25 единиц, рабочих и служащих — 250 человек.

1954 г.

Студентка химического факультета Римма Александрова завоевала звание абсолютной чемпионки РСФСР.. Наши гимнастки и гимнасты во многом обязаны своими достижениями старшему преподавателю кафедры физического воспитания мастеру спорта Ю. Э. Штукману.

За научные кадры. 1954. 7 нояб.

1955 г.

К новому учебному году

В новом учебном году несколько расширяется учеб¬ная площадь университета. К 10 сентября будет закончено строительство новой четырехэтажной пристройки к главному корпусу. В первых трех этажах ее разместятся библиотека, книго¬хранилище, большой читальный зал. Четвертый этаж займет двухсветный актовый зал на 450 мест.

Новая книга о Маяковском

Издательство «Советский писатель» выпустило книгу доцента Воронежского государственного университета А. М. Абрамова «Поэма Маяковского "Владимир Ильич Ленин"».
Книга А. М. Абрамова ставит своей целью разбор поэтического мастерства Маяковского в поэме. Это тем более важно, что художественная сторона поэмы «Владимир Ильич Ленин» изучена в нашем литературоведении совершенно недостаточно.

1956 г.

С 21 по 26 февраля в Киеве проводится VII археологическая конференция. В работе конференции примут участие археологи Москвы, Ленинграда и других городов. От Воронежского университета на конференцию приглашены проф. И. Н. Бороздин и доц. А. Н. Москаленко.

Книги наших ученых

В различных зарубежных издательствах выходят книги и статьи ученых нашего университета.
В Китайской Народной Республике массовым тиражом вышел учебник профессора географического факультета, заведующего кафедрой гидрологии С. И. Костина «Основы метеорологии и климатологии». Этот же труд переведен на болгарский язык.
Доцент физико-математического факультета В. И. Соболев совместно с проф. Московского государственно¬го университета Л. А. Люстерником написали учебник «Элементы функционального анализа». Недавно учебник переведен в Германской Демократической Республике на немецкий язык, а также издан в Китае. Мало кто знает, что роман «Похождения бравого солдата Швейка» переведен с чешского языка на русский проф. истор.-филологич. факультета П. Г. Богатыревым. Известный знаток славянских языков проф. П. Г. Богатырев неоднократно печатался в научных журналах Чехословакии, Болгарии. Научные труды зав. кафедрой всеобщей истории проф. И. Н. Бороздина переведены на итальянский, французский, турецкий и английский языки.

Объявление

Меняю «Трех мушкетеров» А. Дюма на «Элементы функционального анализа» В. И. Соболева и Л. А. Люстерника.

Доска объявлений матмеха ВГУ

1957 г.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР студентка III курса физико-математического факультета Л. Огнева (Вради) и студент IV курса химического факультета Г. Чикин за самоотверженный труд во время уборки урожая в Казахстане награждены медалью «За доблестный труд».

Воспитанник университета — лауреат Ленинской премии

Недавно Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР присудил группе ученых и работников производства Ленинские премии за выдающиеся достижения в области науки и техники. Среди награжденных есть имя выпускника нашего университета Олега Федоровича Родина.

Заслуженный тренер страны

Преподавателю кафедры физвоспитания мастеру спорта Ю. Э. Штукману присвоено почетное звание — заслуженный тренер СССР.

1958 г.

Первый День поэзии ВГУ!
Поэты наши, поэты рабочие, поэты других вузов будут читать свои стихи.
Приходите и слушайте!
Поэты выступят в аудитории № 1 (химфака), № 1 (геолфака), № 73, 83 (главный корпус), № 4 (истфилфака) в 11 ч 30 мин, в 13 ч 25 мин ив 15 ч 20 мин. В 19 ч в актовом зале поэты прочитают свои новые стихи.
Выступят студенты-композиторы.
Произойдет битва поэтов и критиков.
Готовьтесь к первому Дню поэзии ВГУ.

Листовка ко Дню поэзии ВГУ

Из приказа Минвуза СССР от 17 марта 1958 г., № 278

В целях улучшения издания учебников, учебных пособий и научных трудов высших учебных заведений г. Воронежа организовать при Воронежском государственном университете с 20 марта 1958 г. уставное издательство.

Министр В. Елютин

Новая специализация — вычислительная математика

На кафедре математической физики и вычислительной математики, которой поручено осуществлять специализацию по вычислительной математике, уже началось обучение студентов вычислительным методам и вычислительной технике.
На организацию вычислительного центра со штатом инженеров и математиков, приобретение счетных машин и оборудования университету отпущено 2,5 млн. рублей.

Проф. П. Черпаков

День поэзии

Не припомнить я не могу
В календарной цепочке длинной
День поэзии ВГУ,
Позабытый, полубылинный.
Половодье кипящих строк,
Перекрестье различных мнений.
Каждый третий — почти пророк.
Ну, а каждый четвертый — гений.
Броских истин эффектный гул,
Блеск рифмованных заголулин.
Сколько дерзости, а в углу —
Неизвестный еще Жигулин.
Не из первых его черед.
И на сцене сидит он крайним.
Ладно, что же, он подождет.
Не к таким привык ожиданьям.
Голос тих и негромок стих,
Но душевны слова и строги.
Сколько мудрых раздумий в них
И сердечности, и тревоги...
За окном тополя в снегу —
Отступать зиме неохота.
День поэзии ВГУ,
Ну, а год — пятьдесят какой-то.

Аркадий Пресман

Медаль А. С. Попова — П. М. Трифонову

Оргкомитет по проведению 100-летия со дня рождения великого русского ученого — изобретателя радио А. С. Попова по поручению Президиума Академии наук СССР за заслуги в деле развития и практического применения радиотехники, радиоэлектроники и электросвязи наградил доцента нашего университета, зав. каф. радиофизики Павла Михайловича Трифонова юбилейной бронзовой медалью и юбилейным нагрудным значком.

Там же. 1960.

Коллектив Воронежского университета вышел победителем конкурса «Комсомольской правды» на строительство лучшего самодеятельного туристского лагеря 1959 года и ему присуждена первая премия среди вузов. Редакция газеты «Комсомольская правда» горячо поздравляет студентов, профессоров и преподавателей университета с этим успехом.

Главный редактор Ю. Воронов

На новых кафедрах

С начала учебного года на физическом факультете была организована новая кафедра полупроводников. Получено оборудование более чем на полмиллиона рублей, в том числе аппаратура сверхвысокой частоты.
На математико-механическом факультете создана новая кафедра теории пластичности и упругости. Эта кафедра получила универсальный пятитонный пресс. С его помощью будут проводиться испытания материалов на растяжение и сжатие.

За научные кадры. 1960. 26 янв.

***

В феврале этого года историко-филологический факультет был реорганизован на два самостоятельных факультета – исторический и филологический. <...>

***

На филологическом факультете открылось новое, вечернее отделение иностранных языков.

Воронежский университет. 1960 г. 27 сентября

Самый молодой

С сентября 1960 г. в Воронежском государственном университете начал работать новый, экономический факультет.

Воронежский университет. 1960 г. 10 июля

В университете создан юридический факультет.

1961 г.

Медаль молодого ученого

Молодой преподаватель кафедры экономической географии Ю. В. Поросенков недавно награжден медалью Министерства высшего и среднего специального образования

***

В 1964 году в университете обучалось 12 тысяч человек. Штат преподавателей –750 человек, аспирантов – 200 человек. Число кафедр – 70. В ВГУ училось и работало 15 тысяч человек.

1962 г.

И. Первушина — чемпионка мира

В составе команды гимнастов, выступавшей на первенстве мира в Праге, была студентка химфака Ирина Первушина. Она стала чемпионкой мира в упражнениях на брусьях...
Две золотые медали, одна серебряная и одна бронзовая — таковы почетные трофеи Ирины Первушиной.

Воронежский университет. 1962. 10 июля.

1963 г.

Аплодисменты на лекции

Рукоплескания нарушили тишину занятий. Филологи четвертого курса аплодировали доценту Алле Борисовне Ботниковой, завершившей чтение лекций по зарубежной литературе.
Эти аплодисменты – дань большого уважения студентов опытному преподавателю, талантливому ученому, замечательному человеку.

1965 г.

Кандидат наук — чемпион мира

На днях в Гамбурге подведены итоги IV заочного первенства мира по шахматам. Титул чемпиона мира завоевал наш преподаватель кандидат исторических наук Владимир Павлович Загоровский.

Воронежский университет, 1965. 9 марта.

Выездная сессия АН СССР

С 3 апреля в ВГУ начала работу выездная сессия комиссии АН СССР по математическому образованию в университетах, которую возглавляет академик А. Н. Колмогоров.

Воронежский университет. 1965. 6 апр.

***

На январь 1965 г. в университете работало 11 факультетов: биолого-почвенный, географический, исторический, математико-механический, романо-германской филологии, физический, филологический, химический, экономический, юридический. В 1954 г. началось обучение студентов на вечернем отделении. Контингент студентов достиг почти 12 тысяч. Прием на первые курсы трех видов обучения с 1250 человек возрос до 2300. Штат преподавателей составил 750 человек, аспирантов – 260. Число рабочих и служащих – около 1000 человек.

ЮРИЙ ЭДУАРДОВИЧ ШТУКМАН

***

Одно из ярких довоенных впечатлений — знакомство с Юрием Штукманом, учившимся на геофаке. На курсе было нас свыше сотни — разве всех сразу узнаешь. Но Юрия знали многие. Помню спортзал. Спортивные костюмы были тогда редкостью. В чем обычно ходили, в том и в зале занимались: ботинки снимаешь — и в зал. А Юрий привлекал сначала внимание прекрасным спортивным костюмом. Ну, а когда подходил к снарядам, вызывал всеобщее восхищение.
Потом уж узнали: этот невысокий, сутуловатый парень — великолепный гимнаст, занимает призовые места на соревнованиях. И уж, конечно, никто не подозревал, что через много лет станет Юрий Эдуардович Штукман основателем воронежской школы гимнастики.

Из воспоминаний Н. Г. Бокачева

***

Студентка химического факультета Римма Александровна завоевала звание абсолютной чемпионки РСФСР.
В упорной борьбе с лучшими гимнастками Республики победила Р. Александрова. Она получила право на звание мастера спорта СССР и стала абсолютной чемпионкой РСФСР.
Команда Воронежской области, имея в составе четырех новых студентов (Р. Александрову, Л. Калиниченко, В. Радугину, Т. Гаврилову), заняла на соревнованиях в Ростове-на-Дону второе место в Республике.
Наши гимнастки и гимнасты во многом обязаны своими достижениями старшему преподавателю кафедры физического воспитания мастеру спорта Ю.Э.Штукману.

За научные кадры. 1954. 7 ноября

***

Удивительная вещь!
Тихий, негромкий человек стал одной из самых ярких светил на университетском небосклоне. Юрий Эдуардович, рядовой преподаватель физкультуры в университете, проводивший с нами занятия, создал гимнастическую секцию, равной которой не было, пожалуй, в стране. Из университета вышла блестящая плеяда гимнастов – Римма Александрова, Тамара Гаврилова, Тамара Люхина, Ирина Первушина...
Я занимался в секции у Юрия Эдуардовича около трех лет – и был счастлив.

Г. Силов, студент-филолог

«ГДЕ ТА МОЛОДАЯ ШПАНА, ЧТО СОТРЕТ НАС С ЛИЦА ЗЕМЛИ?»

Философы нас учили, что жизнь развивается по спирали, и все в ней через какой-то период повторяется, только на новом уровне.
Это было полвека назад. Тогда в университете было все, как сейчас: наивысшим проявлением творческой активности в студенческой среде был недавно придуманный фестиваль «Университетская весна», на каждом факультете были свои звезды, но собраться вместе и создать что-то, что могло потрясти весь универ, они были не в состоянии. До тех пор, пока три однокурсника филологического факультета – Валентин Семенов, Владимир Сисикин и Вадим Кулиничев – не собрали лучших артистов других факультетов, сочинили и 1 апреля 1961 года показали первый спектакль, от которого и велось летоисчисление легендарного в свое время коллектива – Театра миниатюр ВГУ.
Легенда гласит, что первокурсники Семенов, Сисикин и Кулиничев успели пообщаться и вместе поработать на сцене с мегазвездой университетских «весен» пятикурсником Львом Кройчиком. Вскоре выпускник филфака Кройчик отправился по распределению в редакцию Шебекинской районной газеты, а когда вернулся в Воронеж, уже Сисикин с Кулиничевым отрабатывали свои распределенческие сроки на Сахалине и Урале. Через несколько лет они вновь встретятся на репетициях, куда их гнала неиссякаемая жажда творчества. Они хотели реализовать себя в новых спектаклях, а оказалось, что создавали для родного университета легенду. Через много лет профессор Воронежской академии искусств Зиновий Яковлевич Анчиполовский напишет о театре книгу, которую так и назовет: «Воронежская легенда». Вуз становится престижным не только потому, что в нем учились нобелевские лауреаты, что в нем есть научные школы с мировым именем, но и потому, что в нем создавались выдающиеся спортивные команды и легендарные театры. В МГУ это – Театр-студия «Наш дом» в Челябинском политехе – театр «Манекен», в Воронеже – Театр миниатюр ВГУ.
Это было время бурного расцвета студенческих театров миниатюр. Вуз, не имевший своего СТЭМа, считался неполноценным (как нынче неполноценным считается вуз, не имеющий своей команды КВН). ЦК комсомола тенденцию заметил и решил ее возглавить. В зимние студенческие каникулы 1966 года было решено провести в Москве первый Всесоюзный фестиваль студенческих театров. Со своим спектаклем «Пять ступенек в...» на фестиваль отправился Театр миниатюр ВГУ. И – провалился.
Сегодня бы сказали: «Не попали в тренд». Лидерами фестиваля стали коллективы, раздумывавшие о добре и зле, о жизненной позиции, неравнодушном отношении к окружающему. На этом фоне туповатые преподаватели и находчивые бездельники-студенты - герои миниатюр воронежцев - выглядели анахронизмом.
Я пришел в театр первокурсником филфака в сентябре 66-го, когда новые цели были уже определены, а в труппе, кроме 32-летнего преподавателя Кройчика, в лидерах уже было несколько аспирантов и выпускников. И задержался в коллективе на 23 года. И вовсе не один я был такой: каждое поколение студентов, ставших актерами ТМ, оставляли в коллективе по нескольку своих представителей. Они мужали, делали карьеру, обзаводились семьями и детьми, но театр не бросали до самой последней возможности.
Актеры набирались профессионализма, а театр мог ставить перед собой все более сложные творческие задачи. Вслед за самодеятельными миниатюрами в репертуаре появились профессиональные авторы, а затем – и классика. В 1970 году Лев Кройчик поставил спектакль «Парадокс» – это была инсценировка рассказов советских и зарубежных авторов. В 74-м с большим успехом прошла премьера «Голубой книги» Михаила Зощенко. Потом были гоголевская «Шинель», «До третьих петухов» Василия Шукшина, «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина. Постановщиком этих спектаклей был уже Владимир Сисикин.
Отважусь утверждать, что в те времена трудно было встретить в университете студента или преподавателя, ни разу не побывавшего на спектаклях Театра миниатюр. Подоконники актового зала главного корпуса всегда были заняты, в проходах теснились зрители, украшие из окрестных аудиторий стулья.
Возвращаясь к московскому фестивалю, следует сказать, что он серьезно напугал его организаторов из ЦК комсомола. Кончалась хрущевская оттепель, наступали иные времена, и Всесоюзный фестиваль остался первым и последним. Зато в восьмидесятые годы нам удалось поучаствовать в нескольких театральных фестивалях любительских, профессиональных и полупрофессиональных коллективов, устроителями которых были уже сами вузы, где члены жюри – театральные критики и режиссеры проводили «разбор полетов» без скидок на самодеятельность. На этих фестивалях театр получил свою долю комплиментов.
Готовясь к празднованию 25-летия ТМ, мы с Вадимом Кулиничевым попытались посчитать всех людей, прошедших через него. Насчитали около трёхсот человек. Совсем немногие из них ушли в профессиональный театр. Для остальных школа театра не только помогла стать им интересными людьми, но и хорошими специалистами, ибо театр старался воспитывать в своих актерах творческое отношение к любому делу. Кажется, сейчас это называют иностранным словом «креатив».
«Где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли?» – спел лидер группы «Чайф» Владимир Шахрин. Это он про нас спел, про наш театр. Вдруг философы окажутся правы, и в стенах родного нашего ВГУ объявятся основатели нового, современного, умного и талантливого театра?
Вот бы дожить...

Петр Новиков,
Актер Театра миниатюр ВГУ,
директор театра с 1973 по 1989 гг.

Хроника текущих событий

1966 г.

Первый выпуск

Впервые в Воронежском университете состоялась защита дипломных работ студентами отделения журналистики филологического факультета...

Воронежский университет. 1966. 17 мая.

Золотая медаль

Президиум Географического общества при Академии наук СССР сообщил воронежским географам, что на заседании Ученого совета общества, состоявшемся в г. Ленинграде, доктору географических наук проф. Воронежского государственного университета им. Ленинского комсомола Федору Николаевичу Милькову присуждена премия и золотая медаль имени П. П. Семенова-Тяншанского.

Там же. 9 мая.

На механико-математическом факультете состоялась первая в наших стенах защита кандидатской диссертации вьетнамским аспирантом. Диссертант Нгуен Вам Дьен.

***

Создан подготовительный факультет для иностранных граждан. Декан факультета – Вероника Александровна Павлова.

***

Лауреатом премии Ленинского комсомола за 1967 год стал Евгений Михайлович Семенов, доцент ВГУ.

1969 г.

Открылся подготовительный факультет для рабочей и сельской молодежи (рабфак).

***

В 1969 году в медно-никелевых рудах Воронежской области был обнаружен новый минерал, названный точилинитом в честь Митрофана Степановича Точилина, много лет работавшего в ВГУ. Первооткрыватель минерала Сергей Петрович Молотков, выпускник ВГУ.

1970 г.

ВГУ – Скопле

Растут и ширятся международные связи Воронежского государственного университета им. Ленинского комсомола.

На прошлой неделе профессорско-преподавательский состав принимал у себя высокого гостя, профессора, доктора филологических наук, ректора университета им. Кирилла и Мефодия в Скопле (Югославия) Кирилла Пенушлиски.

Он приехал в Воронеж в связи с предстоящим обменом студенческими учебными группами между Воронежским университетом и университетом в Скопле.

Воронежский университет. 1970. 30 мая.

1971 г.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

...За большие заслуги в подготовке специалистов для народного хозяйства и развитие научных исследований наградить: орденом Ленина Воронежский государственный университет имени Ленинского комсомола...

Воронежский университет. 1971. 16 февраля

***

Театр песни ВГУ создан в декабре 1971 года. Руководители нового коллектива – Анатолий Каплан и Александр Смирнов.

1972 г.

Ректором университета становится Николай Алексеевич Плаксенко.

1973 г.

4 мил. 200 тыс. рублей – таков вклад бойцов ССО ВГУ во всесоюзную целинную копилку. В 1973 году в 4-х строительных отрядах университета трудилось 1553 человека.

Воронежский университет, 1973, 18 декабря.

***

20 октября 1981 года университету был вручен Орден «Знамя труда» ГДР. Коллектив университета награжден за большую роль в подготовке специалистов для Германской Демократической Республики.

***

В январе — феврале 1974 г. состоялась первая спартакиада «Здоровье» профессорско-преподавательского состава и сотрудников университета. В ней приняли участие представители 50 кафедр и отделов. Участники спартакиады увлеченно сражались на лыжне, в спортивных залах, за шахматной доской. Преподаватели и сотрудники за две недели соревнований получили большой заряд бодрости.

***

...На днях бюро Воронежского обкома ВЛКСМ приняло решение о присуждении премии Воронежского комсомола имени Василия Кубанева 1976 года театру песни ВГУ за программы и спектакли 1971—1976 годов, а также за большую работу по пропаганде комсомольской, патриотической и политической песни...

Воронежский университет. 1976. 3 ноября

***

Ректором университета становится Алексей Митрофанович Беликов, профессор, доктор технических наук.

***

Кто из ученых университета наиболее плодотворно работал в прошлом году? Назову Игоря Кириллович Маршакова с химического факультета. Он активно участвует в комплексной программе ГКНТ. Хочется отметить профессора Владимира Федоровича Сыногова... В 1983 г. Владимир Федорович разработал и внедрил отдельные узлы аппарата цифровых синтезаторов с фактическим эффектом 440 тыс. руб. Профессор Валентина Ивановна Собинникова занимается исследованиями по координационным планам АН СССР. Заведующий кафедрой политэкономии Иван Сергеевич Шаршов руководит работой «О комплексной программе «Россия».

Из беседы с ректором ВГУ проф. А. М. Беликовым, Воронежский университет. 1984, 13 апреля

***

Недавно наш университет посетила испанская делегация в составе ректора профессора Мигеля Кордель Кампильо, проректора Анхеля Реглера Чиль, генерального секретаря университета Мануэля Гари Альвареса. Состоялся полезный обмен мнениями, разговор о формах и перспективах сотрудничества между двумя вузами.

Воронежский университет. 1985.

***

Создание факультета журналистики на базе отделения филологического факультета.

1987 год

Ректором университета избран Владимир Васильевич Гусев, профессор, зав.кафедрой исторического факультета.

1991 год

Игорь Кириллович Маршаков, профессор, доктор химических наук, удостоен звания заслуженный деятель науки РСФСР.

И МЫ ПАХАЛИ!

Заведующий кафедрой — комбайнер

Этим летом группа сотрудников университета, пройдя предварительный курс комбайнеров, помогала труженикам села убирать урожай. <...>

Наш корреспондент встретился с заведующим кафедрой отраслевых экономик доцентом П. Ф. Ивановым - одним из тех, кто трудился в нелегкую страдную пору, и задал ему несколько вопросов.

- Петр Федотович, где и когда вы работали?

- Я помогал убирать зерновые культуры в колхозе «Золотой колос» Каширского района. Сельскую вахту держал месяц - с 7 июля по 7 августа.

- И каков же результат Вашей работы?

- На комбайне «Колос» я со своим помощником М. А. Кондусовым намолотил более шести тысяч центнеров зерна. Мы старались проводить уборку качественно, с наибольшей производительностью. На первых порах мне, конечно, было тяжеловато - сказывался недостаток опыта. Потом освоился, дело пошло на лад.

«Воронежский университет», 11 сентября

В. П. СКОБЕЛЕВУ

Простор картофельного поля,
Грузовика далекий гул...
Да кто тут не набил мозолей,
Потов не лил, спины не гнул!
Земли усталой голос древний
Вносил поправки в курс наук, -
Сближенье города с деревней
Узнали мы из первых рук.
Попробуй вынуть ими центнер
Картофеля из борозды;
Носили мудрые доценты
Мешки студенткам молодым.
День гаснул, отдыхало поле,
Усталый человек сидел,
Глазами, близкими до боли,
На небо красное глядел...
О, это было все когда-то,
Но средь моих высоких дней
Оставлю поле, свет заката
И человека на земле.

Галина Умывакина
1977 г.

«Гренада» в степи рождена

Студенческий строительный отряд «Гренада» был сформирован в прошлом году. Тогда-то и родилась песня, автором которой был отрядный запевала Анатолий Каплан.

... Романтикой мятежной
рождены.
Домашнего уюта нам не надо.
Нас позвали стройки
целины —
Вперед, вперед шагай, отряд
«Гренада»!

Прошел год, и снова «Гренада» на целине. Как и в прошлом году, мы строили, пели, мечтали. Все так же ждали писем, скучали по Воронежу. И работали - в этом году, может быть, лучше.

О работе можно рассказать подробнее.

— Ассистентам приготовиться! Надеть перчатки! Вода, песок, цемент, скальпель! — раздаются четкие команды. Мы надеваем грубые, видавшие виды рукавицы, подаем все в четкой последовательности. «Хирурги» Н. Онищенко, В. Малюткин, Б. Скрипников, А. Перегудов легкими привычными движениями работают «скальпелем» — лопатой. Операции происходят в бочках. В них мы делаем бетон. Семь ведер — предельная емкость. Для нас это очень мало, а тут еще не работает бетономешалка. Но мы приспосабливаемся, надежнее распределяем силы и вот результат — 1500 бочек бетона в день! В степи выросли зернохранилища длиной 75 метров, шириной 15 метров, высотой — 3,5 метра и точно такая же машиноремонтная мастерская. Сейчас даже самим не верится, что сделано это с помощью обычной пузатенькой кадушки. <...>

***

Саман. Саман нам не в новость. Прошлый год научил нас обращаться с ним. Работа не сложная, но тяжелая. Залез в упряжку и тащи форму в ямы. Первейшая заповедь — количество. Качество — это само собой разумеется.

Из самана мы строили жилые дома и водокачку.

Концерты. Первый концерт мы давали в поселке Сулукули. Конечно, готовились очень тщательно и были удивлены тем, что публика не спешила в клуб. В чем дело? Ведь рабочий день давно закончен?! Оказывается, нас приняли за гастролеров-артистов, решили, что концерт будет платным, а раз так, то артисты могут и подождать.

Но вот мы начинаем концерт «Целинной строительной» (слова воронежского поэта Станислава Никулина, музыка нашего студента Анатолия Каплана). Песен у нас много: жанровые, патриотические, лирические, русские народные. Искренние улыбки, а зачастую и веселый дружный смех вызывала наша творческая пара — А. Перегудов (химик) и В. Скрипников (историк). Больше всех аплодисментов выпало на долю Нины Васневой (филфак), исполнявшей русские народные песни. Концерт закончился, когда было совсем темно.

Потом выступали на центральной усадьбе, давали концерт в честь первого совхозного хлеба, сданного государству (работали мы в совхозе, который существует чуть больше года).

Одним словом, труд и песня всегда жили рядом. Нашей спутницей постоянно была и веселая шутка На целине родились новые стихи и песни, которые мы привезли в университет. Привезли мы и крепкую дружбу целинников.

Николай Репченко
Воронежский университет.
1965. 5 окт.

Макомбо Тигани

Наследного принца Макомбо Тигани
Еще не видали в таком одеянии.
Скажите, его соплеменные боги,
Зачем он в ковбойке простой,
а не в тоге?

Скажите открыто, чего это ради
Тигани в строительной интербригаде?
Не слишком зазорно ли в сане таком
И бревна пилить, и стучать
молотком?

В неведеньи боги, иначе о том бы
Сказали они непременно в ответ,
Что с виду надменный Тигани Макомбо -
Общительный парень, студент и поэт.
Ни в чем отставать африканцу
не хочется.
Хотя и вспотела рубаха на нем.
Смеется напарник: «Эй, ваше
высочество,
А, может быть, все-таки передохнем?»
И видится парню совсем не корона,
Когда па рассвете кричат петухи.
Еще не достроен колхозный коровник,
Еще не дописаны толком стихи
О том, что свежи деревенские грозы,
Что дышится в поле на диво легко.
И что под Рождественской Хавой
березы
Белей, чем кокосовое молоко.

Аркадий Пресман

НАСТАВНИКИ И УЧЕНИКИ

***

Федор Николаевич Мильков, профессор, доктор географических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

***

Алла Борисовна Ботникова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной литературы филологического факультета, заслуженный работник высшей школы России.

***

Николай Иванович Губанов, выпускник биолого-почвенного факультета 1970 года, доктор философских наук, профессор Актюбинского мединститута.

***

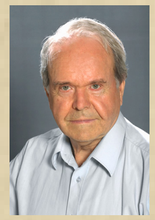
Борис Абрамович Зон, доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой математической физики, заслуженный деятель наук РФ, выпускник физфака ВГУ.

***

Валерий Григорьевич Артюхов, доктор биологических наук, профессор, декан биолого-почвенного факультета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, выпускник биолого-почвенного факультета ВГУ.

***

Евгений Михайлович Семенов, доктор физико-математических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола, выпускник матфака.

***

Владислав Анатольевич Свительский, доктор филологических наук, профессор ВГУ, выпускник филфака ВГУ.

***

Яков Александрович Угай, профессор, доктор химических наук, Лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

«НА НЕВЗГОДЫ ВНИМАНИЯ НЕ ОБРАЩАЛИ»

ПО ЕГО КНИГАМ УЧИЛАСЬ СТРАНА

Яков Александрович Угай, профессор, доктор химических наук, с 1975 года по 1984 год – проректор по научной работе. В 1962 году по инициативе Якова Александровича была создана в университете кафедра химии полупроводников. В 1981 году за цикл исследований в области термодинамики полупроводников Я. А. Угай вместе с группой ученых из Москвы, Ленинграда, Новосибирска был удостоен звания Лауреата государственный премии СССР.

В 1995 году Яков Александрович Угай был удостоен звания «Почетный гражданин города Воронежа».

***

В 1944 г. после окончания Казахского университета им. С. М. Кирова я был направлен на работу в ВГУ. Стал ассистентом на кафедре неорганической химии у Александра Павловича Палкина.

Воронеж лежал в развалинах. Химфак располагался на первом этаже трехэтажного здания. Второй и третий этажи были разрушены, и после занятий студенты и преподаватели работали на их восстановлении. Мебели не было. Электричество отсутствовало. Опыты и исследования проводили на примусах и керосинках.

Жил я с семьей в том же здании: выделили мне маленькую двенадцатиметровую комнатку. В этом было свое удобство: по вечерам, когда факультет затихал, я мог, так сказать, не отрываясь от домашнего очага, заниматься экспериментом. Правда, досаждали крысы. С наступлением темноты они бесцеремонно шныряли по всему корпусу. Но на них привыкли не обращать внимания.

Из воспоминаний А.Я.Угая

Уважаемый
Яков Александрович!

Пишут Вам студенты Кубанского государственного университета. Мы хотим выразить Вам свою глубокую благодарность за учебник «Общая химия», в котором, как нам кажется, собраны самые передовые взгляды на курс химии. Ваш учебник является универсальным, изложение на достаточно высоком теоретическом уровне, доступно для самостоятельного изучения. Учебник оказал нам хорошую помощь в подготовке к сессии.

По нашему мнению, особо удачны разделы «Строение атома и периодическая система элементов», «Химическая связь». Ни в одном из имеющихся у нас учебников мы не нашли такого подробного и конкретного материала.

Хотелось бы поблагодарить всех сотрудников, которые помогали Вам в создании учебника, коллег, рецензентов.

С уважением к Вам
студенты I курса
химического факультета
Кубанского госуниверситета
02.01.85 г.

ЧЕМУ УДИВЛЯЛСЯ ПРОФЕССОР ДОППЕЛЬ?

В первой половине 50-х гг. на физмате работал профессор Р. Доппель (Роберт Робертович, как он себя называл) — видный немецкий ученый-физик. Вместе с Марией Афанасьевной Левитской он был одним из организаторов ядерной лаборатории, ставшей впоследствии кафедрой ядерной физики. Привезенные профессором ампулы с радий-полониевым излучением позволили организовать ряд классических лабораторных работ. В качестве ассистента в этих работах участвовал Леонид Сухотин, возглавивший кафедру ядерной физики после отъезда профессора Доппеля на родину в ГДР.

Роберт Доппель проработал в ВГУ четыре года. Говорил профессор по-русски с довольно сильным акцентом (особенно когда волновался), но лекции читал без переводчика.

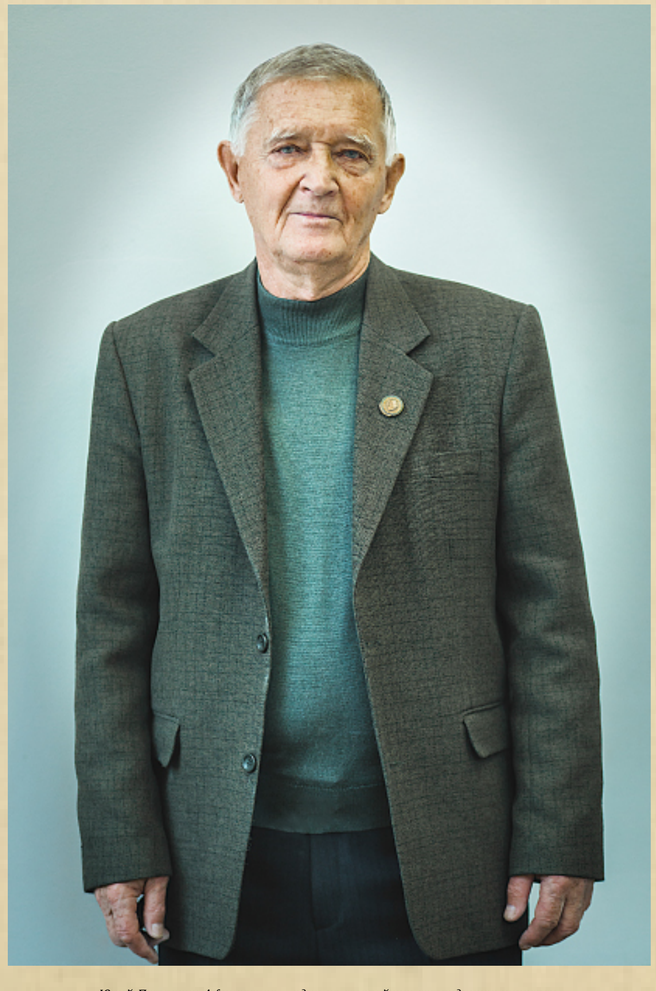
Почти пятнадцатилетнее пребывание в нашей стране, встречи с советскими людьми, поездки по СССР сыграли существенную роль в жизни профессора.

— Вы создали новый тип человека, — сказал однажды Роберт Робертович. — У вас прекрасные люди. Я нигде в Европе таких не видел. Коллективизм, горение, энтузиазм — вот отличительные черты советских людей. Вы трудолюбивы, незлопамятны. Вы пережили тяжелейшую войну и сумели преодолеть все трудности. Удивительная страна, удивительный народ.

И добавил, улыбнувшись:

— Одного не понимаю; почему вы, русские, шурупы забиваете молотком? Почему требования на материалы, которые нужны нам для лабораторных работ, проходят такой долгий путь? Если я пишу заявку на что-то, она должна быть удовлетворена максимально быстро. А мне приходится порой ждать месяцами.

Из воспоминаний В.С.Кавецкого

Юрий Петрович Афиногенов – один из старейших сотрудников университета, декан «михантьевского» призыва, возглавил химический факультет в 1964 году. С той поры с небольшим перерывом возглавлял химфак до 2007 года. Профессор, автор свыше 150 научных работ. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Награжден орденом «Знак почета», медалями.

ИМЯ НА КАРТЕ

В 1966 г. Юрой Сергеевым, молодым выпускником геолфака ВГУ, в центральной части Ичигемского хребта было открыто интереснейшее, сложное по составу месторождение. Недолго ему пришлось исследовать находку: на следующее лето Юрий погиб, спасая человека в воде бешеной речки Пенжины. Погиб в два часа светлой северной ночи. Его не нашли в холодной реке ни тогда, ни позднее, когда искали в пеших маршрутах и вертолетами. Юра остался частицей Корякин, далекой, почти не населенной земли.

Месторождение назвали Сергеевским, как и поселок, и геологическую партию, продолжившую его дело.

Заглядывавшие сюда москвичи — геологи объединения «Аэрогеология», иногда ошибаясь, говорили; «Сергиевское», вероятно, вспоминая Сергия Радонежского. Старожилы неизменно и вежливо поправляли — православная вера в данном случае ни при чем.

Юрий Сергеев был веселый и отважный человек. Романтик в лучшем смысле слова, он любил труд, а самую однообразную работу превращал в веселое, нескучное занятие.

Стихи любил неожиданные, с выдумкой. Повторял Корякин слова университетского поэта, подхваченные на «Весне»: «Словно бомбу, брошу в город голову, синюю, а смелую, как смех!»

Почему «синюю»? Неожиданно...

Он работал на Камчатке, распределившись по собственному желанию. Звучали старые (тысяча лет им) строки тибетского эпоса:

Уходят мудрые из дома,
Как лебеди, покинув пруд.
Им наша жажда не знакома —
Увидеть завершенным труд.
Им ничего не жаль на свете —
Ни босых ног своих, ни лед.
Их путь неизгладим и светел,
Как лебедя далекий след.

Странно, что тибетский. Неожиданно...

Диплом он защищал на английском. «К чему на английском, Юрк? — спрашивали однокурсники. — Два проекта получится у тебя — без черновика все равно не обойдешься. И с кафедры английского деканат справку требует, чтоб быть уверенным, что у тебя настоящий английский, а не феня какая-нибудь...» Сергеев вздыхал: так интересней. Испытание.

Он учился в ВГУ шесть лет, а работал три неполных сезона. О тех сезонах будут помнить.

Скажете, месторождение — случайность. Неправда! До Сергеева там проходили специалисты, они не видели ничего. Через год работы Сергеев стал начальником партии. Тоже случайность? Другому за десять лет такого не доверят.

О Сергееве помнят не только однокурсники. Сергеевское месторождение довели до ума, до нынешнего состояния коллеги, когда спорных вопросов почти не осталось.

Под низким небом стоит холодный обелиск, летом у него всегда цветы — тяжелые желтые рододендроны, красные саранки или скромная пушица. Память о друге. Заметный след на земле.

Из воспоминаний Л.Г. Шевырева

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УКРАШАЕТ НАШУ ЖИЗНЬ

ФЕНОМЕН ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Я отношусь к тем людям, которые считают, что определяющее значение в культуре имеет личность. Поэтому об Алле Борисовне как о личности и хочется сказать. Самим фактом своей жизни в Воронеже эта женщина определяет очень многое, независимо от того, какой деятельностью она в данный момент занимается: просвещает кого-то, анализирует что-то, пишет книгу воспоминаний или рецензирует спектакль. Прежде всего Алла Борисовна одна из самых прекрасных женщин этого города. Она в полном смысле слова - леди. И поскольку на наших просторах это огромнейшая редкость, даже при мимолетном общении с ней невольно подтягиваешься: хочется выпрямить спину, следить за чистотой речи.

Одним словом – соответствовать. Во многом она камертон воронежской культуры. И это очень важно.

То, что в течение своей большой жизни Алле Борисовне удалось сохранить систему ценностей, полученную от своих славных предков, и суметь это наследие обогатить собственным научным, творческим, человеческим опытом, - по большому счету, чудо! Как ее не перемолол «совок», как ее не переборола провинция, как ей удалось не сломаться? Это чудо, достойное восхищения. Существовать в одном городе с таким человеком, быть достаточно близко знакомым с Аллой Борисовной - это большая удача и настоящая опора. Если я а какую-то свою творческую работу вкладываю достаточно прихотливое содержание и рассчитываю на полноценный, адекватный отклик, на понимание, восприятие и прочтение этого послания, то прежде всего я жду этого от Аллы Борисовны и, конечно, от ее супруга. Про что еще хочется сказать? Алла Борисовна великолепно одевается. Ее чувство стиля безукоризненно. Она удивительно держит себя и замечательно выглядит.

Проанализировав феномен этого человека, можно открыть очень многие секреты и рецепты того, как на самом деле можно быть Женщиной с большой буквы. Прекрасной Дамой.

Михаил Бычков,
художественный руководитель
Камерного театра,
г. Воронеж

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Первое знакомство — самое туманное и далекое. Это, конечно же, студенческое узнавание сотрудников кафедр, полное благоговейного восторга, детских еще домыслов, легенд и фантастических историй, причудливо смешанных с реальностью... Когда нам, желторотым «первакам», рассказывают о прошлом и настоящем факультета, то непременно добавляют: а вот этот человек - автор замечательного учебника, а тот - ученый с мировым именем, а третий... И рассказывают, рассказывают - старшекурсники, лекторы, кураторы групп... Так мы вливаемся в атмосферу филфака.

Алла Борисовна тогда для меня - заведующая чужой кафедрой, ибо я выбрал направление классической русской литературы и на «зарубежку» взираю со стороны, хотя и с внутренним восторгом от необычных тем и авторов. Однажды узнаю, что она же - основательница кафедры. Ощущение интересное, словно бы прикасаешься к большой истории, ведь так необыкновенно - знать того, кто основал кафедру...

Следующее впечатление - лекции. Третий курс. Появилась критичность по отношению к преподавателям, умение отделять знающих людей от начетчиков. Есть лекторы вдохновенные, но пустые, их полуторачасовое воспарение умещается на одной странице конспекта. Есть, напротив, систематики, которые убивают саму возможность самостоятельного мышления. Алла Борисовна читает совсем иначе. В ее размышлениях всегда находишь стройную логику, а вместе с тем - и творческую глубину, и простор для дальнейшего самостоятельного освоения материала. Она дает школу.

Именно школу (в отличие от обычных знаний) я начинаю осваивать под руководством Аллы Борисовны, когда становлюсь сотрудником кафедры зарубежной литературы, когда в сотрудничестве с ней работаю над кандидатской и докторской диссертациями. Очень благодарен ей за то, что она поверила в меня в непростой момент моей жизни.

Встречи с Аллой Борисовной дали мне многое. Это и умение искать, всматриваться в текст. И умение задавать трудные вопросы о нужности своих поисков, чтобы не обольщаться слепо значимостью сделанного. И умение не спешить с публикациями в ожидании действительной уверенности в качестве написанного. Однако ее школа - не только научная, это еще и школа жизненного общения. Конечно, большая разница в возрасте между нами не распологает к легкости внезапных контактов, однако Алла Борисовна с самого начала стала тем человеком, у которого я исподволь учился человечности. Учился умению правильно обращаться к людям. Умению открывать в других неожиданное и хорошее. Умению самому быть открытым для нового.

Пожелаю своему дорогому учителю и дальше сохранять эту любовь и радость бытия!

Дмитрий ЧУГУНОВ,
доктор филологических наук,
профессор ВГУ

ВСЕГДА ПЕРВЫЙ

Игорь Ефимович Рисин несомненно, выдающийся педагог, несущий студентам не только экономические знания, но и любовь к экономической науке. Это его призвание - учить не просто абстрактным понятиям, а глубокому пониманию реальных проблем. Не случайно Игорь Ефимович пользуется любовью многих поколений студентов экономического, химического, философского факультетов.

Сейчас уже почти забыты знаменитые в конце 1980-х годов рейтинговые оценки студентами качества преподавания. Но все сотрудники университета, прошедшие через эту «аттестацию», помнят, как сложно было получить максимальную «интегральную оценку», основанную на многих параметрах. Доцент кафедры политэкономии (в то время) Игорь Ефимович Рисин неизменно получал высокий балл.

Тысячи студентов, обучавшихся у иного выдающегося преподавателя (заметим, часто — по непрофилирующим предметам), помнят его занятия спустя 10, 15, 20 лет.

«Воронежский университет» 2001 г. 5 апреля

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ РИСИНЫМ, ЗАВЕДУЮЩИМ КАФЕДРОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

— Ваша кафедра готовит высококлассных специалистов?

— Да! Сужу об этом определенно, поскольку именно опыт в общении с европейскими коллегами. В частности, с бельгийскими и голландскими. Мы готовим бакалавров и магистров. При кафедре работает аспирантура. На трех докторов наук у нас две-надцать аспирантов и соискателей.

— И все защищаются?

— Не всегда. Но те, кто настроен серьезно — да! Сейчас разрабатываем новую учебную программу подготовки специалистов «Мастер общественного администрирования». На Западе эта специальность именуется «Public managment».

— Бюрократов что ли готовить будете? Их у нас и так много.

— Будем готовить управленцев высшей квалификации. Вы обратили внимание — сегодня многие начальники хотят быть кандидатами наук. Кандидатом или доктором наук нынче быть модно. Мы хотим этой моде противопоставить подготовку дипломированных менеджеров, способных эффективно управлять регионом, муниципальными образованиями.

— Вы, Игорь Ефимович, когда докторскую защитили?

— В 1998 году.

— Сколько человек за это время под вашим руководством защитили диссертации?

— Двадцать три человека стали кандидатами наук и четыре докторами.

— Невероятная скорострельность!

— Прибавьте к этой нагрузке 20 и более часов аудиторных занятий в неделю - причем преимущественно спецкурсы. А ведь разработка спецкурса, сами понимаете, особая статья.

Но есть и другие нагрузки. Вместе с Владимиром Наумовичем Эйтингоном и Юрием Игоревичем Трещевским занимался разработкой стратегического развития Воронежа.

В феврале 2010 года эта стратегия обсуждалась депутатами городской Думы, представителями общественности. В основе стратегии — идея о конкурентоспособности нашего города. Воронеж имеет все шансы быть лидером в Центральном Черноземье, несмотря на то, что, скажем, у белгородцев и липчан есть свои козыри — горнодобывающая и металлургическая промышленность.

— А какие козыри есть у нас?

— Во-первых, выгоднoе географическое положение — наличие мощного железнодорожного узла Воронеж-Лиски, трассы «Дон», во-вторых, возможность производить конкурентоспособные на мировом и внутреннем рынках товары; в-третьих, мощный интеллектуальный потенциал (система вузов, НИИ и проектных институтов); в-четвертых, деловая активность населения; в-пятых, лидирующее положение Воронежа как мощного культурного центра ЦЧР.

— Вашими бы устами, Игорь Ефимович, да мед пить.

— Я не златоуст - экономист. Материальные и интеллектуальные ресурсы области велики. Нужно только разумно использовать. Есть еще один колоссальный ресурс - рудные месторождения, о которых постоянно напоминает Николай Михайлович Чернышов, член корреспондент Российской академии наук, профессор геологического факультета нашего университета.

— Почему?

— Потому что, во-первых, нужны колоссальные денежные ресурсы, чтобы реализовать этот проект. А во-вторых, при освоении этих месторождений необходимо решить целый ряд экологических проблем.

— Вы так легко и свободно, Игорь Ефимович, говорите о стратегии развития вашей области, что я начинаю сомневаться — а не прожектерство ли все это?

— Напрасно сомневаетесь! Область располагает мощной экономической школой. Да, пожалуй, не только экономической. Наш университет — действительный лидер среди вузов региона и «красен» не мрамором, а учеными.

Из книги «Наш дом»
Воронеж, 2010

НИКОЛАЙ ЧЕРНЫШОВ: «НЕЛЬЗЯ СИДЕТЬ СЛОЖА РУКИ»

В 1968 году Чернышов стал заведующим кафедрой минералогии и петрографии (ныне это кафедра минералогии, петрографии и геохимии). Тогда, в шестидесятые годы начались в регионе обстоятельные исследовании Воронежского кристаллического массива, предшествовавшие возникновению программы «Платина России».

Перво-наперво ученые разделили зоны ответственности: Чернышов отвечал за научное прогнозирование. Додин — за производственную часть программы.

— В 1994 году мы провели научное совещание с участием всех заинтересованных лиц — ученых-платинистов и организаций (вузов, научно-исследовательских институтов, лабораторий), которых могла привлечь наша программа. Откликнулись на приглашение свыше сорока коллективов. В совещании участвовали 180 человек. Это был настоящий форум, подтвердивший серьезность научных и производственных устремлений. Съехались люди от Владивостока до Питера. Среди участников были представители десяти академических институтов и пятнадцати производственных организаций.

Министр Орлов нас поддержал — были выделены солидные средства. Правительство понимало — речь идет о стратегической безопасности страны, о перспективах ее экономического развития.

И началась работа.

Накануне 1994 года Чернышова журналисты спросили:

— Что бы вы взяли с собой в будущий год?

Тот ответил:

— Свободу работать и свободу творить.

А второй вопрос был такой:

— Как вы относитесь к неудачам?

Николай Михайлович ответил:

— Неудачи преодолеваю работой.

Как в воду смотрел — и работы было много в начале девяностых (шла общероссийская программа «Платина России», одним из руководителей которой был Чернышов), и неудач хватало.

Что же касается свободы, то чувство внутренней свободы Николая Михайловича никогда не покидало. Одно удручало — энтузиасты работали, думая о будущем страны, в которой они живут, а другие — и таких было немало — наблюдали за тем, как эти самые энтузиасты пытались изменить страну в лучшую сторону и бурчали:

— Зачем стараться - все равно ничего не получится... Денег нет, специалистов нет... Ради чего проявлять энтузиазм?

Чернышов хорошо понимал — сидеть, сложа руки нельзя: надо вести неустанный поиск. Любой поиск - это кропотливая работа мысли и непрерывная работа людей в пространстве, называемом геологами «полем». Сегодня разворачивается борьба вокруг медно-никилевого месторождения на востоке Воронежской области.

— Главная наша беда, — говорит Чернышов, — мы не знаем, как разумно распоряжаться тем природным потенциалом, который находится в наших руках.

СТАНИСЛАВ КАДМЕНСКИЙ: «БУДУЩЕЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, ЧТО БУДЕТ С РОССИЕЙ»

Станислав Георгиевич, заведующий кафедрой ядерной физики ВГУ, заслуженный деятель науки РФ и академик РАЕН, более 50 лет отдал ВГУ, родному физическому факультету. В девяностые годы был избран народным депутатом Российской Федерации.

— Как вы оцениваете ситуацию с Воронежским университетом в преддверии его юбилея?

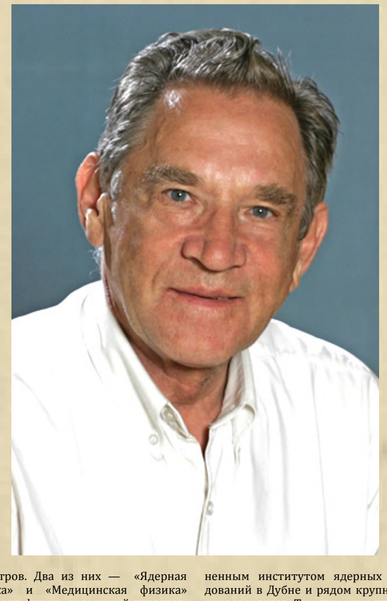
— Главное, что за последние 20 лет тяжелого периода в жизни России, который до сих пор продолжается, университет и его профессиональные кадры удалось сохранить. Во многом благодаря коллективу и руководству ВГУ. Но на большинстве факультетов преподаватели, как правило, пожилые, а молодых кадров — мало. Причина этого, связана в первую очередь с тем, что успешные выпускники и молодые кандидаты наук не хотят работать за ту зарплату, которую им предлагают государство и вуз. Например, молодой «ядерщик» на АЭС будет зарабатывать около 30 тысяч рублей. И у него есть шансы довольно быстро довести зарплату до 50 тысяч. А доцент только с 1 сентября этого года получает чуть больше 18 тысяч рублей, ассистент — около 9 тысяч.

— Каким вы видите будущее университета?

— Будущее университета зависит от того, что будет с Россией. За 20 лет наша страна заметно отстала от западных стран практически по всем современным направлениям экономики и науки. За эти годы она фактически потеряла радио, микроэлектронику, станкостроительную и машиностроительную отрасли промышленности. Сейчас много говорят об инновационном развитии. А оно, на мой взгляд, заключается в восстановлении на современном научно-технологическом уровне базовых направлений экономики. А это нельзя сделать только на базе иностранных инвестиций и нашего замечательного частного капитала. Необходима серьезнейшая государственная программа, обеспеченная финансами, подготовленными кадрами и серьезным научным сопровождением. Выпускники естественных и инженерных факультетов вузов страны не могут найти достойную работу по специальности, потому что многие заводы стоят. Большинству этих выпускников приходится устраиваться программистами и мелкими менеджерами. Правда, ситуация с выпускниками кафедры ядерной физики существенно иная: у нас в стране и за рубежом энергично строятся атомные реакторы.

— Каких же специалистов готовит ваша кафедра?

— Сейчас на кафедре ядерной физики открыты три направления подготовки специалистов, бакалавров и магистров. Два из них — «Ядерная физика» и «Медицинская физика» — носят фундаментальный характер. «Медицинскую физику» мы открыли одни из первых в стране. Профиль уникален: он дает возможность разрабатывать современное медицинское оборудование и работать на нем. Сейчас многие томографы Воронежа работаю благодаря нашим специалистам. Первый выпуск медицинских физиков мы подготовили для Старого Оскола. Во-первых, наших выпускников встретили так хорошо, как хотелось бы. В скором времени им дали квартиры. Во-вторых, отправили в длительную стажировку в Германию на предприятия компании «Siemens». Сейчас они работают в одном из лучших в стране медицинских центров. Также мы открыли и третье направление по программе Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», которое связано с подготовкой инженеров для атомной энергетики.

Мы сотрудничаем также с ведущими ядерными научными центрами нашей страны: Санкт-Петербургским институтом ядерной физики, Объединенным институтом ядерных исследований в Дубне и рядом крупнейших университетов. Там студенты проходят производственные практики и выполняют дипломные и магистерские работы. Все, кто хочет продолжить сотрудничество, остаются, как правило, в этих центрах. У нас есть договор с Берлинским институтом ядерной физики. Студенты, которые проходят там обучение, как правило, получают приглашения остаться в Германии. Но не все хотят или могут покинуть Родину.

— Есть ли проблемы с рабочими местами для ваших выпускников в сфере атомной энергетики? Ведь вы выступал против строительства Воронежской атомной станции теплоснабжения – ВАСТ.

— Есть атомные электростанции – АЭС, которые вырабатывают электроэнергию. К ним относятся достаточно надежные и рентабельные Нововоронежская и другие АЭС, к которым мы всегда относились с уважением, потому что на них работают наши выпускники. Многие годы, например, директором Нововоронежской АЭС был Вячеслав Викин, выпускник нашей кафедры. В настоящее время, примерно пять заместителей главного инженера в Нововоронеже – тоже наши ребята. А в семидесятых годах в нашем городе начали строить ВАСТ. Два атомных реактора, стоящие рядом, в Шилово, должны были снабжать горячей водой квартиры 600 тысяч людей через трубы, которые были проложены по всему городу. ВАСТ могла бы стать первой в мире станцией подобного рода, но мы изучили ее проект, и оказалось, что он сделан некачественно. Кипящий режим работы ВАСТ оказался неустойчивым. Кроме того, нас испугало, что это сверхцентрализованный источник тепла. А это означало, что в случае аварии на ВАСТ, нужно было включать практически все котельные Воронежа, работающие на мазуте и угле, которые переводились в «ждущий» режим. Мы поняли, что это плохой проект и вступили против его реализации. Жители города нас поддержали, и строительство ВАСТ было остановлено. А нам говорили, что нужно спешить, так как такие станции скоро будут во многих странах. Но за 30 лет ни одной так и не появилось. Значит, они были нерентабельны, а мы оказались правы.

— А были ли вы, народный депутат Российской Федерации, правы, когда практически во всем поддерживали Бориса Ельцина на съезде?

— Первый съезд народных депутатов РФ был уникален, потому что тогда никаких «деловых» контактов у политиков с бизнесом не было. Все было честно, нас избирали граждане. Мы представляли разные идеологии: один выступали за коммунизм, другие – за демократию. Но все искренне хотели улучшить жизнь в России. Наше демократическое крыло мечтало о новой стране, которая станет менее идеологичной, но более открытой и успешной. Сейчас я и многие другие делегаты понимают, что нами были совершены серьезнейшие ошибки. И прежде всего, в выборе экономического пути развития через приватизацию и силовое введение частной собственности. Если бы мы вернулись в прошлое, то мы бы голосовали по многим вопросам иначе.

— А есть ли сейчас надежда?

— Надежда умирает последней. К тому же по своей структуре русский народ, безусловно, является оптимистом. Хочется верить, что у нашего президента и его друзей хватит мужества и мудрости изменить стратегическое направление развития России от следования идеологии общества потребления к идеологии интенсивного развития, опирающейся на великие культурные и моральные ценности русского народа.

Елена Тюрина

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ТЕАТР ПЕСНИ!

Театр песни родился 14 декабря 1971 г. Именно вечером этого дня, собравшись в 106-й аудитории гуманитарного корпуса, мы нарекли себя «театром песни ВГУ».

Нас было немного — Валя Дружнинская, Валя Прохина, Вера Копылова, Таня Алексеева, Галя Корнфельд, Игорь Черницкий, Анатолий Каплан и я. Мы с Капланом к этому времени уже были выпускниками университета, остальные — студентами разных факультетов. Анатолий Каплан был известен в ВГУ как композитор, руководитель популярного ансамбля математиков «Дубль-квинтет», составляющего основу вокальной группы театра миниатюр ВГУ. Я был тогда актером и сценаристом этого же коллектива.

Уже давно мы мечтали о создании такого вокально-драматического коллектива, какого еще не знала университетская аудитория. В театре миниатюр вокальная группа решала вспомогательные задачи, нам же хотелось самостоятельной работы. И мы начали репетиции спектакля «Человек, у которого была мечта» (или «Жизнь и смерть Мартина Лютера Кинга»). В основу его легла документальная повесть С. Кондратова.

Почему Кинг? Этот вопрос, спустя многие годы, нам задают и сейчас. Ответ и тогда, и нынче один: жизнь Кинга, оборванная пулей наймита-подонка, судьба его, отданная борьбе за человеческие права, касалась нас лично. Это было наше общественное дело.

К апрелю 1972 г. (т. е. за три с половиной месяца) мы подготовили спектакль. Когда смолк последний аккорд финальной песни «Мы преодолеем!», в переполненном зале наступила тишина. Дали верхний свет. В этот момент зрители поднялись. Я находился на самом краю авансцены и видел слезы в их глазах. Кто-то из наших актрис за моей спиной тихо всхлипнул.

А потом зал взорвался. Мы, пожалуй, даже не осознавая этого до конца, почувствовали всеми нашими потрясенными душами, что сделали какое-то очень важное и нужное для всех дело.

Из воспоминаний А.Смирнова

ХОЗЯЙКИ КАФЕДР

Когда я впервые пришла на кафедру русской литературы (факультет помещался тогда в студенческом общежитии на улице Фридриха Энгельса), меня встретила красивая, еще достаточно молодая женщина. Не часто встречающееся сочетание темных волос и ярких синих глаз придавало ее лицу необыкновенную привлекательность. Говорила она негромким голосом, держалась с чувством собственного достоинства и в то же время очень доброжелательно. Это была Таисия Александровна Кравцова (1912-2005), лаборантка кафедры.

Вскоре я заметила, что Таисия Александровна пользуется на факультете всеобщим уважением, и наша заведующая Елизавета Павловна Андреева очень с ней считается.

Я узнала, что Таисия Александровна была одной из организаторов кафедры и участницей восстановления первого университетского здания, построенного руками студентов, так называемого Красного корпуса. Она же была основоположницей кафедральной библиотеки, столь необходимой студентам в связи с тем, что университетской библиотеки еще не было.

Начиналась кафедральная библиотека так. Таисия Александровна, разбирая вместе со студентами развалины будущего Красного корпуса, разрушенного фашистами, нашла растрепанную книжку – «Горе от ума» Грибоедова. Она ее почистила, привела в порядок и с этой находки стало потом образовываться собрание необходимых для обучения студентов книг.

Прекрасно зная всех студентов, Таисия Александровна никогда не отказывала им в помощи, но, выдавая книги, требовала точности в сроках и бережного к ним отношения. Случалось, что она доверяла ключ от кафедры какому-либо студенту. Вечером собиралась группа, и происходило громкое чтение нужной книги.

Студенты очень ценили доброе к ним отношение, приходили к ней за советом, порой за помощью, и она никогда не отказывала им. Студентам казалось, что Таисия Александровна видит каждого насквозь и охотно подчинялись ее требованиям. А она воспитывала в них скромность, уважение к старшим и к факультету. Примером для студентов была ее дочь, Вельмира. Учась на филологическом факультете, она никогда не заходила на кафедру, не имела никаких привилегий, прилежно училась и была дружна с товарищами. Вышла замуж за студента-сироту Анатолия Дьякова, которому Таисия Александровна стала поистине родной матерью.

Как известно, в послевоенные годы не было бумаги, и студенты записывали лекции на случайных бумажных клочках или газетах. Таисия Александровна где-то раздобыла пачку географических карт, разгладила их, сшила из них тетради и раздала студентам.

Она была душой кафедры. Ей доверяли свои тайные мысли преподаватели, зная, что она никогда никого не предаст и по возможности поможет.

Прекрасно ориентируясь в учебных планах, Таисия Александровна досконально знала нагрузку каждого преподавателя и его возможности, умела вовремя подсказать каждому из нас, в чем мы ошибаемся, тактично поправить, посоветовать. Можно сказать, что Таисия Александровна была центром кафедры, во многом смягчая достаточно суровый стиль руководства нашим маленьким коллективом.

Жилось Таисии Александровне и ее дочери Вельмире трудно, но она никогда не жаловалась, не замыкалась в своих невзгодах. Нелегко ей было и с Елизаветой Павловной, с ее крутым и деспотичным характером. Мы видели это, но никогда не слышали ни одной жалобы. Те, кто знал Таисию Александровну, навсегда запомнили ее благородство, честное отношение к своим обязанностям и доброту к людям.

Такой же хозяйкой кафедры была и лаборантка кафедра всеобщей истории Надежда Тихоновна Щербович (1911-2004). Их сближало отношение к работе и к людям, хотя характером эти замечательные женщины очень отличались. Если Таисия Александровна казалась спокойной и уравновешенной, то Надежда Тихоновна была эмоциональным и импульсивным человеком, не скрывавшим своих чувств. Обе они были душой кафедр, поистине их хозяйками.

Надежда Тихоновна, как и Таисия Александровна была исповедницей забот и дум членов кафедры, особенно аспирантов Ильи Николаевича, с которыми у неё с первого же дня установились хорошие отношения. Помню, когда я приехала в Воронеж и спросила мужа о воронежских впечатлениях и об обстановке на факультете и кафедре, он сразу же сказал о том, каким хорошим работником и человеком является старший лаборант, Надежда Тихоновна Щербович. Он высоко ценил её деловые и душевные качества, доверял ей и считался с её мнением. На кафедре Илью Николаевича побаивались, особенно аспиранты, и мой муж не без юмора рассказывал мне о том, как часто Надежда Тихоновна их защищала, как она умела шуткой или какой-либо подходящей к делу репликой разрядить обстановку, а то и смягчить гнев за какую-либо промашку нерадивого ученика. Строгий профессор, как и все смертные, мог быть и не совсем справедливым, мог и ошибиться, тогда Надежда Тихоновна смело могла возразить ему или попросту указать, в чем он ошибается.

Она искренне уважала и по-своему даже любила Илью Николаевича, несмотря на внешнюю его суровость, он в свою очередь, относился к ней с большой теплотой и заботой. Так, она не раз упрекала меня за то, что я уезжаю надолго в Москву, хотя и понимала, что вся моя диссертация связана с работой в архиве А. Н. Толстого, что поездки эти крайне необходимы. Я и сама всегда волновалась, оставляя мужа на попечении прислуги.

Однажды она вылечила его в ситуации немножко смешной, но все же достаточно опасной. Илья Николаевич друг захромал. Внешне – никаких признаков, но наступать на пятку он не мог. Надежда Тихоновна приказала нам с домработницей Пашей попарить ногу, а затем приложить к пятке кусочек алоэ. К нашему изумлению, алоэ вытянуло из ноги половину сломанной иголки с каким-то количеством гноя. Разумеется, последствия этого могли бы быть мало приятными...

Вообще, когда Илье Николаевичу было плохо, Надежда Тихоновна волновалась за него, старалась чем-то помочь, успокоить, открыто выразить свое сочувствие. Делалось это искренне, открыто. Надежда Тихоновна никогда не скрывала своих чувств: могла вспылить, могла заплакать, но никогда не оставалась равнодушной к чужому горю. Не остался и Илья Николаевич равнодушным к ее горю: смерти матери. Надежда Тихоновна рассказала мне о том, что Илья Николаевич передал ей написанное им письмо. Оно поразило женщину, видевшую в жизни много своего и чужого горя, своим содержанием, о котором никому никогда не рассказывала, хотя признавалась, что перечитывает его в трудные моменты жизни. Помню, как прощалась она с Ильёй Николаевичем – не у гроба, а у нас дома, когда Илья Николаевич был уже без сознания. Надежда Тихоновна долго смотрела на него, потом заплакала и, низко поклонившись, ушла. Тёплую память о своем заведующем Надежда Тихоновна сохранила до самой смерти.

Надежда Тихоновна – фронтовая сестра, прошла через ад Сталинграда. Уходила она на фронт из Воронежа, потеряв незадолго до войны мужа и сына. Может быть, вследствие того она пошла на курсы медсестёр и провоевала всю войну, дойдя до Берлина.

Уходя из Воронежа, прощаясь с ним, сохранила в памяти надолго одну знаменательную сцену. В открытом окне одного покинутого дома сидели рядом, прижавшись друг к другу, собака и кошка, и смотрели на уходящих. Надежда Тихоновна говорила, что не раз вспоминала оставленных на произвол судьбы животных.

Об ужасе Сталинграда рассказывала мало и скупо. Видела столько смертей, столько страшного, гибель плотиков и лодок, на которых переправляли раненых на левый берег, что, наверное, ей страшно было вспоминать о днях и ночах героического города. Я представляю, как она с ее чутким и добрым сердцем закрывала глаза скончавшихся на её руках раненых.

Особенно поразил один ее рассказ. Умирал на госпитальной койке молоденький солдат-сирота. Умирал и горько жалел о том, что некому будет плакать о нём, некому вспомнить в урочный час. Потом, уже теряя сознание, протянул ей свой солдатский ремень. Надежда Тихоновна закрыла ему глаза, отдала последнее целование и поклялась, что никогда не расстанется с «его подарком». «Этот ремень и теперь у меня», – тихо проговорила она и заплакала. Заплакала и я, живо представив сцену прощания с солдатом-сиротой.

Рассказывала она мне и о втором своём муже, с которым познакомилась в Сталинграде. Они были просто хорошими друзьями. Алексей был женат, Надежда Тихоновна ещё не забыла погибшего в мирное время мужа (она с ним жила на Дальнем Востоке). И вдруг Алексей получает письмо от жены, в котором она сообщает о том, что не собирается оставаться всю жизнь одна, что уверена в неизбежной гибели мужа, ведь из-под Сталинграда живыми не возвращаются. Это письмо так поразило боевого офицера, что он стал искать смерти в бою, но смерть щадила его. Теплое участие Надежды Тихоновны смягчило его обиду. Так из сочувствия и дружбы родилась любовь, и они поженились. В Воронеж приехали вместе. Родилась дочь, Галя. Жили спокойно и счастливо. Вот такой была хозяйка кафедры всеобщей истории (потом она стала называться новой и новейшей истории) Надежда Тихоновна.

Прошли годы. Многое изменилось в стране. Произошли изменения и в нашем университете. Пришли новые люди с другим отношением к работе и к студентам, к сожалению, не лучшим. Есть, конечно, лаборанты добросовестные и трудолюбивые, но их, к сожалению, не очень много. О таких «хозяйках кафедр» в большинстве случаев приходится говорить в прошедшем времени. А жаль.

КОГДА НЕ НУЖНЫ СЛОВА...

—Кристина, давай встречаться, — сказал мне одноклассник Гриша Ендовицкий.

Что нужно отвечать в таких случаях? И нужно ли портить такой момент какими-то словами?

Сказать: «Да, давай» и, под звуки музыки и аплодисменты гордо продолжить идти по безлюдной улице? Я скажу «да» и все давно перегоревшие уличные фонари вдруг засияют, и посыпятся конфетти? Да и где вообще рубеж между отношениями и официальным «встречанием»? Если я гуляю именно с этим парнем, мы держимся за руки, мы нравимся друг-другу давно, то кто же сказал, что мы еще не встречаемся? Разве это решают слова, условности и они все меняют?

Гриш, давай оставим все, как есть - через несколько секунд ответила я.

Он, наверное, немного обиделся, а я, почему-то, не стала все разъяснять и доказывать. К чему слова? Он сжал мою руку еще крепче, и мы продолжили путь.

А дальше все развивалось именно так, как, я думаю, и должно было быть, без каких либо условностей, предложений встречаться. Мы наблюдали, как наши чувства растут, как дружба перерастает в любовь...

Не обсуждая тему свадьбы, мы точно знали, что обязательно поженимся, что это лишь вопрос времени.

— Объявляю вас мужем и женой, — услышали мы 3 августа 2012 года.

После этой фразы мы обменялись кольцами, подарили друг-другу первый супружеский поцелуй, получили много поздравлений и, как полагается, выпустили из рук голубей по команде фотографа.

Но нельзя сказать, что на утро после заветного дня мы проснулись другими людьми, нет, конкретно отношения между нами практически не изменились. Мы так же любили друг-друга, как и два дня назад, так же ссорились по мелочам и просили друг у друга прощения. Подобно тому, как отношения двух людей не меняются сразу после договора официально встречаться, и, более того, если нет любви и взаимопонимания, никакие условные обозначения их чувств им не помогут, так и молодожены не становятся в то же мгновение, как услышали слово «горько» навеки счастливыми и беззаботными. Пройдет еще много лет, прежде чем они станут настоящей крепкой семьей, но и тогда они должны будут постоянно работать над собой и заботиться друг о друге.

Вообще, думаю, брак в виде штампа в паспорте, пожалуй, не так важен как сам процесс формирования семьи. Семья — это в первую очередь любящие друг друга люди, для которых благополучие своего союза превыше всего.

Единственное, что было для меня ново после свадьбы, это то, что я переехала от родителей к Грише. Будучи «домашней» девочкой, я очень тяжело переживала сам переезд. Как бы это смешно не казалось, это огромное для меня расстояние составляет всего 3 остановки! Я с трудом представляла, как буду жить без мамы, папы, сестры и очень благодарна Грише, что период моей «адаптации на новом месте» он перенес с пониманием.

Но взамен мы получили первое «бесплатное» счастье — жить вместе. Мы до сих пор нарадоваться этому не можем. Все-таки очень здорово, когда твой любимый человек всегда рядом.

Наверное не покажется удивительным то, что после школы мы решили поступить в один ВУЗ, на один факультет. Уже третий год учимся в одной группе, сидим за одной партой, и даже представить не можем, как может быть по-другому. Мы с Гришей в говорим всем, что это очень удобно жениться на одногруппниках. Тетрадки можно иметь одни на двоих.

Многие считают, что семейная жизнь мешает учебе. Только не в нашем случае. Мы научились совмещать семейную жизнь с учебой и, даже, работой, и при этом еще уделять время отдыху, общению с друзьями, близкими.

Вообще, о вопросах любви не надо много говорить. Важны только чувства, и если вы чувствуете, что готовы пожениться, то не нужно ничего бояться и никого слушать, а главное – не надо ставить никаких условий себе и любимому человеку.

Беседа с Кристиной Ендовицкой.
Зарета Усачева

ИЗ УНИВЕРСИТЕТА В РОДДОМ И ОБРАТНО

Пока, Лерочка - целую свою малышку и бегу на пары. Сегодня учусь до шести. Молоко купила, кашу сварила. С остальным бабушка должна справиться. Лера охотно остается с нашими мамами, даже не плачет, ведь они рядом с самого её рождения.

Через четыре месяца после поступления в университет я узнала, что буду не только студенткой, но и мамой. Весь первый курс училась, не пропускала ни одной пары. Токсикоз обошел стороной и я чувствовала себя отлично. Последние месяцы беременности пришлись на летние каникулы. Доченька будто подсчитала, когда родиться, чтобы мне не бросать учебу. Родила 4 августа и уже 1 сентября сидела в университете на лекции. Конечно половина лекции пролетала мимо ушей, так как все мои мысли были только о дочери. Покормила ли её свекровь, уложила ли, и так далее. А может моя малышка плачет? Какая тут социология..

Так я продолжила свое обучение. Мамы очень помогали. Мы даже переехали к родителям мужа. Свекровь давала мне подремать ночью, что было необходимо, ведь утром пары. Самой трудной задачей было для меня тогда сосредоточиться на занятиях и не переживать за Лерочку.

Малышке уже три года, и конечно же, стало намного легче. Но теперь мы живем втроем. Муж на службе, он военный, а Лера постоянно на мне. Готовлю с ней, убираюсь с ней, даже делаю домашнее задание вместе с дочкой. Достаю книги и тетради, и она, повторяя мои действия, несет на стол свои книжки со сказками и «занимается». Во время сессии учу только тогда, когда она спит. На сон, конечно, времени мало, но желание поспать улетучивается, когда мой будильник говорит: «Все мам, я проснулась, вставай»! Встаю, кормлю, дожидаюсь родителей и бегу на экзамен.

В своих играх дочь тоже собирает сумку как я, одевается, и говорит: «Все мама, я в универ». Просится часто со мной, кричит: «Хочу учиться». Но желание поиграть и посмотреть мультфильмы пока пересиливает жажду знаний. Но это пока. Моя дочка обязательно получит высшее образование. Мой пример доказывает, что учиться можно несмотря ни на что, и не в ущерб чему-то такому же важному. Главное хотеть.

Я так счастлива, что у меня есть доченька. Нет ничего прекрасней её теплых ручек, которые меня обнимают. Есть любимый муж, который всегда поддержит, и, конечно, родители, которым нужно кланяться в ноги за все, что они сделали для нас и нашего ребенка.

Одногруппницы после занятий идут в кафе, или к друзьям, вобщем наслаждаются веселой студенческой жизнью. А я лечу домой к своей дочери, и счастливее меня в эти минуты нет никого на свете. «Доченька, мама пришла!»

Алина Арестова, 4 курс.
Исторический факультет ВГУ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ РАДУГА ВГУ

ПИСЬМО ЛЮДМИЛЕ

В эту страну я ехал учиться,
Долго и много работать.
И не мечтал найти в учителе
Добрую, нежную маму.
В незнакомом краю.
Без друзей, без родителей
Ощущать мы стали
Себя сиротами.
И те, кто в нас вызвал
Такую светлую и добрую,
Незнакомую раньше любовь, —
В памяти навсегда.
Мне стало это понятно...
Но как научиться, не знаю,
Этой безмерной любви,
Что исходит от Вас?
Вы нас научили работать
И добрыми быть,
Помогать другим и любить...
За это — спасибо Вам.
Пусть говорят, что память
В плену у времени,
Год прошедший сменяется
Новым годом.
Время приносит новые радости,
Новые трудности, беды новые,
Но не старится память о Вас...
По-сыновьи желаю здоровья
и счастья...

Из письма Людмиле Леонидовне Андреевой — преподавательнице подготовительного факультета для иностранных граждан от Ababakara Ibay Diaw из Мавритании.

***

Было это в Афганистане в 1983 г. Я работала тогда в Кабульском пединституте на кафедре русского языка. А буквально напротив помещения кафедры — Института общественных наук. Выхожу однажды после занятий и вдруг вижу, как из группы людей выходит человек:

— Белла Александровна!

Вглядываюсь — узнать не могу.

— Белла Александровнаф — моя русская мама! — говорит незнакомец, целуя руку.

Через какое-то мгновенье вспоминаю: да это же Саттар Мукамел, он учился у нас в 1975/76 г.

Разговорились (про себя отмечаю, что мой собеседник прекрасно говорит по-русски), выясняется, что Саттар закончил Тимирязевку, учился там же в аспирантуре, но был отозван и направлен на партийную работу б Институт общественных наук.

Подобная встреча — не исключение. Наши выпускники помнят подготовительный факультет (а ведь учились-то только год), пишут нам, передают приветы. Сколько писем у любого из нас. И в каждом письме — слова благодарности. «Подготовительный факультет — это порт, из которого мы отправились в плаванье», — пишет аспирант из Кении. «Подготовительный факультет — это фундамент нашего знания», — говорит студент из Кампучии.

Из воспоминаний
Б. А. Волостных

АФГАНСКИЙ ПЛОВ В ЖУРФАКОВСКОЙ ОБЩАГЕ

Мохаммад Исаак Мирвайс готовит ужин на тесной кухне в общежитии.

Маленький стол, электрическая плитка, холодильник. Разбросанная тут же на полу ребячья обувь. В углу какой-то шкафчик, и поминутно открывается дверь. Люди приходят и уходят. На этой кухне настолько тесно, что даже одному человеку здесь сложно развернуться. Но студент факультета журналистики Мохаммад Исаак Мирвайс (для своих просто Мирвайс Мир), приехавший в Воронеж из Афганистана, ловко с этим справляется. На свободном краешке стола он быстро нарезает морковку и лук. Достает из шкафчика афганский рис, купленный в Москве, и уходит в ванную, чтобы его промыть. При этом Мирвайс успевает поздороваться со всеми гостями и показать, какой он радушный хозяин.

Мирвайс уже многих друзей из общежития успел удивить своими кулинарными способностями. Каждый раз, когда он хочет показать свою признательность, он готовит именно национальный плов по особому рецепту. Но еще никому никогда не удавалось выведать, как все-таки готовится это чудо-блюдо. Специально для газеты Мирвайс раскрывает тайну национального блюда.

— Начинать надо с нарезки овощей, — говорит Мирвайс Мир. — Резать лук можно произвольно, а вот морковь обязательно должна быть нарезана полукружочками. Затем ставим на плитку воду и сразу засыпаем овощи в кастрюлю. После чего промываем рис. Рис однозначно должен быть афганским. Иначе, какое это национальное блюдо?!

— Овощи должны свариться 15 минут. После чего мы засыпаем в кастрюлю рис и мясо. К добавленным ингредиентам добавляем несколько ложек растительного масла. Его количество зависит от того, на сколько человек вы делаете плов, — продолжает Мирвайс.

Он сегодня рассчитывает на большое число «дегустаторов»: на газовой плитке стоит огромных размеров кастрюля. В ней, наверно, литров семь. Поэтому Мирвайс добавляет 20 ложек масла, это, чтобы рис не был суховат.

Как оказалось, афганский плов имеет еще одно свойство. Мы привыкли в нем видеть небольшие кусочки мяса, которые удобно брать вилкой. А вот афганцы не любят такие маленькие кусочки мяса. В плов они кладут большие куски баранины. Однако в России Мирвайс Мир заменил его мясом курицы. Объясняет он это тем, что русские не очень любят баранину, отказываются пробовать плов, когда узнают чье там мясо. Мирвайс поясняет, что, не смотря на такую замену, вкусовые качества плов не теряет.

— В плов стараюсь добавлять ножки и крылышки. Это самое вкусное. Ну, и, конечно, соль по вкусу. Гурманы еще добавляют щепотку орехов, — завершает студент журфака.

Подается блюдо в плоской большой тарелке. Но и здесь есть особый секрет. Сначала на тарелку выкладывают много-много риса, сверху кладут куриные ножки и крылышки (или баранину), а после мясо снова засыпают рисом. Неопытный «дегустатор» может подумать, что это обычный рис, а не плов никакой, но, отведав блюдо, поймет, что это не просто плов, а что это очень вкусное национальное афганское блюдо. Мы с фотографом Катей пробовали такой плов впервые, но дали ему самую высокую оценку. И это вполне обоснованно. Это невероятно вкусно! А в сочетании с афганской музыкой и гостеприимством Мирвайса, который, усаживая нас за стол, вспоминал русскую поговорку «Чувствуйте себя, как дома», - вообще незабываемо.

P.S. Спасибо тебе, Мирвайс, за такой отличный вечер!

Ирина Лазарева

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ

Часам к четырем я уже буду сидеть в автобусе. А в шесть — буду в Воронеже. За четыре года так и не смогла полюбить этот город (да простят меня его жители). И автобусы не люблю, которые возят меня сюда. Они — коварные, бесстыжие: в Воронеж едут всегда быстрее. А обратно — тянутся, ленятся. Обратно у них не выпросишь и минутки.

Уже октябрь. Начинаю ждать «чудище», которое любит навещать студентов каждый семестр. Сессия. У моего «чудища» две большие лохматые головы: экономический факультет и факультет журналистики. «Сражение» ведется четвертый год подряд. Самый «кровопролитный» бой был еще в самую первую сессию. Тогда хотелось сдаться. И было действительно тяжело. Как там, в знаменитой саге о волшебнике Гарри Поттере? У одной из учениц, кажется, был маховик времени, который позволял быть сразу в нескольких местах одновременно. Я от такой вещицы не отказалась бы тогда. Но сейчас я универсальный солдат с почти идеальной зачеткой.

Еще когда школьная золотая медаль была положена на полку в гостиной, я обещала себе перестать так серьезно относиться к учебе. Обещание не выполнено. Плохо, когда человек не выполняет обещания. Еще хуже, когда обманывает сам себя. Но, кажется, не в этот раз. Это врожденное или, может, выработанное чувство ответственности и максимализма позволяют мне теперь говорить, что я и оксфордский, и потанинский стипендиат. На днях услышала, что будто Л. Е. Кройчик просил моих сокурсниц – чего это она такая умная? Не люблю слово «умная». Книга о моих кафедрах (бух. учет и анализ и аудит) попала ко мне в руки благодаря всё тому же максимализму и ответственности: с однокурсницей тогда заняли первое место в Международной студенческой научно-практической конференции. Мы второй год побеждаем в традиционных апрельских конференциях на экономе. И нам это определенно нравится. Награды получать всегда приятно. Тут уже к четвертому году понимаешь, что не так уж и плох максимализм. Только нужно знать дозы и принимать по частям. Иначе рискуешь взвалить на себя слишком неподъемную ношу.

К четвертому курсу, наверное, пора уже подводить какие-то итоги. Но сейчас этого делать не хочется. Хочется верить, что большие горы еще покорятся, а близкие будут рядом. Взрослые наперебой твердят, что студенческие годы — самые лучшие. И они будут правы, обязательно. Только нужно будет отойти на пару шагов, чтобы увидеть всю их прелесть издалека, как смотрят картины в Третьяковке. А пока ты еще, идешь в многотысячном строю солдат, таких же как и ты, нога в ногу, не можешь оценить масштабы происходящего. Главное — жить по уставу.

Елена Мишина,
экономический факультет,
4 курс, ВГУ

ФОТОГРАФ Илья Куколев

УЧРЕДИТЕЛИ: коллектив ВГУ, профкомы ВГУ

Газета зарегистрирована Центрально-Черноземным региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о СМИ 11.05.1999 г. Рег. № В 1794

Главный редактор Л.В. Кудинова

Адрес издателя и редакции: 394006, город Воронеж, площадь Ленина, дом № 10, комната № 87
Тел.: 222-60-59
gazeta_vu@inbox.ru, steinberg@vsu.ru
Номер подписан в печать 19.11.2013. По графику – в 16.40, фактически – в 16.40

Цена договорная

Авторская позиция может не всегда совпадать с точкой зрения редакции

16+

Отпечатано в типографии ОАО Воронежская областная типография – Издательство имени Е.А. Болховитинова.
Адрес типографии: 394071, г. Воронеж, ул. XX-летия Октября, д. 73а

Заказ 3375-13. Тираж 2000.